

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 5

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»,
как средство массовой информации, зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Заладина М. В., Шетулова Е. Д.</i> Проявления отчуждения морали в современном обществе.....	6
<i>Краузе А. А.</i> Исследование феномена индивидуализации в контексте современного общества.....	9
<i>Павлов А. П.</i> Картины мира и дискурсивный порядок.....	12
<i>Матушкина М. О.</i> Типология случайности в контексте историко-философского подхода.....	17
<i>Шаяхметова Л. А.</i> Различные грани построения коэволюционной методологии.....	20

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Трушкова И. Ю.</i> Повседневная история российской провинции в годы I Мировой войны (на примере северного вятского пограничья).....	24
<i>Левченко М. В.</i> Начало работы консерваторов и либералов в ФРГ во втором Бундестаге (1953–1957 гг.). Возникновение первых коалиционных противоречий.....	29
<i>Осмаев М. К.</i> К вопросу об истории Чеченского княжества (XVII–XVIII вв.).....	34
<i>Дрогов Е. М.</i> К вопросу о классификации гербовников.....	39

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Токарева Г. А.</i> Структура лирического субъекта древнегреческой лирики в свете теории коммуникаций.....	46
<i>Лутфуллина Г. Ф., Хайрутдинова Г. А.</i> Явление панхронии в функционировании временных форм русского языка.....	52
<i>Багян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А.</i> Особенности репрезентации профессиональных знаний при помощи паремий в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе.....	55
<i>Кирыкова О. И., Попова Н. В.</i> Место профильного иностранного языка в структуре компетенций специалиста в сфере внешнеэкономической деятельности.....	59
<i>Мухина Н. Б., Матвеева Н. В.</i> Коммуникативные неудачи при реализации скрытой цели речевого действия англоязычного говорящего.....	63
<i>Яхина Р. Р., Ильдуганова Г. М.</i> Особенности модификации заимствований англоязычного происхождения на материале экономической и финансовой терминологии.....	67
<i>Тулусина Е. А., Садыкова А. Г.</i> Общее и национально-специфическое в репрезентации концептов “Iernep” и «учеба» (на материале экспериментальных данных).....	71
<i>Хуранова Л. А.</i> Типология языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике.....	75
<i>Щербакова А. С.</i> Претексты романов П. Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна».....	80
<i>Кадырова У. Р.</i> Цветовые характеристики образов любовной лирики Ашык Умера.....	84

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сауров Ю. А. О проблемах педагогической антропологии... (рецензия на книгу: Корольков А. А., Преображенская К. В., Романенко И. Б. Педагогическая антропология в зеркале философии. СПб.: Алетейя, 2017. 176 с.).....	90
<i>Сведения об авторах</i>	93
<i>Information about authors</i>	96

CONTENTS

- Zaladina M. V., Shetulova E. D.* Manifestations of moral alienation in modern society
- Krauze A. A.* The research of the phenomenon of individuation in the context of the modern society
- Pavlov A.* Pictures of the world and discourse order
- Matushkina M. O.* Typology of chance in the context of historical-philosophical approach
- Shayakhmetova L. A.* Different foundations of coevolutionary methodology
- Trushkova I. Yu.* Russian province's every-day-history during I-st World War (on example of northern Vjatka boundary)
- Lewchenko M. W.* The beginning of the work of the conservatives and liberals in Germany in the second bundestag (1953–1957 gg.). the emergence of the first coalition of contradictions
- Osmayev M. K.* To the question about the history of the Chechen Principality (XVII–XVIII)
- Drogov E. M.* To the question of classification of armorials
- Tokareva G. A.* The structure of the lyric subject of ancient Greek lyrics in the Communication theory light
- Lutfullina G. F., Khairutdinova G. A.* The phenomenon of pantheon in the functioning of tense forms of the Russian language
- Bagiyev A. Y., Natkho O. I., Shiryayeva T. A.* Features of professional knowledge representation by means of paroemias in the english-speaking popular scientific business discourse
- Kiryakova O. I., Popova N. V.* The place of special foreign language in the competence structure of an expert in foreign economic activities
- Mukhina N. B., Matveeva N. V.* Communicative failure in the process of realisation of a covert purpose of the speaker's speech activity
- Yakhina R. R., Ilduganova G. M.* Modification features of english origin borrowings in the material of economic and financial terminology
- Tulusina E. A., Sadykova A. G.* General and nationally specific in the realization of the concepts "Lernen" and «Учеба» (on the material of the experimental data)
- Khuranova L. A.* Typology of Language Personality in domestic and foreign linguistics
- Scherbakova A. S.* The pretext of P. Ackroyd's novels "The house of doctor Dee" and "The journal of Victor Frankenstein"
- Kadyrova U. R.* Color characteristics of poetic images of Ashyk Umer love lyrics
- Saurov Yu. A.* On the problems of pedagogical anthropology...

Проявления отчуждения морали в современном обществе

Статья посвящена анализу моральной составляющей максимально общего понятия отчуждения личности, характеризующегося явлениями, вызываемыми к жизни самим человеком, но поработавшими его. Обращается внимание на то, что моральное отчуждение, появляющееся с момента зарождения морали, усиливается в переломные в развитии общества эпохи, к которым авторы причисляют и современный период. Констатируется корреляция описываемого феномена с утратой истинных нравственных ценностей, с разобщенностью, дезориентацией и унификацией людей в обществе потребления. Утверждается, что моральное отчуждение состоит в восприятии личностью императивности моральных требований как чисто внешнего принуждения, в исчезновении из нравственного сознания креативной составляющей. Обращается внимание на то, что одиночество, ставшее в современном постиндустриальном обществе массовым мироощущением, есть социальный феномен.

Article is devoted to the analysis of a moral component of the most general concept of the alienation of the personality. Authors pay attention that the moral alienation which has appeared long ago amplifies in critical societies to which the modern period belongs. Correlation of the described phenomenon with loss of true moral values, with dissociation, a disorientation and unification of people in consumer society is stated. It is claimed that moral alienation consists in perception by the identity of imperativeness of moral requirements as purely external coercion, in disappearance of a creative component from moral consciousness. Authors pay attention that the loneliness which has become in modern post-industrial society mass attitude is a social phenomenon.

Ключевые слова: отчуждение, мораль, нравственные ценности, общество потребления, разобщенность, дезориентация, унификация, социальный феномен.

Keywords: alienation, moral, moral values, consumer society, dissociation, disorientation, unification, social phenomenon.

Современную эпоху с начала 90-х гг. прошлого века по настоящее время можно охарактеризовать как период некоторой исторической раздвоенности, когда на какое-то время возникает определённый смысловой интервал между культурами. Предшествующая культура изживает себя, её идеалы критикуются (не всегда справедливо), а идущая ей на смену реальность с вновь складывающимися смыслами ещё не вполне сформировалась. В связи с этим приходит на память древняя китайская мудрость о том, что жить в эпоху перемен – это, по сути, наказание. В том же ключе в начале прошлого столетия высказывается Освальд Шпенглер, считающий, что в подобные периоды имеет место *переосмысление ценностей*, которое начинает «с того, что перечеканивает все формы предшествовавшей культуры, иначе толкует их, иначе ими пользуется» [1].

В общественном моральном сознании происходит духовно-нравственный перелом, предощущение неизбежных перемен, предчувствие радикальных сдвигов в жизни общества в целом и в судьбе каждого человека в отдельности. С одной стороны, подобные переходные эпохи неизбежно сопровождаются значительным взлетом идей, эмоций, целей, ожиданий, как потом оказывается, не всегда оправданных. С другой стороны, человек теряется в этом меняющемся мире, чувствует себя одиноким и беспомощным. «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное», – отмечает Эрих Фромм [2]. Далее он приводит парадоксальные примеры с религиозным отшельником и с политзаключенным в одиночной камере, которые, благодаря тому что они ощущают связь в первом случае с богом, а во втором – с единомышленниками, не испытывают моральной разобщенности с миром.

Моральное одиночество является одним из проявлений *отчуждения* индивида. Последнее также принято связывать с такими явлениями, как разобщенность, утрата ценностей, дезориентированность, унификация, внутреннее опустошение, безнадежность, растерянность и с другими, им подобными.

Не вызывает сомнения, что от отчуждения страдает собственно человеческая, сущностная основа личности. Поскольку специфика человеческой деятельности состоит в её предметности, а субъект «в своей деятельности опредмечивает свою сущность, то смысл феномена отчуждения состоит в порабощении человека созданными им самим силами, в разрушении человеческой сущности, в расчеловечивании человека. Квинтэссенция отчуждения есть самоутверждение, порождение человеком пожирающих его чудовищ» [3].

Несмотря на то что моральное одиночество переживается в границах отдельной судьбы и является показателем нравственного самочувствия конкретной личности, тем не менее это *феномен социальный*. Это так хотя бы потому, что в современном постиндустриальном обществе оно становится массовым мироощущением. Даже такой бывший ранее стабильным и относительно защищённым слой, как интеллигенция, по мнению российских социологов А. Ю. Карповой и Н. Н. Мещеряковой, в настоящее время «...маргинализируется... Неадекватное современным реалиям бюджетное финансирование и оплата труда, снижение престижа и статуса профессий, связанных с умственным трудом. Утрата ощущения собственного достоинства, надорванность реформами 90-х, невостребованность привели к разрушению “умственной порядочности”, по выражению Д. С. Лихачева, в среде российской интеллигенции. Интеллигенция унижена, сломлена, не востребована» [4].

Исчезновение существовавшей системы ценностей стало болезненным для личности в современной ситуации в обществе, в которой своекорыстный интерес и эгоизм служат основной пружиной взаимоотношений людей. Один из неизбежных атрибутов частной собственности – антагонизм интересов, подчинение жизнедеятельности людей рыночным операциям купли-продажи, формирующее постоянное стремление к обладанию деньгами или вещами. В соответствии с этим личностные связи между субъектами рыночных отношений также сильно изменяются – люди приобретают статус конкурентов, в лучшем случае, в худшем – врагов, неких «акул бизнеса», которые представляют собой реальную угрозу. Другая часть людей рассматривается лишь в качестве *средства*, за счёт которого можно получить прибыль. Такая установка противоречит имманентному традиционной культуре *категорическому императиву* И. Канта, призывающему действовать таким образом, при котором становилось бы очевидным твоё отношение к людям (как к другим, так и к самому себе) не только как к средствам для достижения каких-либо целей, но и, собственно, как к самим целям [5]. Таким образом, подчёркивается самоценность каждого человека, независимо от той роли, которую он играет в жизни индивида.

Итак, несомненно, *та система ценностей*, в которой основным ориентиром становится материальная выгода, с неизбежностью *деформирует* область взаимоотношений личности с окружающими людьми и *весь нравственно-психологический мир* человека. Если люди утрачивают нравственные устои своего существования, то никакое ожидаемое материальное благополучие не спасёт общество от разрушения.

Стандарты рыночных отношений получают тотальный характер, воспроизводятся в моральной сфере, вызывают к жизни специфические характеристики личности, направленные исключительно на потребительство. Появляется даже термин, отражающий эту реальность, – «*общество потребления*», в котором произведённые человеком вещи отчуждаются от него и властвуют над ним. Необузданное потребление, становящееся абсолютным благодаря различным технологиям манипулирования массовым сознанием (главным образом посредством массовых коммуникаций), делается уже не средством для удовлетворения потребностей, а основной жизненной целью. Вещи приобретаются не потому, что они нужны, а потому, что они брендовые, повышающие статус их владельца. В иерархии ценностей комфорт ставится выше личностного роста. «Больше нет ценностей, а есть интересы. Многие в мире уверенно готовы поступиться мнимыми свободами в обмен на комфорт, безопасность и преуспевание» [6].

Что касается отдельных личностей, осознающих такое положение и не желающих, но вынужденных жить в таком обществе, то их существование порой наполняется ощущением тревожной бессмысленности, даже абсурдности.

По утверждению представителя французского экзистенциализма Альбера Камю, наша цивилизация непоправимо изменяется тогда, когда разрывается установившаяся гармония между социальным интересом и моральными ценностями, и одно начинает господствовать над другим, вплоть до его исключения. Подобную мысль озвучивает и ныне здравствующий «философ Э. Ханкисс, когда говорит о том, что для тоталитарных режимов человеческие жизни и моральные цен-

ности стали своего рода расходным материалом, и в расчет принимались только государственная необходимость и утопические цели элиты» [7].

Современное морально-психологическое опустошение в отношениях между людьми приобретает не только беспрецедентный размах, но и новое качество, представляя опасность непосредственно нравственному здоровью людей. Бытие человека предстаёт как тотально разомкнутое взаимонепониманием и безразличием. Тема одиночества стала для современного мировоззрения, для представлений о смысле жизни человека необычайно актуальной, а потому анализируемой философами, социологами, психологами, этиками. Этому, в частности, была посвящена одна из работ известного отечественного этика А. И. Титаренко. Он писал, что моральное отчуждение человека есть не просто «разъединённость с другими людьми, непонятость и заброшенность, а постоянное ощущение холодной *враждебности*, разлитой в мире человеческих взаимоотношений, с их стихийными всплесками взаимной ненависти, водоворотами чуждых, злобных сил, не только превращающих личность в марионетку, но и обкрадывающих, «пожирающих» весь её душевный мир, жестоко карающих всякое проявление её индивидуальности, её нравственно-психологической неповторимости» [8].

В условиях прагматически-функциональных, узкорелевых контактов, когда считается нормальным и типичным использование одних людей другими ради собственной прибыли, трудно возникнуть бескорыстным чувствам и привязанностям. Налицо так называемый «кризис интимности». Это означает, что нравственные принципы утрачивают личностные, сокровенные контакты с внутренней духовной жизнью индивида. Требования морали становятся не имманентными личности установками, а навязанными ей какими-то внешними предписаниями. Человек поступает нравственно одобряемым образом не потому, что он просто не может поступить иначе, а потому, что так «надо» по законам общества, в котором он живёт.

Поэтому можно утверждать, что одной из важнейших граней сложного многостороннего процесса отчуждения в сфере морали является *восприятие личностью императивности моральных требований как чисто внешнего принуждения*. Видный специалист по этике А. А. Гусейнов считает сущностью нравственного отчуждения то, что мораль «эмансипируется от мира в виде абстрактных моральных норм, которые претендуют на абсолютную истинность и с жестокой однозначностью навязывают себя индивидам...» [9].

То есть нормы, правила, запреты и требования морали становятся экзогенными, как бы извне наложенными на человека. Нравственное должностное в этом случае происходит не из личного убеждения, а от внешнего давления. Человек выполняет моральные требования чисто формально, напоказ. Заметим, что такая, несколько лицемерная, позиция человека по отношению к моральной норме является следствием моральной незрелости, неполноценности личности, «которая подкрепляется кризисным состоянием современного социума, характеризующимся трансформацией основополагающих ценностных ориентиров» [10].

Другой гранью морального отчуждения является процесс бифуркации на истинную и неистинную нравственную сущность, как бы отторжение от индивидуума собственной моральной сущности. При этом происходит такая трансформация в осмыслении нравственно значимых норм и возвышенных идеалов, при которой они начинают казаться неистинными, надуманными, высокопарными. В то же время наносные, скоропреходящие пристрастия, наоборот, кажутся истинными. Как, например, количество «лайков», полученных за выложенную в социальную сеть съёмку пожара с мечущимися в огне людьми, как это ни чудовищно, оказалось для снимавших важнее, чем ценность жизни тех, кому надо было оказывать помощь.

Ещё одной гранью морального отчуждения является отторжение от человека самой возможности творческого генерирования моральных ценностей. То есть процесс созидания моральных норм, принципов, запретов и т. п. приобретает имперсональный характер, поскольку происходит не внутри личности, а в некоем абстрактном для неё социуме. *Моральное сознание человека лишается своей креативной составляющей*. Отторгнутое от личности, метафизическое конструирование моральных ценностей ощущается человеком как непрерывное образование новых табу, цепей, тягостных повинностей, уничтожающих его непринужденность, самобытность и независимость.

Появляется ощущение своей неспособности хоть что-нибудь изменить, обреченности каких бы то ни было душевных побуждений в обстановке скрытого прессинга независимых от индивида сил, всевластной бюрократической системы. По ироничному замечанию социолога из Америки Джона Диболда, «мы живем в век кнопок. Кнопки сегодня нажимаются сами по себе» [11].

При этом происходит отчуждение от индивида не только возможности создания новых моральных ценностей, норм, запретов, но и творческого применения в различных жизненных обстоятельствах тех из них, которые уже существуют. Без элемента творчества моральные нормы в лучшем случае будут выполняться индифферентно-механически, как цепь заученных действий.

Примечания

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М., 1993. С. 538.
2. Erich Fromm. Escape from Freedom / пер. А. Лактионов. М.: ООО Изд-во «АСТ МОСКВА», 2009. С. 9.
3. Смоленцев Ю. М., Пороховская Т. И. Особенности морального отчуждения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1995. № 1. С. 48.
4. Карпова А. Ю., Мещерякова Н. Н. Российская интеллигенция. Неисполнение ожиданий // Вопросы философии. 2016. № 11.
5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. СПб.: Наука, 1995.
6. Воронин С. А. Моральный вакуум общества потребления. XXI век, «общество потребления» // Вестник РУДН. Сер. «Всеобщая история». 2013. № 3. С. 5
7. Кармадонов О. А. Resisto ergo sum: основания и структура социальной оппозиции // Вопросы философии. 2016. № 12.
8. Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. С. 54–55.
9. Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1985. С. 180.
10. Заладина М. В., Шетулова Е. Д. Критерии и границы утопии как методологическая проблема, // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 5.
11. Diebold J. Information Technology in the 21st Century, Management Science Publishing Co. N. Y., 1998. P. 23.

Notes

1. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Geshtal't i dejstvitel'nost' [Dawn Of Europe. Essays on morphology of world history. Gestalt and reality]. M. 1993. P. 538.
2. Erich Fromm. Escape from Freedom / transl. by A. Laktionov. M. LTD Publishing house "AST MOSKVA". 2009. P. 9.
3. Smolencev YU. M., Porohovskaya T. I. Osobennosti moral'nogo otchuzhdeniya [Peculiarities of moral alienation] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya – Herald of Mosk. Univ. Ser. 7. Philosophy. 1995, No. 1, p. 48.
4. Karpova A. YU., Meshcheryakova N. N. Rossijskaya intelligenciya. Neispolnenie ozhidaniy [Russian intelligentsia. Failure of expectations] // Voprosy filosofii – Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2016, No. 11.
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. [Critique of practical reason]. SPb. Nauka. 1995.
6. Voronin S. A. Moral'nyj vakuum obshchestva potrebleniya. XXI vek, «obshchestvo potrebleniya» [Moral vacuum of the consumer society. Twenty-first century, "consumer society"] // Herald RUDN. Ser. «Vseobshchaya istoriya» Herald of RUFP. Ser. "Universal history". 2013, No. 3, p. 5
7. Karmadonov O. A. Resisto ergo suM. osnovaniya i struktura social'noj oppozicii [Resisto ergo suM. foundations and structure of the social opposition] // Voprosy filosofii Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2016, No. 12.
8. Titarenko A. I. Antiidei. Opyt social'no-ehricheskogo analiza [Anti-ideas. Experience of socio-ethical analysis]. 2nd publ., add. M. Politizdat. 1984. Pp. 54-55.
9. Gusejnov A. A. Vvedenie v ehtiku [Introduction to ethics]. M. 1985. P. 180.
10. Zaladina M. V., Shetulova E. D. Kriterii i granicy utopii kak metodologicheskaya problema. [Criteria and boundaries of utopia as a methodological problem] // Herald VyatGU – Herald of VyatSU. 2016, No. 8, p. 5.
11. Diebold, J. Information Technology in the 21st Century, Management Science Publishing Co. N. Y., 1998. R. 23.

УДК 141.2

А. А. Краузе

**Исследование феномена индивидуализации
в контексте современного общества**

В статье рассматривается проблема трансформаций субъекта, находящегося под влиянием современных коммуникаций и информационной среды. Исследуется влияние информационной среды на процесс индивидуализации, который неизбежно усиливается в постинформационном обществе. Рассматриваются возможности субъекта в осуществлении выбора и контроля. Анализируется многоуровневый подход к процессу индивидуализации. Исследование опирается на предположение, что субъектность индивида обрывается дополнениями извне, которые обозначают векторы построения человеком субъекта в себе. Современная социально-коммуникативная среда производит для человека замещение целей, правил, что им не вполне осознается и принимается за что-то собственное. В статье отмечается роль национальной и информацион-

ной детерминант в становлении современного субъекта. Дается характеристика современной парадигмы индивидуализации, обусловленной как запросами самого субъекта действия, так и внешним влиянием. Делается акцент на том, что подлинная субъектность соотносима с личным и осознанным выбором, обусловленным критичностью и потребностью в действии, поступке, принятии ответственности.

The article considers the problem of transformation of the subject under the influence of modern communications and informational environment. The influence of informational environment on the process of individuation, which inevitably increases in the postinformational society, is researched. A multilevel approach to the process of individuation is analyzed. The research is based on the supposition that the subjectness of the individual gets addressed externally, which denote vectors of creation of a subject inside by a man. Modern socio-communicative environment makes a replacement of aims and rules for a man, that is not entirely realized but accepted as something his or her own. The role of the national and informational determinant in formation of the modern subject is pointed out in the article. The characteristic of the modern paradigm of the individuation is caused by both demands of the subject itself and an external influence. The focus is on the genuine subjectivity which is correlated with a personal and conscious choice resulted from criticality and need in an action, measure and ownership.

Ключевые слова: субъект, субъектность, индивидуализация, коммуникационная и информационная среда.

Keywords: subject, subjectness, individuation, communicative and informational environment.

Как в постиндустриальном, так и в постинформационном обществе человеческая субъектность рассматривается в контексте деятельности (В. А. Лекторский, Г. П. Щедровицкий), обрастая такими дополнениями, как ответственность за деятельность, обучение новым технологиям, функциональность, этичность, существование в субъектности и трансформация в новую субъектность. Этот подход остается неизменным, несмотря на попытки ввести «бессубъектность», объявить смерть субъекту (М. Фуко, Ю. Кристева). Напротив, правомерно утверждать, что субъект существует как специфический феномен, играющий определяющую роль в институции общества в сфере экономики, политики, культуры и т. д.

Нарастающей проблемой в исследовании феномена «субъект» становится исследуемое и ранее (Г. Г. Дилигенский) соотношение «общественного» и «индивидуального». Специфика данной проблемы детерминируется условиями постинформационной трансформации общества, оказывающими влияние на процесс индивидуализации формы субъектности. В обществе, где укоренились индивидуальные ценности и все больше предоставляются возможности свободного выбора и независимости, наблюдается тенденция взятия процесса индивидуализации коммуникативным пространством под контроль. Современная коммуникативная среда общества, в особенности Интернет, с одной стороны, позволяет решить проблемы изоляции и неуверенности человека перед миром, а с другой – отчуждает от него личную свободу и приватность жизни. Становятся все более неопределенным и сомнительным место человека в мире и смысл его жизни, растет чувство бессилия и ничтожности отдельного человека. Дополняет этот процесс потеря контроля над собственным выбором и независимостью. Коммуникативная среда создает иллюзию общности, заполняет сознание человека, но в то же время начинает захватывать его собственную субъектность, замещать целями, правилами, которые воспринимаются человеком как что-то собственное (конформизм). Процесс индивидуализации становится контролируемый извне по отношению к субъекту. По замечанию современного французского философа Винсента Декомба, «...работа по индивидуализации своей собственной жизни не является делом индивида», а становится делом общества [1].

В последнее десятилетие большой интерес со стороны общества и государства по отношению к индивиду вызывают его гражданские права и безопасность. Они становятся абсолютными сферами процесса контролируемой индивидуализации, осуществляемой особенно общественными, правовыми структурами. Более того, это становится предметной областью взаимоотношений между обществом и государством. Зачастую сам субъект не имеет намерений в таком объеме реализовать себя как гражданина, как это диктует общественная потребность. Конформное сознание и конформное поведение мешает процессу индивидуализации, в котором субъект обретает самоопределение и свободу.

Иногда индивидуализация оформляется как идеологическое построение субъектной основы, под которую вынужденно подстраивается индивид. То есть жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний. Утрачивается возможность активной реализации сущностного «Я», важной составляющей которой являются добровольный союз, труд, творчество. В каждом типе человеческой субъектности заложена социально-индивидуальная возможность самореализации. Она может быть как осознаваема, так и неосознаваема субъектом,

т. е. спонтанной. «Спонтанное утверждение индивидуальности личности, – пишет Э. Фромм, – в то же время соединяет ее с людьми и природой» [2]. Главное, что оно всегда выступает фундаментальным условием, ценностью общности в системе общественных отношений и реализуется в практике индивида.

В отношении феномена «индивидуализации» возможен двухуровневый подход. С одной стороны, индивид стремится к собственной индивидуализации, отрываясь и противопоставляя себя внешнему – социальному, а с другой – индивидуально-личностная форма субъектности может проявиться через общности разного уровня (макро- и микро-). Так, еще Н. Я. Данилевский отмечал, что отдельные культурно-исторические типы как исторические субъекты не связаны между собой единой цепью развития, поэтому каждая в отдельности мобилизована потрудиться над созданием условий, обеспечивающих необходимый уровень человеческого бытия [3]. В результате происходит сопричастие конкретно-исторической субъектности к национальной общности, обладающей определенными, только ей присущими способностями и склонностями. В совокупности формирование национальной общности обусловлено индивидуализацией отдельных ее субъектов. Вся культурная деятельность, в том числе и искусство, государственная и общественная жизнь, наука, «одним словом, все проявления человеческого духа... не могут производиться иначе, как под теми же условиями примеси индивидуальных, а следовательно, и национальных черт к отражениям действительности в зеркале нашего сознания» [4]. С этой точки зрения, субъект теоретически и практически связан с национальной общностью и особенностями национального характера, в котором отражаются своеобразный склад ума, способ восприятия мира, своеобразный темперамент и многие другие особенности. Данное дополнение к субъекту можно считать одним из факторов «консолидации» современных свободных субъектов. Придерживаясь современного постулата «индивидуализации», ориентации на то, чтобы «идти от самого себя», быть обязанным «самому себе», время субъект согласовывает, принимает общие нормы как член общества в соответствии с внешними формальностями, установленными в области культуры, этноса, политических традиций и т. д. Эти нормы он начинает воспринимать как права, которые надо реализовывать. По замечанию У. Бека, тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни [5].

В современном обществе национальное сознание занимает особое место в современном симбиозе субъектов как их наиболее устойчивая сторона. Причастность индивида к этнической общности показывает особое, специфическое, восприятие окружающей его социальной и природной среды. Процессы жизнедеятельности индивида воспринимаются и оцениваются им через призму господствующих в этносе реалистических, мифологических, религиозно-мистических, национальных или каких-либо иных идей. Перекрыть этнический симбиоз субъектов, пожалуй, под силу только интернет-среде, в которой проявляются все те же механизмы, о которых мы говорили ранее. Субъект интернет-пространства, с одной стороны, приобретает невиданные масштабы для выражения и проявления своей индивидуальности, с другой – задает себе правила исходя из правил других субъектов этого сообщества. Это противоречие в миниатюре воспроизводит сущность современного мира. С одной стороны, в экономике происходят процессы глобализации и интеграции, с другой – под влиянием политики идут процессы децентрализации и повышения значимости суверенитета и самоуправления в жизни общества. Усложнение социальных процессов влечет за собой как повышение этической ответственности, так и тенденцию к обособлению личности и избегание ею всякой ответственности. С одной стороны, такие абстракции, как «человек и человечество», «гуманизм», «свобода», «целостность личности» и другие вроде бы остаются в ценностном арсенале современного субъекта как столпы общечеловеческого созидания, но в то же время в частной практике он к ним зачастую оказывается безучастен. Для современного субъекта первичным становится то, что он чувствует по отношению к себе. Отсюда следует, что целостность индивида в контексте индивидуализации является еще одним важнейшим пополнением к современному свободному субъекту. Путь индивидуальности – это высокое самосознание и высокий уровень психологической культуры. Индивидуализация в контексте «отношения к себе» игнорирует встроенность индивида в макро модель мира и сообщества. Собственная субъективность, собственное качество, собственное чувство становятся безусловным долженствованием. Однако не всегда собственная модель субъектности является свободным выбором субъекта. Именно интернет-сообщество выступает как мотиватор и провокатор практик субъектов, навязывая ему императивы поведения, которые субъекты атрибутируют как собственные, обеспечивающие его свободу. Вряд ли здесь можно говорить о высоком самосознании и психологической культуре.

Направленность на свою индивидуальную психическую целостность оказывается искаженной. Казалось бы, он утверждает в себе новые качества и реализует возможности, однако его

целостность не будет основательно сформированной и удерживаться на качественном уровне без традиционных социальных компонентов, с которыми его индивидуализация превращается в интеграцию с миром. В свою очередь, оказывают давление на человеческое сознание и поведение объективные (природные и социальные) условия, которые осложнились разного рода кризисами, приобретающими глобальный характер. Человек вынужден осмысливать свое столкновение с этой новой реальностью. Переориентация сознания индивидов объективно необходима. То, как люди пытаются приспособиться к сложившейся ситуации, пока не отвечает требованиям актуальной «субъектности», их адаптационная направленность действий принципиально не меняет степень осознания индивидами возможных условий бытия. Только глубокая интериоризация глобальной и личностной человеческой субъектности может определить истинную цель поиска индивида. В результате появляется осознанное человеком – для чего я ищущее в себе некоторое качество субъекта (будь то религиозное чувство, политическая идея или что иное).

Подлинная субъектность формируется как двуединство. Во-первых, индивид по-прежнему есть общественное существо, поэтому всякое проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, осуществляемого совместно с другими, является утверждением общественной жизни и субъектности. Во-вторых, субъектность в контексте индивидуализации выступает как самостоятельный выбор и личная потребность, которая обусловлена критичностью и потребностью в действии, поступке, принятии ответственности.

Примечания

1. Декомб В. Дополнение к субъекту. М.: Нов. лит. обозрение, 2011. С. 428.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. С. 39.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 508.
4. Там же. С. 133.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Notes

1. Dekomb V. Dopolnenie k sub"ektu [Addition to the subject]. M. New. lit. review. 2011. P. 428.
2. Fromm EH. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. M. Progress. 1990. P.39.
3. Danilevskij N. YA. Rossiya i Evropa. [Russia and Europe]. M. Kniga, 1991. S. 508.
4. Ibid. P. 133.
5. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Society of risk. On the way to another modernity]. M. Progress-traditsiya. 2000.

УДК 141.32+165.62

А. П. Павлов

Картины мира и дискурсивный порядок

В статье исследуется картина социального мира как идеальный компонент социального порядка. Социальный порядок осмысливается автором как устройство, обустройство людьми совместного бытия.

Автор исходит из идеи, что социальный порядок конституирует социальный мир как связующее звено между непосредственным «жизненным миром» людей и эйдетическим трансцендентальным миром. Эйдетический мир – мир идеальных представлений, мир культуры.

Автор обосновывает мысль о том, что эйдетические образы («картины») социальной реальности в форме рутинных обыденных концептов и установок включены в структуры социального порядка в качестве смыслообразующего компонента, являются его важнейшим онтологическим конструктом.

В статье автор рассматривает природу, генезис и типологию картин социального мира, способы их включенности в практики социального мироустройства.

В своём исследовании автор опирается на работы таких классиков философской мысли, как М. Хайдеггер, М. Фуко, К. Ясперс, а также труды современных зарубежных и отечественных учёных, изучающих проблематику социального бытия и порядка в различных философских дискурсах.

This article discusses the social world view as eidetic space, the space of attendance, where people communicate with World. In this sense the World is considered as coexistence of actors. The authors believe that social order is constitution, arrangement of coexistence by people. The basic concept is that social order constitutes social world as a link between direct "lifeworld" of people and eidetic transcendent world. Discursive practices are analyzed due to which the world views obtain ontological force, that is, act as constructor of social order. The idea is

substantiated that eidetic imagery of social reality in the form of routine concepts and settings is included into structures of social order as sense-making component and is its most important ontological construct.

Essence, genesis, and typology of social world imagery are reviewed, as well as the methods of their inclusion into practices of social world order.

This article is based on the works of Heidegger, Foucault, Jaspers, as well as of modern foreign and Russian researchers involved in study of concepts of social existence and order in various philosophic discourses.

Ключевые слова и фразы: социальный мир, картина мира, социальный порядок; социальное бытие; дискурсы; эйдосы.

Keywords: social world, world imagery, discursive order; social existence; discourses; eidoses.

Приступая к изучению темы, следует определиться с понятием «картина мира». В трактовках данного понятия существует, на наш взгляд, путаница, вызванная тем, что смешиваются эпистемологический и онтологический ракурсы научного анализа.

В рамках эпистемологического дискурса картина мира есть обобщённое представление о социальной реальности в «головах» учёных, познавательная конструкция (терминология М. Вебера). Такие концепты применяют историки, философы, облекающие научные факты в многочисленные концепты: «античность», «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. д.

Всё же как связаны картины мира с самим миром? Можно ли говорить об онтологической составляющей «картин» или следует признать, что они есть эпистемологические образы-схемы, рациональные модели, описывающие действительность.

«На ранних стадиях общественной истории индивид принимает схемы деятельности как естественный закон своего бытия. Он фактически отождествляет себя с той последовательностью схем, которые предлагает ему род: человек формируется и живет как индивидуальное воплощение родового ритуала, родового мифа, повторяя (и тем самым сохраняя) в своем поведении издавна сложившиеся формы общения и действия» [1].

Зачем нужны картины мира? Любое общество возможно при условии, если его члены (по крайней мере, его большая часть) согласованно действуют в определенном социальном пространстве на протяжении длительного исторического времени, охватывающего не одно поколение.

В самом деле, почему люди поддерживают или, наоборот, не поддерживают те или иные порядки, жизненные правила, обычаи, нормы? Какова причина устойчивости «непрактических», негуманных практик (войны, дуэли)? Почему «вдруг» одни люди перестают понимать друг друга, вчерашние соседи и знакомые начинают враждовать между собой? Или, наоборот, вчерашние чужаки, незнакомцы, маргиналы становятся «своими»?

Мы полагаем, что важнейшей причиной связности, устойчивости различных практик является «погружённость» людей в единое эйдетическое пространство, которое мы будем называть «картиной мира».

Каждый человек, будучи членом данного общества, включён в его смысловую структуру, в процесс смыслообразования. Собственно говоря, у него нет иного выбора. Либо он принимает «свою» реальность и становится «нормальным» членом общества, либо становится его изгоем.

Что такое «картины мира», как они рождаются и, самое главное, как они связаны с бытием людей, человеческим общежитием?

Начнём с первого вопроса: что такое картина мира?

Самое общее определение: картина мира есть представление о мире в целом, взятом как единое сущее. «Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальные решения относительно сущего в целом» [2].

При этом картина мира не совпадает с самим миром. «Картиность» означает поставление на вид: «помещение» моего трансцендентального эго в эйдетическое пространство вместе с Другими.

Составить себе картину чего-то значит: поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и постоянно иметь его так поставленным перед собой [3]. Это даёт мне возможность видеть себя и различать себя среди других на эйдетической «линейке» от самой интимной, ближайшей к моему онтологическому ядру жизненной позиции до самой отдалённой, чуждой. То есть я могу себя лицезреть, лицедействовать (действовать от своего лица) только в эйдетическом (картинном) измерении.

Картина мира может существовать благодаря выстраиванию дистанции между ней и акторами. Картина мира ставится на «вид». Это позволяет акторам занимать позицию «внеаходимости» (наблюдателя, свидетеля). Тем самым он обретает голос, обладающий законодательной силой выстраивать диалог с миром, одновременно находясь вне и внутри мира.

Таким образом, картина мира есть пространство, в котором осуществляется диалог людей с миром, их включённость в мир и, тем самым, становление их в качестве акторов мира. Под «миром» мы понимаем собственное бытие индивидов. Слово «собственное» означает то, что мир высвечивается, открывается как домен их экзистенциального присутствия, со-бытия. «Домен» – то, что собирает вокруг себя в качестве онтологического ядра. Он есть предельная граница, отделяющая моё сокровенное бытие от Небытия (самобытие) и, в то же время, есть горизонт возможного, смысловая перспектива, экзистенциальная телеология, интенциональный фокус, позволяющий моему бытию прорываться (трансцендировать) к Другим. Быть обращенным к миру – «значит пребывать на пределе, там, где внутреннее и внешнее даны одновременно, где ни внутреннее, ни внешнее не даны как таковые» [4]. То есть благодаря домену мир обретает «архитектонику» совместного с другими бытия. В самом общем виде она представляет собой эйдетическое пространство присутствия, в котором определённым образом расположены локусы совместного с другими бытия. Речь идёт о символически маркированных «разметках» онтологических зон, в которых человеческая экзистенция опредмечивается, удерживается в определённых границах, образуя коды (шифры) присутствования. «Шифр есть посредник между экзистенцией и трансценденцией» [5].

В чём-то эта архитектоника напоминает габитус П. Бурдьё: пространство социальной реальности, которая сегментируется, «обрастает» символическими разметками, границами, «полями», внутри которых циркулирует определённый символический капитал. Все пространство организовано иерархически: смысловой центр (базовая система ценностей) – смысловая периферия. Те индивиды, которые находятся ближе к «центру», определяют критерии символического капитала, правила его использования. Как пишет П. Бурдьё, «социальный мир – есть место борьбы за истину в социальном мире» [6].

Теория габитуса нуждается в дополнительной смысловой нагрузке. Она должна учитывать тот факт, что жизнь людей не сводится к «капиталам», которые ориентированы на обладание чего-то и чем-то. Эрих Фромм наряду с модусом «иметь» выделяет также модус «быть». Учёный приводит слова Майстера Эрхарда – средневекового философа: «...люди должны думать не столько о том, что они должны делать, сколько о том, каковы они суть» [7].

Обозначим некоторые онтологические зоны (локусы), отдавая себе отчёт в том, что архитектоника онтологического пространства – тема отдельного серьёзного исследования:

1) зоны онтологической безопасности (границы удержания человеческого самобытия перед лицом экзистенциальной фрустрации, Ничто);

2) зона принадлежности (идентичности);

3) зоны должного, допустимого (локусы допустимой свободы);

4) локусы экзистенциального катарсиса (преодоление греха и прощение);

5) зоны самотрансценденции (нахождения смысла существования);

6) значимости человека, его места в системе властных отношений, выражающаяся в почтении, уважении, почитании, подобострастии;

7) локусы само-чувствования, самоощущения (не только в пограничных ситуациях, но и в обыденной практике человеку важно ощутить себя уникальностью, неповторимой личностью, интересной самой себе).

Еще раз подчеркнём: данная классификация условна и нуждается в дальнейшем анализе и редакции.

Использование слова «архитектоника» вместо «структуры» объясняется тем, что локусы, о которых идёт речь, феноменальны, и удерживаемые ими смыслы предметно представлены в номатических представлениях акторов.

Тем не менее онтологические локусы приобретают институциональные формы. Например, церковь – институциональная форма локусов самотрансценденции (обретение смысла через практики и ритуалы верования), экзистенциального катарсиса (исповедование и причастие как «снятие» греха). Экзистенциальный катарсис приобретает также институциональную форму праздников (особенно религиозных), карнавалов.

Зоны идентичности институционализируются в формах различных братств, диаспор, общин. Зоны онтологической безопасности Э. Гидденс определяет как «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [8]. Они локализуются вокруг институтов материнства, отцовства, учительства.

Вернёмся к картинам мира (эйдосам). Эйдосы не есть сущее. Они не наделены онтологической мощью сами по себе. Наделение эйдосов качеством сущего – возвращение к крайним формам спекулятивного мышления.

Тем не менее эйдосы обретают онтологическую силу благодаря дискурсивным практикам.

Смысл дискурсивной онтологии, на наш взгляд, состоит в понимании диалектической связи дискурсивных практик с эйдетическими образами и конструктами социального мира.

Дискурсы (дискурсивные порядки) конституируют эйдосы, которые, в свою очередь, образуют смысловое пространство, в котором эти дискурсы (в виде практик) могут поддерживать эйдетические смыслы или, наоборот, их разрушать.

Дискурсивный порядок связан с преобразованием эйдосов в «картины мира». Картина мира есть такой эйдос, который представляет, высвечивает мир как сущее. Она выступает одновременно и как означающее, и как означаемое. Как означаемое – она конституируется как идеальное предметное поле, символический универсум, задающий границы мира как целого (за пределами этого универсума мира просто нет).

Как означающее она (картина мира) нуждается в определённой демаркации между собой и действительностью (миром вещей). Эта дистанция – условие экзистенциально-эйдетической трансценденции: перехода от действительного к должному, от интимного, насущного – к всеобщему, целому, от не-сущего к сущему, от закрытого (скрытого), потаённого к открытости и т. п. Агентами картины мира как означающего выступают акторы-личности: те, кто наличествуют в его пространстве, занимая позицию «вне/внутринаходимости».

Судьба дискурсивного порядка двойственная. С одной стороны, «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовывать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [9].

С другой стороны, как полагает М. Фуко, дискурсивные практики подвергаются регуляции со стороны сил, которые их используют с помощью специальных процедур. «Исключения»: система запретов на высказывания, относительно определённой топики (секс, политика); «разделение и отбраковка»: социальная селекция посредством дифференциации, разведения друг от друга ряда феноменов, таких, например, как разум и безумие; экспликация «истинного и ложного» и т. д.

Эйдосы – то, что позволяет устанавливать и легитимировать порядок дискурса через механизмы трансценденции к этим самым эйдосам как горизонту миробытия.

Во времена досократиков дискурсивный порядок и эйдетическая картина мира, по-видимому, сливались, между миром и картиной мира не было артикулированной границы. Дискурсивный порядок древних греков растворялся в сакральном Логосе, но он высвечивался в нём, раскрывая (приоткрывая) бытие как сущее. Такой способ приоткрытия бытия М. Хайдеггер называет «сбывающимся бытием» *aletheia*. Другой способ *veritas* есть собственно дискурс как означающее, как то, что устанавливает соответствие (но не растворение) мира и представления о нём.

Можно предположить, что *Aletheia* не просто истина мира. Она есть пропуск в сам мир как свидетельства присутствия в нём. Дискурс *aletheia* есть дискурс выведения в открытость бытия людей через практики сказаний, рассказов, историй, свидетельствующих о том, что мир есть. Мир не объект изучения, познания, использования. Он просто «есть».

Но это «есть» содержится и удерживается в едином универсальном логосе, который конституировался как «большая история», как священный нарратив, в котором есть сакральное Начало и сакральный «Закат». Священные нарративы удерживают бытие мира благодаря рапсодам (сказителям, вещателям, поэтам и т. д.), а также с помощью специальных дискурсивных практик в форме ритуалов-инсценировок, вроде «петушиных боёв», описанных К. Гирцем [10].

В ритуалах-инсценировках картины мира непрерывно манифестируются не как абстрактные символические матрицы-паттерны, но как практические сценарии поведения, в которых сплетены ожидания, настроение, самочувствие людей с ретроспективной интенцией, символическим «возвращением» к истокам, «корням».

Однако уже в классический платоновский период дискурсивные практики трансформируются в практики философствования на основе «картин мира». Логос и «картина мира» не одно и то же. Напомним: логос растворяет в себе мир. Картина мира предполагают «правильный», субстанциональный взгляд на мир. Но такой взгляд предполагает разъединение, дистанцирование мира с его картиной («эйдосом»).

Теоретический (философский) дискурс приобретает доктринальный вид, а его агенты наделены полномочиями быть репрезентантами мира «от лица» картины мира. Мир уже не просто узнаётся, он познаётся. Но для познания нужны другие агенты – не рапсоды, а философы, учёные, мыслители.

При этом важно отметить, теоретический дискурс распространяется не только на ученых и мудрецов. По-видимому, речь идёт об установке *gestell*, которая «не только «полагает» и делает

вызов миру, – такого рода идея уже содержат в себе элементы воли – он также ориентирует человека и призывает его самому бросить вызов миру, «творить» мир» [11].

Как замечает В. Кемеров, «новые структуры начинают работать лишь тогда, когда у людей перед глазами возникает соответствующая картина бытия, а в их деятельности начинает функционировать соответствующая обобщенная схема жизненного процесса, или онтология» [12]. При этом социальная реальность приобретает отчетливую авторскую сущность и представляет собой авторское произведение.

С помощью «теоретического» дискурса мир не только познаётся, он «онтологизируется». Это значит, что мир раскрывается, высвечивается благодаря новому качеству дискурсивного порядка: его законодательной, директивной силе устанавливать смысл всему сущему в мире. Онтология смысла теперь – это онтология означенного легитимного смысла, который вовлекается, вплетается в структуры миробытия, в обширные социокультурные недискурсивные практики. Дискурсы – «это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [13].

Вторая половина XX в. ознаменована разрушением субстанциональных картин мира и замещением их социетальными абстрактными смысловыми конструктами. Перестройка мироустройства сопровождается трансценденцией экзистенциалов к отчужденным и отчуждающим абстрактным заместителям: «субъект», «статус», «толерантность», «деньги», «успех», «работа», «благополучие» и т. д. Социум предоставляет человеку «не социальность, а лишь её абстракцию – “социетальность”: потребность в овнешнении и ранжировании смыслов» [14].

Абстрактные репрезентанты делают мир предсказуемым, понятным. Они позволяют акторам включаться в различные секторы общественной жизни (такие же абстрактные, «усредненные», как и они сами).

Абстрактные репрезентанты формируют виртуальные миры, в которых «означаемое» полностью фабрикуется «означающим» благодаря современным технологиям коммуникации.

«Бытие индивида и его деятельность освобождались от конкретной социальной формы и начинали обретать социальное значение, вступая в контакт с обезличенными средствами деятельности, через них проникая в мир абстрактных социальных измерений» [15].

Современный этап развития человечества – это начало эпохи, в которой люди, народы, цивилизации пытаются жить без «картин мира». Сегодня слишком рано делать выводы (как позитивные, так и негативные) относительно того, насколько жизнеспособны новые способы человеческого общежития. Быть может, уже скоро нас ожидает рождение новых картин мира, новых дискурсов и, в конечном итоге, новых миров. Но, быть может, картины мира вовсе не исчезли, они «затаились», «спрятались» под толщей изобилия информации и в ситуации поиска и ожидания появления новых идентичностей.

Примечания

1. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию: учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. М.: Академ. проект, 2001. С. 51.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 49.
3. Там же.
4. Нанси Ж. Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 97.
5. Ясперс К. Философия. Кн. третья. Метафизика. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 171.
6. Бурдье П. Начала. М.: Социо-логос. 1993. С. 143.
7. Фромм Э. Иметь или быть. М.: «Прогресс», 1986. С. 29.
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академ. проспект, 2005. С. 499.
9. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 51.
10. Гиц К. Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев // Интерпретация культур. М.: Рос-спЭН, 2004. С. 478.
11. К. Митчем. Что такое философия техники? М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 43.
12. Кемеров В. Е. Указ. соч. С. 59.
13. Фуко М. Указ. соч. С. 52.
14. Бляхер Л. Е. Виртуальные состояния социума, или Шансы и риски открытого общества в России. М.: Магистр, 1997. С. 27.
15. Кемеров В. Е. Указ. соч. С. 60.

Notes

1. Kemerov V. E. Vvedenie v social'nyu filosofiyu: uchebnik dlya vuzov. Izd. 4-e, ispr. [Introduction in social philosophy: textbook for universities. Ed. 4th, rev.] M. Academ. project. 2001. P. 51.
2. Hajdegger M. Vremya kartiny mira [Time of the world picture] // Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya – Time and being: Articles and speeches. M. Respublika. 1993. P. 49.

3. Ibid.
4. Nansi ZH. L. O sobytii [On the event] // *Filosofiya Martina Hajdeggera i sovremennost'*- Philosophy of Martin Heidegger and modernity. M. Nauka. 1991. P. 97.
5. YAspers K. *Filosofiya*. Kn. tret'ya. Metafizika [Philosophy. Book third. Metaphysics]. M. "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 2012. P. 171.
6. Burd'e P. Nachala [The beginnings]. M. Socio-logos. 1993. P. 143.
7. Fromm EH. Imet' ili byt' [To have or to be]. M. "Progress". 1986. P. 29.
8. Giddens EH. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [Organization of a society: outline of the theory of structuration]. 2nd publ. M. Academ. prospect. 2005. P. 499.
9. Foucault M. Poryadok diskursa [Order of discourse] // Foucault M. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth. On the other side of knowledge, power and sexuality]. M. Qastal. 1996. P. 51.
10. Girc K. *Glubokaya igra: zametki o petushinyh boyah u balijcev* [Deep play: notes on cockfight the Balinese] // *Interpretaciya kul'tur – Interpretation of cultures*. M. ROSSPEN. 2004. P. 478.
11. K. Mitchem. *CHto takoe filosofiya tekhniki?* [What is philosophy of technology?] M. Aspect-Press. 1995. P. 43.
12. Kemerov V. E. Op. cit. P. 59.
13. Foucault M. Op. cit. P. 52.
14. Blyaher L. E. *Virtual'nye sostoyaniya sociuma, ili SHansy i riski otkrytogo obshchestva v Rossii* [Virtual state of society, or the Chances and risks of an open society in Russia]. M. Magistr. 1997. P.27.
15. Kemerov V. E. Op. cit. P. 60.

УДК 165.6/8

М. О. Матушкина

Типология случайности в контексте историко-философского подхода

Статья посвящена проблеме соотношения случайности и необходимости в опыте историко-философской рефлексии. В работе рассматривается зарождение и становление типологии случайности у Демокрита и Аристотеля и влияние этих подходов на развитие естественнонаучного и гуманитарного знания. Делается вывод о том, что разные типы детерминации по-разному влияют на стили мышления, а сама категория случайности приобретает новое звучание и новую онтологическую сущность в рамках неклассической философии. Предлагается определенная экспликация понятия «возможности». В центре рассмотрения – понятие случайности, ее влияние на становление научной картины мира. Выявляются эпистемические и онтологические предпосылки типологий случайности различного вида.

The article deals with the problem of correlation of randomness and necessity in the experience of the historical-philosophical reflection. The paper considers the origin and development of the typology of accidents of Democritus and Aristotle, and the impact of these approaches on the development of natural-scientific and humanitarian knowledge. It is concluded that different types of determination encourage different styles of thinking, and the category of chance acquires a new meaning and a new ontological entity in the framework of non-classical philosophy. A certain explication of the concept of "possibility" is proposed. In the center of consideration is the conception of chance and their roles in "world pictures" creation.

We reveal varieties of typologies of randomness with respect to epistemic and ontological commitments accepted.

Ключевые слова: случайность, необходимость, детерминизм, возможность, свобода.

Keywords: accident, necessity, determinism, possibility, freedom.

Проблема случайности является одной из центральных онтологических проблем, к ней прибегают на разных познавательных уровнях, интерес к этой проблематике не иссякает до сих пор, но с каждым этапом развития знания тот или иной аспект случайности всегда освещается в новом ключе. В истории философии существуют различные трактовки случайности в её взаимосвязи с категорией необходимости [1], мы рассмотрим некоторые способы понимания отношения между необходимостью и случайностью в истории философской мысли.

Еще древние греки отмечали, что миру, как закономерному Логосу, присуща необходимость, но вместе с ней есть в нем и что-то, что не вписывается в рамки закономерности. Этим неизвестным считали случайность. В силу дуальности познания греки рассматривали случай лишь в сопряжении с понятием необходимости, и случайность понималась в этом аспекте как нечто

неизвестное, непознанное, то, что имеет приводящую причину. Наибольший интерес в вопросе осмысления отношения «необходимость – случайность» в рамках античной философии представляют позиции Аристотеля и Демокрита.

Аристотель понимает случайность как оппозицию понятию необходимого. Необходимость вообще Аристотель определяет как то, что не может быть иначе, и как противоречие возможности, т. е. тому, что может быть иначе. Согласно Аристотелю случайность есть то, что «чему-то присуще и о чём может быть правильно сказано, но присуще не по необходимости и не большей частью» [2]. Случайное событие наступает в результате пересечения независимых друг от друга причинно-следственных рядов, например находка клада случайна для человека, копавшего яму для посадки растений. Ясно, что человек, нашедший клад, и тот, кто когда-то зарыл клад, действовали независимо друг от друга в силу своих собственных причин. Но вот один причинный ряд пересекается с другим во времени, и возникло случайное событие – находка клада. Следовательно, человек, перекапывавший землю и нашедший клад, находит его не случайно, в том отношении, что эта находка небеспричинна, в том смысле, что есть какая-то другая причина находки сокровищ – копанье земли или посадка дерева. Здесь имеет место случайное пересечение необходимого – случайное появляется на стыке двух необходимостей, и это одна из трактовок необходимого и случайного.

Итак, для случайного нет никакой определенной причины, а есть какая попадется, т. е. неопределенная. В чем, на наш взгляд, неточность Аристотеля? Проблема видится в том, что он случайность заменяет возможностью как таковой. Возможному как противоположности действительному (необходимому) он противопоставляет возможность в смысле случайности. Однако это противопоставление имеет тот простой смысл, что в действительности в любой момент времени существуют реальные возможности как то, что до появления дополнительных условий, может быть и может не быть, и что эти возможности никак нельзя отождествлять ни с действительностью, ни с необходимостью.

Аристотель считал, что неопределенные ситуации, связанные с понятием случайности, не могут быть предметом доказательного знания. Таким образом, Аристотель первым предлагает аргумент, обосновывающий детерминизм, исходя из принципа причинности, а также логического принципа исключенного третьего, который гласит, что два противоречащих высказывания не являются одновременно ложными, а следовательно, одно из них должно быть истинным. Слова Аристотеля: «Я имею в виду, например, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет» [3].

Итак, Аристотелево противоположение онтологической возможности онтологической необходимости может быть понято, прежде всего, как отрицание фатализма, предопределенности будущего. Оно означает признание того, что в настоящем времени содержатся такие реальные возможности, которые сами по себе могут стать, но могут и не стать действительностью и для осуществления которых требуется, поэтому, присоединение каких-то новых условий. Если эти добавочные условия не даны, то возможность остается возможностью. Если появляются добавочные условия, препятствующие возможности стать действительностью, реальная возможность исчезает. Если появляются добавочные условия, превращающие возможность в действительность, то тогда возможность становится действительностью закономерно, то есть с необходимостью. В таком понимании возможное, действительное и необходимое не противопоставляются друг другу абсолютным образом, а составляют целое.

Другое понимание отношения между случайностью и необходимостью дает атомистика Демокрита. Если позицию Аристотеля можно обозначить в качестве диалектического детерминизма, то атомисты (за исключением Эпикура) указали на отсутствие однозначного единства между необходимостью и случайностью. Согласно Демокриту атомы и пустота выступают необходимыми сущностями, однако соединение атомов в предметы и миры происходит случайно. Но в возникшем мире начинают господствовать необходимые причинно-следственные связи. А то, что некоторые явления для нас представляются случайными, есть результат незнания всей совокупности причин и следствий, приведших к данному событию: «люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность» [4]. По Демокриту, именно случайность формирует вещи и миры. Следует отметить, что образ пустоты у атомистов – это первый символ чистой случайности, или свободы, символ того, что еще не решилось, не сцепилось и что при этом не занято другим, пустота – это условие того, что есть (атомы), и того, что может быть. В то же время пустота – это необходимое условие движения атомов.

При рассмотрении позиции Демокрита на природу причинности может показаться, что здесь есть внутреннее противоречие. С одной стороны, Демокрит постулирует категорию случайности как то, причину чего мы не знаем, с другой – развивает линию механицизма – господ-

ства однозначных причинно-следственных отношений, где случай нельзя рассматривать как причину чего бы то ни было, а следует возводить к другим причинам. Так, Аэций приводит следующее сообщение, возможно, принадлежащее Демокриту, а возможно – его учителю Левкиппу: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» [5]. Иллюстрацией детерминистической позиции Демокрита может служить пример: лысый мужчина шел по дороге, но неожиданно ему на голову падает черепаха и разбивает череп. Событие может показаться совершенно случайным, однако случай здесь вписан в цепочку необходимой и причинной связи – черепаха упала не случайно, а потому, что ее нес в когтях орел, который решил полакомиться вкусным черепашиным мясом, разбив черепаху о камни. Видя голый череп мужчины, орел принял его за камень и бросил черепаху на него.

В примере с черепахой и орлом Демокрит отрицает возможность случайности в смысле беспричинности. В то же время он признает случайность как то, что противоположно целесообразности. Но каким образом? Демокрит отрицает телеологию, характерную для Аристотеля, ибо нелепо спрашивать, для чего возникло нечто, следует спрашивать, какова причина этого нечто. Тем самым, во взглядах Демокрита нет противоречия – он отрицает случайность не в том же смысле, в каком он ее признает. Случайность он отрицает только в смысле беспричинности, т. е. отсутствия целесообразности в неживой природе, человек же всегда действует с определенной целью. Таким образом, природа – царство случайности, но в мире человека господствует целесообразность.

В период господства идеалов классической научной рациональности, под влиянием успехов естествознания, взгляд Демокрита на природу случайности получил широкое распространение. Так, в философии Спинозы возможное и случайное обозначают лишь недостаток нашего знания относительно существования вещи [6]. Естественно, что такая трактовка понимания случайности повлияла на характер классической науки, исходящей из однозначной каузальности, т. е. из утверждения о том, что подлинная причинность проста и регулируется механическими законами (лапласовский детерминизм). Однако из универсальной причинно-следственной связи непосредственно не выводится мир человеческой субъективности – истории и культуры. Этот вывод, сделанный в рамках неклассической философии, нашел свое подтверждение и в науке. Открытие физики статистических законов подтвердило тезис о том, что в сложных вероятностных процессах действуют не только однозначно определяемые причинные связи, но и большую роль играют случайные взаимодействия. И здесь мы возвращаемся к Аристотелевой трактовке, в которой случайность предстаёт в качестве реализации одной из нескольких возможностей, имеющих у объекта при определённых условиях в определённом отношении.

Таким образом, оба мыслителя говорят о некой роли случая, но у каждого из них случай понимается по-разному. Аристотель, рассматривая случайность как обратную сторону необходимости, понимает ее как основу становления потенциального бытия, то есть подчеркивает роль случайного на уровне мира природы. Демокрит же, понимая случайность как то, причин чего мы не знаем, относит ее к миру субъективного человеческого духа, давая начало индетерминистической линии в развитии социального и культурного бытия. Именно сопоставление позиций Демокрита и Аристотеля дает нам возможность предположить, что само понимание категории случайности играет существенную роль в становлении типов научной рациональности.

Примечания

1. Ненашев М. И. Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 69.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1976. С. 286.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: «Мысль», 1978. С. 202.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 35.
5. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку: «Изд-во АН Азербайджанской ССР», 1946. С. 208.
6. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 349.

Notes

1. Nenashev M. I. Antropnyj princip i problema nablyudatelya [Anthropic principle and the problem of the observer] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2012, No. 4, p. 69.
2. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. [Compositions: in 4 vol.] Vol. 1. M. Mysl'. 1976. P. 286.
3. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. [Compositions: in 4 vol.] Vol. 2. M. Mysl'. 1978. P. 202.
4. Marks K., EHngel's F. Iz rannih proizvedenij [From the early works]. M. Politizdat. 1956. P. 35.
5. Makovel'skij A. O. Drevnegrecheskie atomisty [Antient Greek atomists]. Baku. "Publishing house of the Academy of Sciences of the Azerbaijan USSR". 1946. P. 208.
6. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. [Selected works in 2 vol.] Vol. 1. M. Gospolitizdat. 1957. P. 349.

Различные грани построения коэволюционной методологии

Статья посвящена проблеме построения коэволюционной методологии. Коэволюционная методология является надсистемным принципом построения научной парадигмы в контексте интеграции естественных и гуманитарных наук. Строится на принципах, близких к синергетике, но и имеет свои особенности. Коэволюционная методология реализует принципы, соответствующие новой парадигме познания: междисциплинарность, плюрализм, системность. В структуре данной методологии выделяются эпистемологические, теоретические и эмпирические основания, которые сводятся к фундаментальным разработкам в области философии науки и практики экологической деятельности. Эпистемологическими основаниями являются феноменологический подход Э. Гуссерля и теория индивидуации Ж. Симондона. Этическую основу коэволюционизма составляет «гуманистический экологизм». Теоретическими основами являются теория ноосферы, универсальный эволюционизм и синергетическая концепция.

The article is devoted to the problem of constructing the coevolutionary methodology. Coevolutionary methodology is a supersystem principle of constructing a scientific paradigm in the context of the integration of natural and human sciences. It is based on principles on the one hand close to synergetics, but it also has its own peculiarities. Coevolutionary methodology implements the principles corresponding to the new paradigm of cognition: interdisciplinarity, pluralism, systemic approach. The epistemological, theoretical and empirical grounds are distinguished in the structure of this methodology. These grounds are reduced to fundamental developments in the field of philosophy of science and practice of environmental activity. Epistemological grounds are E. Husserl's phenomenological approach and J. Symondon's theory of individuation. The ethical basis of coevolutionism is "humanistic ecology". The theoretical foundations are the theory of the noosphere, universal evolutionism and the synergetic concept.

Ключевые слова: коэволюционный метод, коэволюционный подход, «гуманистический экологизм», интерсубъективизм.

Keywords: Coevolyutsionny method, Coevolyutsionny approach, "Humanistic ecology", intersubjectivity.

Основной парадигмальной установкой в познании XXI в. становится коэволюционная стратегия. Для реализации этой установки необходим, как считает Н. Моисеев, «великий синтез естественнонаучной и гуманитарной мысли» [1], который проявляется в процессе пересечения гуманитарных и естественных наук. В преднаучный период исторического развития между науками не существовало четких границ. Однако уже в эпоху глобального развития научного знания в исследовательском дискурсе проявилось их разделение и противопоставление. Так, философы неокантианства отделили науки о природе (номотетические), в основе которых лежит процесс изучение фактов и закономерностей, от наук о культуре (идеографические), опирающихся на изучение и описание идей. Философы-позитивисты конструировали социальные науки как часть системы, где знания и выводы должны происходить на основе фактов, полученных естественными науками. Философы-герменевтики определили место метода в естественных и гуманитарных мирах, где для естественных наук характерно познание, а для гуманитарных – понимание.

Развитие производства, втягивание всё большей массы в производственный процесс отразилось на обществе. Это привело сразу к нескольким проблемам:

1. Социально-психологическим.
2. Экологическим противоречиям.
3. Прогрессирующей зависимости человека от техники и технического процесса.

В процессе реализации коэволюционизма в науке и практике данные противоречия снимаются. Этому способствует синтез социального и природного, проявляющийся в «гуманистическом экологизме». «Гуманистический экологизм» – это один из вариантов построения современной системы познания природы. Все чаще современная наука возвращается к вопросам экологической культуры и взаимоотношения человека и природы, начиная от критики прагматического отношения к окружающему миру, которую выразил Джон Фаулс: «Мы никогда не поймем природу (или самих себя) и никогда не сможем уважать ее, пока не отсоединим дикую природу от понятия пригодности – какой бы ничтожной или безобидной последняя ни казалась» [2], – и двигаясь к утверждению инвайроментальной концепции как основной и единственной.

По отношению к природе философские науки не останавливаются на единой позиции. Существуют две основные концепции: антропоцентрическая (главная ценность – человек) и био-

центрическая (главная ценность – природа). Они направлены на одну цель – сохранение человеческого присутствия. Первая – напрямую, а вторая – косвенно. Последняя – основа для инвайроментальной философии. Человек в инвайроментальной парадигме не «венец творения», а часть окружающего.

«Гуманистический экологизм» выстраивается на стратегической стороне инвайроментальной философии. Стратегическое основание мы сводим к тому, что осуществление гармонии человека и природы реализуется благодаря синкретизму «эко» и «антропо». «Гуманистический экологизм» сочетает в себе биологическую и социальную природу человека, которая в своем единстве образует третью природу и проявляется в интерсубъективном восприятии окружающего мира.

Интерсубъективизм для построения коэволюционного метода мы выводим из принципа феноменологического «восприятия другого» Э. Гуссерля. Следует отметить, что природа воспринимается человеком как другой человек, то есть «иное» или «иное».

Трансцендентальный подход к «инакости» характеризуется тем, что Другой конструируется как «другой Я», *alter-ego*. Экологизм утверждает опосредованный характер Другого и его зависимость от *ego*. Экологизм Э. Гуссерля конструирует интерсубъективность трансцендентальным способом. В «Картезианских рассуждениях» переход от *ego* к *alter-ego* распределяется на пять шагов [3]:

1. Восприятие Другого «вообще» (обобщенного Другого) как живого физического тела, по аналогии со своим телом, тоже отчасти – физическим.

2. Психологический перенос – переживание психологического состояния Другого – эмпатия – чистый *alter ego*.

3. Конструирование объективного мира путем идентификации примордиальных (первопорядковых) миров.

4. Другой – самодостаточный, целостный объект в пространстве и времени. Это уже не просто Другой вообще, но другой человек, такой же, как Я.

5. Перенос, трансформация объективного образования «человек» на себя самого посредством представления себе, через эмпатию, того, как Другой воспринимает меня. Я такой же, как Другой. Другой способен переживать мои состояния, как я могу переживать его [4].

Логика Э. Гуссерля обуславливается личностью и внутренним миром самого человека.

Помимо интерсубъективной концепции немецкого философа необходимо также отметить эпистемологическое основание, разработанное французским исследователем Жильбером Симондоном. Для него восприятие другого – это не просто перенос собственного опыта, это в первую очередь сам процесс: «Любое действительное отношение можно рассматривать как нечто принадлежащее к ряду существ и развивающееся внутри новой индивидуации» [5]. Индивидуация, по Симондону, – это процесс, в результате которого субъект проявляется в эффекте. На этом фоне разумность в индивидуации приобретают не только живые и естественные природные объекты, но и объекты техники, где техника имеет свою «разумную» эволюцию, зависящую от научной мысли человека. Любой объект, по Симондону, нужно рассматривать в контексте его предшественника и среды, в которой он находится. На этом строится их «разумная сторона». Рассмотрение в контексте предшественника Симондон называет доиндивидуальным, а то, что происходит над средой, – трансиндивидуальным.

Каждый этап индивидуации соответствует определенному информационному насыщению, находящему разрешение в переходе к новой фазе. Эта фаза все же остается частью предыдущей и при этом ее не устраняет. Наименее завершенным и стабильным требуются более завершенные и более стабильные наложения. Для жизни живым существам необходимы физико-химические индивиды: животным нужны растения, которые для них и есть природа, равно как химические соединения – это природа растений [6]. То же происходит в социальной среде, существует слой наложения, где природа опосредована социальным. Само социальное формируется сознательной деятельностью человека и уровнем развития технической мысли. Это двуединство объясняет процессы реализации ноосферного (сфера разума) мировоззрения.

Исходя из такого видения природы, у каждого человека складывается субъективное представление о природных объектах. Это двуединство отражает объективный процесс реальности и познания в понимании коэволюционного принципа.

«Природа и культура представляют собой такие противоположности, в различие которых содержится тождество. В процессе своего развития они предполагают нарастающее взаимопроникновение и взаимосвязь друг друга» [7]. Коэволюционный подход к пониманию мира находит свою реализацию при условии формирования экологической культуры человека. Экологическая культура человека как особая составляющая личностной культуры становится не просто неким аспектом, а потребностью современного общества. «Ни одно социальное явление не может быть теперь корректно рассмотрено без соотнесения его с природным» [8].

Теоретическая база коэволюционной методологии восходит к таким теоретическим учениям, как теория ноосферы В. В. Вернадского и «универсальный эволюционизм» Н. Н. Моисеева.

Н. Н. Моисеев вложил в понимание коэволюционизма такие теоретические понятия, как универсальный эволюционизм, экологический императив, экополитология [9].

В основу универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева легла дарвиновская эволюция жизни и концепция биосферы В. И. Вернадского.

Одним из важных элементов теоретического построения коэволюционной методологии на данном этапе развития является концепция синергетики.

Синергетика включила приоритеты новой картины мира: концепцию нестабильного, неравновесного мира, феномен неопределенности, понятие многоальтернативного развития, идею возникновения процесса из хаоса.

Коэволюция и синергетика как подходы к познанию имеют между собой следующие общие черты:

1. Коэволюционное и синергетическое мышление не линейны. Синергетика говорит нам о множестве векторов развития самоорганизующихся систем. В социоприродной нелинейной системе этот выбор зависит от этического аспекта коэволюционного подхода, который встроен в общую культуру индивидуальной личности человека. Переход к многомерному мышлению, целостному – один из аспектов коэволюционизма. Неотъемлемой характеристикой коэволюционного подхода является системный взгляд на мир.

2. Синергетика и коэволюционизм являются междисциплинарными направлениями исследования. Оба направления исследуют социогуманитарные и естественнонаучные явления.

Ж. Пиаже подтверждает эту связь: «Эпистемология междисциплинарных отношений» различает мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин; построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика – «физика всего», «физический империализм»)» [10].

3. Синергетика и коэволюционизм носят трансдисциплинарный характер. Мы уже говорили о междисциплинарности, на наш взгляд коэволюционизм и синергетика обуславливают феноменологическое измерение, включая трансцендентность, которую Э. Гуссерль обозначает термином «жизненный мир».

4. В коэволюции можно выделить определенный аспект, связанный со сложными эволюционирующими системами, среди которых одну из главных позиций занимает эволюция отношений человека и природы. Это выражается в сценариях «Большой истории», включает «науку о сложности», науку о взаимопереходах.

5. Причинное пересечение: взаимозависимость и детерминизм мира отражается как в синергетике, так и в коэволюционизме. Для того чтобы понять, что нужно меняться, нужно осознать свое положение в хаосе – в разрушенной системе. Здесь действует синергетический принцип созидательности хаоса. На его основе делается бифуркационный выбор, который уже необратим, он задает направление процессу. Хаос дает понять всю значимость гармоничного существования человека и природы. Конечно, если хаос понимается не как бесформенная масса, а как сложная организованная последовательность. Динамический хаос есть открытие новых видов движения, это наука о процессах, которые включают неустойчивость и случайность, спонтанность и непредсказуемость. Это неоднозначное поведение систем формирует новую стратегию научного поиска. Все эти включения необходимы и в анализе коэволюции. При таком понимании хаоса в отношениях взаимодействия человека и природы возможно рассмотрение становления исторических типов отношения природы и человека.

Таким образом, мы видим связь органического и социального мира. Все это входит в структуру коэволюционной методологии.

Коэволюционный подход реализует принципы, соответствующие новой парадигме познания: междисциплинарность, плюрализм, системность.

Коэволюционизм носит как прикладной, так и общенаучный характер. Он способствует универсализации и обобщению знаний о природе и человеке. Возможности коэволюционного метода очень широки. Междисциплинарность коэволюционного метода делает для гуманитариев понятными и близкими естественнонаучные направления, а естественникам позволяет приблизиться к социальной реальности.

Коэволюционный метод является частью структуры современной методологии. Как и любой другой метод, он содержит в себе теоретические и эмпирические срезы.

На основании различных подходов в науке формируются новый подход к коэволюционизму, он структурирует новую категориальную сетку. Можно говорить о включении в познаватель-

ную парадигму таких понятий, как *гуманистический экологизм, инвайроментализм, интерсубъективизм, синергетика, трансдисциплинарность*.

Примечания

1. Моисеев Н. Н. Естественнаучное знание и гуманитарное мышление // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 63–75.
2. Уваров М. С. Третья природа: размышления о культуре и цивилизации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. Складнева. СПб.: Наука, Ювента, 1998.
4. Бехтерев Н. П. О мозге человека. XX века и его последняя декада в науке о мозге человека // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 58–59.
5. Индивидуация в свете понятий формы и информации // Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et de déformation. Grenoble: Jérôme Millon, 2005. P. 29.
6. Там же.
7. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. Grundrisse, 2016. С. 17.
8. Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 80.
9. Степанов С. А. Научное наследие В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева для понимания современной картины мира // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Естественные и технические науки». 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-v-i-vernadskogo-i-n-n-moiseeva-dlya-ponimaniya-sovremennoy-kartiny-mira> (дата обращения: 23.04.2016)
10. Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. Т. 4. С. 61–73.

Notes

1. Moiseev N. N. Estestvennonauchnoe znanie i gumanitarnoe myshlenie [Scientific knowledge and humanitarian thinking] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social sciences and modernity. 1993, No. 2, pp. 63–75.
2. Uvarov M. S. Tret'ya priroda: razmyshleniya o kul'ture i civilizacii [Third nature: reflections on culture and civilization]. SPb. Publ. S.-Peterb. University. 2012.
3. Gusserl' E.H. Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian meditations] / transl. D. Sklyadnev. SPb. Nauka, Juventa. 1998.
4. Bekhterev N. P. O mozge cheloveka. XX veka i ego poslednyaya dekada v nauke o mozge cheloveka [About the human brain. The twentieth century and its last decade in the science of the human brain] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2009, No. 4, pp. 58–59.
5. Individuciya v svete ponyatij formy i informacii – Individula in the light of notions of form and information // Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et de déformation. Grenoble: Jérôme Millon, 2005. P. 29.
6. Ibid.
7. Simondon ZH. Dva urokao O zhivotnom i cheloveke [Two lessons about animal and human]. Grundrisse. 2016. P. 17.
8. Girusov E.H. V. EHkologicheskaya kul'tura kak vysshaya forma gumanizma [Ecological culture as the highest form of humanism] // Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and society. 2009, No. 4, p. 80.
9. Stepanov S. A. Nauchnoe nasledie V. I. Vernadskogo i N. N. Moiseeva dlya ponimaniya sovremennoj kartiny mira [Scientific heritage of V. I. Vernadsky and N. N. Moiseev to understand the modern picture of the world] // Vestnik Tambovskogo universiteta- Herald of Tambov University. Ser. "Natural and technical sciences". 2013, No. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-v-i-vernadskogo-i-n-n-moiseeva-dlya-ponimaniya-sovremennoy-kartiny-mira> (date accessed: 23.04.2016)
10. Kasavin I. T. Mezhdisciplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii [Interdisciplinary research: concept and typology] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2010. Vol. 4. Pp. 61–73.

Повседневная история российской провинции в годы I Мировой войны (на примере северного вятского пограничья)

Статья посвящена проблемам этнокультурной микроистории российской деревни в вологодско-вятском пограничье. На примере конкретного крестьянского семейства в старинном селе Шолге и его округе показаны элементы системы жизнеобеспечения крестьян в предвоенные и военные годы, источники дополнительной аскезы, направления выживания этнического сообщества в кризисные периоды, адаптации модели этноэкономики. Выявляется география участия селян в военных событиях. Отмечены элементы домашнего и школьного воспитания, отношение детей к ним. Основопологающим началом в военное время выступала духовность, фиксировавшаяся и у крестьян в Восточном Поморье. Настроения и восприятие войны демонстрируется в частушках и причитаниях. Выявлены некоторые региональные и локальные особенности повседневной жизни в деревне на Русском Севере.

The article is devoted to problems of ethnic and cultural microhistory of the Russian village in Vologda-Vyatka borderlands. On example of particular peasant family of elements of a life support' system in ancient village of Sholga and its district during pre-war and war years, the sources of additional asceticism, the direction of survival of the ethnic community in crisis periods, and the adaptation of the ethnoeconomy model are shown. The geography of the participation of villagers in military events is revealed. Elements of home and school education, the attitude of children towards them are noted. The basic principle in wartime was spirituality, which was also fixed in peasants in Eastern Pomorye. Mood and the perception of the war is demonstrated in rhymes and lamentations. There are some regional and local characteristics of village's everyday life in the village in the Russian North.

Ключевые слова: вологодско-вятское пограничье, повседневная история крестьян, этнокультура, модели выживания в военное время, село Шолга Вологодской губернии

Keywords: Vologda-Vyatka borderlands, everyday story of peasants, ethnic culture, survival's models in war-time, Cholga village of the Vologda province.

Этнография современности, повседневная история, история места может выявить новые оттенки жизни российской провинции, разновидности исторических процессов, ресурсы для исторического воспроизведения жизни деревни не только в обычное время, но и в условиях войны. Показательны в этом отношении локальные сообщества крестьянства, в том числе и на северо-востоке европейской части России. Северное вятское (или вятско-вологодское) пограничье представляется весьма показательной территорией с ярко выраженной крестьянской спецификой, основанной на агроэкономике, сильной православной ментальности, здоровых патриархальных устоях, пассионарность населения в которой в конце XIX – начале XX в. выразалась в устойчивой тяге и необходимости созидания всех категорий крестьянского сообщества.

Микроистория как содержание исследования и как его метод в этнографии современности обращает внимание на обыденную жизнь, настроения людей, повседневные технологии и практики, включающие правила жизнеобеспечения, экономии, дневные, месячные, годовые и жизненные ритмы и циклы.

В «классической» российской провинции, одним из островков которой можно считать и вологодско-вятское пограничье, повседневная история в начале XX в. во многом складывалась из традиционных практик и технологий поведения. Основная цель – созидание – присутствовала в делах и заботах крестьянских семей. Одна из них – семейство Художиловых в округе села Шолга Подосиновской волости Вологодской губернии, территории, впоследствии перешедшей к Кировской области. Микроистория семьи здесь прослеживается с XVIII столетия. По воспоминаниям разъехавшихся в разные города страны (Пермь, Санкт-Петербург) родственников известно, что

на рубеже XIX и XX вв. крепкими хозяевами в деревне Конеиха близ Шолги были Егор Художиллов и его отделившиеся сыновья Семен и Степан [1]. Про Егора известно, что примерно в 1840–1850-х гг. он служил в царской армии, вернулся в «очень пожилом возрасте», т. е. примерно сорокалетним, и после этого у него с женой родилось 12 детей, только двое из которых умерли. У его сыновей Семена и Степана также было много детей, у Степана – 10, после смерти двух осталось восемь, четыре сына и четыре дочери. Дочери Степана – Анна, 1900 (?) года рождения, Клавдия, 1904 года рождения, Лидия, 1906 года рождения (в местном диалекте ударение смещено. – И. Т.) и Александра, 1910 года рождения. По воспоминаниям этих сестер и их старших братьев, а также по другим источникам можно реконструировать локальную историю предвоенного времени и периода I Мировой войны.

По возвращении из армии Егор обзавелся семьей, она расширилась численно, проживала в собственном доме с усадьбой. Хозяйственная основа – земледелие. Оно дополнялось скотоводством – две коровы, достаточно много овец, лошадь, домашняя птица. Мужчины занимались еще и шорным промыслом, а вся семья – обработкой шерсти. Традиционное дополнение в бюджет – охота, рыболовство, сбор ягод и грибов, причем последними тремя было принято заниматься подросткам и детям. Такая экономическая база считалась обычной в данной местности; в условиях рискованного земледелия крестьянское хозяйство не могло быть монокультурным. Микроистория, история повседневности различных этнических групп выявляет ресурсы к экономии и созиданию в микроколлективах.

В локальном сообществе выявляются ритмы и скорость повседневной жизни. «Повседневность включает безусловную необходимость для каждого человека уделять внимание... повседневным заботам» [2]. На первый взгляд рутинный стиль жизни выявлял деление времени на отрезки: день, неделя, месяц, год, жизнь в собственной семье, жизнь человека в целом, жизнь рода (фамилии). Эта система деления была отшлифована веками, в ней были минимизированы хозяйственные риски.

Детали повседневности в памятниках устной истории предстают определенным образом. «...В Шолге были кирпичный завод и гончары в Слободке. Тятя наш, Художиллов Степан Егорович, был шорник, сбруи, уздечки делал, а еще полушубки, бекешки... Жил китаец, на квартире стоял у нас, так он научил тятю не клабуки, а шляпы делать, соломенные корзины плести... Еще у нас рубили орешник, ольху рубили, она горела... мужики катали, земля горелая оставалась... лен как рос... – так говорили: “сломай росс” (“рост” – в местном диалекте. – И. Т.)». Вспомогательные хозяйственные занятия крестьян отражались и в системе питания «...Капусту, грибы ели...». Повседневный быт проявлялся в характеристике окрестностей: «У нас было много речек. Вокруг речка Косковка и Койорка (?). Там около поскотин росло много ивняка, мы весной снимали кору с ив и на ярмарке продавали, она шла на обработку кож. В Шолге у нас какая-то черная земля была, и мы ей красили нитки, еще и листьями. Получались зеленые моты. Да еще и кони у нас были хорошие, и 19 сентября по-теперешнему “спорт”, а раньше – “гоньба” проходила. Ребята гоняли коней, у кого быстрее пробежит. Как красиво – с верху Шолги к реке, по улице, где церковь, кони неслись... Эх, здорово раньше было...»

Повседневная история проявлялась и в отношениях внутри микроколлективов: «Старших слушались еще как... Пришел к нам священник, он собирал ругу, а в Пасху приходили с плащаницей, все собирать. Если зимой приходит – мы (дети) должны были веником обметать зимой дорогу ему, а летом ворота открыть, котомки поднести нам надо было. Вот как старших слушались...» Дисциплина в крестьянских семьях строилась на духовных принципах: «Нас никогда не били, но под матицей лежала вица. Только чего напроказим – мать скажет: “А вот еще!”, – и мы боялись. За столом сидеть – ногами не мотать, соль руками не брать. Скатерть на столе, солонка, обязательно надо было покреститься перед едой». Из таких деталей выстраивалась история локуса в обычное время.

Именно этнокультурная история повседневности выявляет четче своеобразную «территорию мысли», воспоминания словно летают сначала в доме, в усадьбе, а потом – вовне этих объектов. «На Крещение 7(?) января и на Введенскую (21 ноября – декабрь) ярмарки были. Продавали много. Наше село Шолга было окружено другими – Косково (?), Никульское, между нашей поскотиной и Никульским – Боброво, Петухово стояли. Петухово проезжаешь, там должна быть Слободка. Там жили горшечники, они горшки и латки делали, они были такие крепкие, не ломались...». При изучении истории повседневности выделяются темы замкнутости (оконтуренности) типичного пространства, консервативности обыденных начал жизни и фольклора крестьян, их устойчивости и сильного воспроизводства изоляции, импульсов со стороны «верхних этажей»... [3]. Все это было свойственно и жизни людей в российской провинции перед I Мировой войной.

Однако инновации как ломающие привычную повседневность явления стали принимать в жизнь глубинки с начала XX в. Положительные изменения касались организации школы, втяги-

вания сельских детей в образовательный процесс. «...Школа на берегу реки Юг была, двухэтажный деревянный дом. Учительница – Евдокия Александровна, черная юбка, белая кофта с кружевами, ремешком подпоясывала. Когда она входила, все вставали, помню... Яхманова Юля со мной сидела, плохо училась. Я ей подсказывала, она мне картинки от конфет дарила. Я эти картинки на лицо прикрепляла. Отец благочинный как-то зашел и спросил меня, что это за картинки, а я говорю – “нет, это из картинок уже куколки”. Он положил мою куколку на стол учительнице. Она пришла и спросила: “Чье это?”. Я говорю: “Моя куколка”. – “Останешься после уроков”. Это было самое большое наказание». Так крестьянские дети вырабатывали модели поведения в трудные моменты жизни.

Негатив в обустройстве бытия резко запрещался, и родители учили детей противостоять ему: «Раньше тятя говорил: “Если, ребята, хотите выругаться, язык за зубами держите. Спрячьте его там”». Довоенные трудности преодолевались дополнительной аскезой, которая для детей выглядела как игра или соревнование. «В воскресенье летом рано утром отправлялись за грибами, за ягодами. Дак нас никогда не будили специально, только мама скажет: “Ой, Шашковы девки побежали за ягодами”. Дак мы бегом бежим тоже...» Или: «Наши двоюродные сестры. Я к ним приду, так они рукоделье прятали, не показывали, чтоб я не переняла. А я и так их лучше рукодельничала. Мужики говорили тятю, какая у тебя дочь растет – чулки и варежки даже куклам вяжет. Чепошная скатерть у меня была, я сама пряла. И вышивала».

Для взрослого населения дополнительная аскеза связывалась уже не с местными, а с отхожими промыслами: «Тятя в Архангельск ездил плотником и привозил от богачей ботинки. Он их дегтем намажет, на крыльцо поставит... красота».

Предвоенные трудности сельским детям и их страшим родственникам помогали преодолевать практические умения, настойчивость, крестьянское здоровое упорство и сообразительность. До войны выработались технологии реагирования на недостаток средств, болезни. «...В 12 лет я уж ткала, а в школе-то уже и вязала, и вышивала. Поздно в школу пошла, жила в нянях у почтальона. Они говорили: “Зачем в школу идти – не в чем”, – но я все равно убежала, когда в Аниной кофте, когда в пиджаке брата, всегда училась на “пять с плюсом”, потом уж, в пятом классе, младшая сестра Шура заболела оспой, тятя Степан Егорович не отпустил ее в больницу, и мы полтора месяца в доме сидели все. Потом я пришла, а дети дробы учат, а я не знаю. Учитель спросил, не ответила, “ну, тупица” – сказал, я обиделась, убежала домой. Учительница домой приходила, упрасивала, мол, и кормить, и одевать будем. Я пошла. А в школе проверка ходит, инспектор задал задачу, а мы с Колькой Переваловым тут же руки тянем. Он спросил даже учительницу: “Что, проходили эту задачу?”, – “Нет”. – “Ну молодцы, старательные”. Потом, после пятого класса, нужно было уж не в Шолге, а в Подосиновце учиться, меня не отпустили». В общем, микроистория крестьян в российской провинции выявляет невидимые при макроподходах методы преодоления трудностей, поддержания жизненного баланса, постоянной профилактики проблем на самом низшем таксономическом ряде сообществ – в сельском локусе, крестьянском семействе.

При такой размеренной повседневности I Мировая война вошла в жизнь поморов постепенно. Мирные и военные реалии переплетались: «В школу я пошла в четвертый класс, варежки вязали мы солдатам на войну, с одним пальцем, а сарафан первый я себе сама соткала и сшила еще до войны, даже два было у меня сарафана, один из холста в клетку, желтые, черные, зеленые, красные и белые нитки. Сборен сверху, лямки широкие, 4–5 см с обтачкой, фартук, пояс, лапти. Анна, Сашина мама, в казакине в замуж вышла...». Для женской части населения заботы внешние и свои, сельские, воспринимались сравнительно нераздельно.

Для мужской части крестьянского сообщества реалии наступившей «Второй Отечественной» вошли в жизнь более радикально. «В 1914 г. у нас был Коря, жеребец, пятючек красивый, с серыми пятнами. В 1914 г. его забрали на войну. Брат Андрей его увел в Подосиновец...». «В 1915 или в 1916 г. Егор и его сыновья вместе уже ушли в армию, призвали их».

О проводах в армию в вятско-вологодском пограничье, как на всем Русском Севере, очевидцы оставили подробные описания и выразили к ним свое отношение. «Каков бы ни был смысл современной великой мировой войны, но ее истиной, для нас неоспоримой, будут безграничная храбрость, выносливость, беззаветная любовь к родине, соединенный с жаждою религиозного подвига и жертвы героизм, сила и доблесть русского воина, отразившего в себе исполинскую мощь России и красоту народного духа... Многие стихи в причитаниях являются общими, как для молодых новобранцев – “рекрутов”, так и для солдат и запасных, отправляемых в военное время “на службу государеву”» [4].

Мириады деталей повседневности обнаруживаются в «сценарии» проводов на войну, в текстах причитаний поморских территорий, включавших не только Вологодчину и Вятку, но и Пермскую губернию. В частности, при выходе народа из ворот дома старушка-причитальщица вслух еще

раз благословляет воина и затем, уже как бы про себя, тихо причитает последний раз: «Как любимый наш солдатушек, / Будто деревне подсвечное, / Будто травонька подкошенная, / На отлете с родимой сторонushки.../ Как у нас, у печальных головушек, / Унывает ретиво сердечушко:/ Отпустить жаль походна-солдатушка, / Как ясна сокола с правой руки / И как белый свет с ясных очей....»

[5] Ритуал предписывал женам, матерям, сестрам и даже соседкам плакать и печалиться. В ответ на это уходящие на войну мужчины с Русского Севера пели: «Вы не плачьте, наши матери родные, / Не тужите, бедны жены молодые, / Не пройти вам по белу свету за нами, Не смочить вам мать-сыру-землю слезами, Не наполнить сине море горючими» [6]. Современники отмечали, что уже за околицей окружали солдата, осторожно освобождали его от плачущих женщин и, посадив в сани, быстро погоняли лошадей. И ехал он все дальше и дальше от родимой сторонushки [7]. Патриотизм интеллигенции в начале I Мировой войны являл небезынтересные комментарии к проводам крестьян в армию: «Исполинская, величавая мощь России дает воинов-богатырей. Богатырское начало в нашем воине – явление не случайное, не временное, а – как с достаточной убедительностью показали причитания – глубоко лежащие в сложном духе и историческом быте самого народа.

В заключение не могу не вспомнить причитальщиц-старушек: это они, в страстной жажде духовной красоты, довели до совершенства обряды, в которых хранятся великие заветы отцов. Причитания их – живые, прекрасные, орошенные слезами цветы, из которых русская женщина сплела своему храброму воину дивный венок» [8].

Нормальной реакцией на необходимую рутину повседневности называются крестьянское терпение и юмор [9]. В связи с этим комбинаторика макро- и микроуровней в «каждодневной истории» этнокультуры позволяет воспринимать с известной долей частушки как вынужденный юмор при преодолении военных невзгод. Современники отмечали распространение в Поморье частушек на военную тему. «Вологда. Об отношении деревни к текущим военным событиям и о настроениях ее сказала уже сама деревня. И сказала она кратко и ясно в своих частушках, которые уже поются теперь деревенскими парнями и девушками в некоторых деревнях Вологодской губернии... Удивительно, что, несмотря на такое непродолжительное время от начала войны, деревенский простой народ, живущий в глуши и вдали даже от такого сравнительно небольшого городка, как Вологда, сумел уже вполне разобраться в причинах и поводах, вызвавших войну, и установить отношение народа к последней, вылив все это в народной песне. Вот свеженькая частушка: “Немец пивом на лакался, / Спьяна он в войну ввязался, / Думал голой рукой взять, / А пришлось повоевать!”» [10].

Стремление преодолеть нависшие огромные и непонятные для крестьян трудности проявляется в текстах частушек, записанных в Вологодской губернии в начале войны, в 1914 г. и спустя примерно полтора года, в 1916 г. В начале катастрофы бытовали такие тексты.

«Запрягай-ка, тятка, тройку, / В середину-то Серка – / Отправляй, родима матушка, / Во Германию сына»;

«Горд Вильгельм, грозитя пулей, / Хочет нас он победить – / Но обратно пуля немцу / Прямо в рожу полетит»;

«До чего невеселы / Годовые празднички, / Моего дролю угнали, / Под Варшаву в ратнички»;

«Не вой, не вой, полканушка, / Пожалуйста, не вой – / Моего угнали дролечку, / На войну, на самый бой» [11]. Привычные образы коня Серка, пса Полкана, устоявшегося цикла календарных праздников, крестьянского общинного единения переосмысливались в военное время. Эти образы ассоциировались с основательностью в повседневной жизни, за них ухватывалось сознание уходивших на войну мужчин.

Развитие военных событий внесло коррективы в восприятие войны, повседневный быт и настроения в российской деревне. В 1915–1916 гг. в частушках актуализировалась тема выдержки, преодоления и отпора трудностям, параллельного (мирного и немирного) бытия.

«Скоро, скоро станут жать, / А нас погонят воевать: / В горы во карпатския, / В окопы в германския»;

«Не склоняйся, рожь густая, / Не шуми, высокий бор, / Не ходи, молва пустая – / Мы дадим врагу отпор»;

«Посмотрела бы на милого, / Который на войне, / Он сражается во полюшке, / На сивом на коне»;

«Эко лето, эко лето, / Навязалось на меня, / На войне милой воюет, / За народ и за царя»;

«У меня милый в Сувалках / Третий месяц на войне, / Ево поранили германцы / На вороненьком коне» [12].

Особо трагичной повседневность выступала в таком тексте:

«По своей широкой улочке / Любя не хаживать, / Убит милый на войне – / Замуж не выхаживать» [13]. В частушках северо-востока европейской части Российской империи выявлялись важные штрихи повседневности крестьян, черты быта, настроения, ментальность, обычно неуловимые при макроисторических подходах. Получается, что упаднических настроений, четких

политических знаний в сельской глубинке не выявлялось, фиксировалось лишь значительное использование трудовой и моральной аскезы.

«Мемораты»/«устная история» свидетельствует о том, как воспринимали участие в войне крестьяне в Шолгской волости. Про рассматриваемое семейство Художиловых известно, что Егор и его сыновья служили где-то в Австрии, в горах, и варежки и носки из шерсти домашних овец в большом количестве вязались матерью и сестрами и отправлялись посылками туда, на фронт. В повторяемость, цикличность обычных занятий вставлялись новые виды работ, привычное повседневное пространство расширялось за счет воображаемых, представлявшихся лишь словесно границ общественного существования.

Экстремальные события расширяли не только виртуально, но и реально привычное жизненное пространство. «...Из березовой коры плели лапти. Даже из Финляндии привозили мастеров к нам, они в I Мировую войну плели их...» Показательно, что особое внимание уделяется обуви – в случае плетения лаптей для армии, при возвращении отца с ботинками с заработков из Архангельска и т. д.

Исследованиями отмечается, что в годы войны резко ухудшилась структура питания и повседневно-бытовые показатели семейного положения [14]. В рассматриваемом вологодско-вятском пограничье детям сложно было ходить в школу, много работали как взрослые, так и дети. Однако сильно не недостаток продуктов не ощущался благодаря домашнему хозяйству и сбору даров леса.

В общественной коммуникации в военные годы знаковыми стали такие явления: отличница Клавдия читала однодеревцам письма с фронта и писала под их диктовку обратно на фронт. В других регионах России отмечались сходные ситуации. «По отзывам печати, крестьянки хотели учить детей, так как сами часто были неграмотными и не могли прочитать письмо с фронта, и написать ответ» [15].

Судьба благоволила рассматриваемому крестьянскому семейству – и отец, и братья вернулись с войны, но она для них окончилась в 1917–1918 гг., уже в революционное время. Транзитивность экстремальных событий способствовала упрочению навыков выживания в экономических трудностях и политических переменам.

Экстремальность ситуации влияла на постепенное восприятие этнической самоидентификации населения [16].

«Первая мировая война оказала мощное воздействие на повседневную жизнь миллионов людей. Формируя собственный опыт войны у целых послевоенных поколений, внося тотальные изменения в быт, образ мыслей, поведение, социально-правовое положение населения Российской империи, война способствовала выработке особой стратегии выживания большинства ее участников и участниц не только на театре военных действий, но и в тылу» [17].

Микроистория этнокультур конкретных российских регионов с начала XX в., в предвоенное время, в I Мировую войну и после нее выявляет закономерности повседневного бытия и опыт преодоления общественных деструкций локальными сообществами, такими низшими, но массовыми социальными стратами, как крестьянство. Изыскания дополнительных хозяйственных и духовных ресурсов, эволюционное, а не революционное включение инноваций в «вечное» тело локальной культуры, бесппроблемные коммуникации в рамках локальных коллективов, особый вид ментальности, «перестройки» настроений – все эти грани и достижения “every-day ethnic history”.

Перспективными представляются исследования повседневности и моделей выживания рассмотренных поколений в последующие десятилетия, также включающие технологии преодоления трудностей – в годы коллективизации, Великой Отечественной войны и далее.

Примечания

1. Здесь и далее – материалы этнографических экспедиций, 1995, 1997, 2016 гг., Подосиновский район Кировской области, города Пермь, Санкт-Петербург. Лл. 1–50б.
2. Касавин И. Т., Шевелев С. П. Анализ повседневности. М.: Канон, 2004. С. 15.
3. Там же. С. 16.
4. Ульянов И. И. Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. 1914. Вып. 3–4. С. 233, 234.
5. Там же. С. 268.
6. Там же. С. 269.
7. Там же.
8. Там же. С. 270.
9. Касавин И. Т., Шевелев С. П. Указ. соч. С. 25.
10. Текущая война в деревенских частушках // Новое время. 1914. 28 сент. С. 3.
11. И-ий Н. [Ильинский Н.] Отражение войны в вологодских частушках: (За первые полгода войны) // Известия Вологодского Общества изучения Северного края. Вып. 2. Вологда, 1915. С. 134–136.

12. Ильинский Н. Отражение войны в вологодских частушках // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. 3. Вологда, 1916. С. 86, 96, 101.
13. Там же. С. 101.
14. Щербинкин П. П. Повседневная жизнь девочек в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 131.
15. Там же. С. 144.
16. Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралье в XIX – начале XXI в.: вопросы истории и культурной адаптации. Киров: Аверс, 2014. С. 112; Трушкова И. Ю., Бальбердин Ю. А. Трансформации ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний // Вестник ВятГГУ. 2015. № 5. С. 24–30.
17. Щербинкин П. П. Указ. соч. С. 117.

Notes

1. Here and further – materials of ethnographic expeditions, 1995, 1997, 2016, Podosinovskiy district, Kirov region, Perm, St. Petersburg, Sh. l. 1 – 5 turn.
2. Kasavin I. T., SHevelev S. P. Analiz povsednevnosti [Analysis of everyday life]. M. Canon. 2004. P. 15.
3. Ibid. P. 16.
4. Ul'yanov I. I. Voin i russkaya zhenshchina v obryadovykh prichitaniyakh nashih severnykh gubernij [A warrior and a Russian woman in the ritual lamentations of our northern provinces] // Zhivaya Starina – Alive antiquity. 1914, iss. 3–4, pp. 233. 234.
5. Ibid. P. 268.
6. Ibid. P. 269.
7. Ibid. P.
8. Ibid. P. 270.
9. Kasavin I. T., SHevelev S. P. Op. cit. P. 25.
10. Tekushchaya vojna v derevenskikh chastushkakh – The current war in the village chastushki // Novoe vremya – New time. 1914, 28th of September. P. 3.
11. I-i N. [Il'inskij N.] Otrazhenie vojny v vologodskih chastushkakh: (Za pervye polgoda vojny) [Reflection of the war in the Vologda chastushki: (For the first six months of the war)] // zvestiya Vologodskogo Obshchestva izucheniya Severnogo kraja – News of the Vologda Society for the Study of the Northern Territory. Issue 2. Vologda. 1915. Pp. 134, 135, 136.
12. Il'inskij N. Otrazhenie vojny v vologodskih chastushkakh [Reflection of the war in the Vologda chastushki] // zvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraja – News of the Vologda Society for the Study of the Northern Territory. Issue 3. Vologda. 1916. Pp. 86. 96, 101.
13. Ibid. P. 101.
14. Shcherbinkin P. P. Povsednevnyaya zhizn' devochek v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. [The daily life of girls during the First World War 1914–1918] // Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh ot-noshenij: sb. st. – Russian everyday life in the mirror of gender relations: coll. of art. / resp. ed. N.L. Pushkareva. M. New literary review. 2013. P. 131.
15. Ibid. P. 144.
16. Trushkova I. YU. Nacional'nye men'shinstva v Priural'e v XIX – nachale XXI v.: voprosy istorii i kul'turnoj adaptacii [National minorities in the Priuralye during XIX – early XXI century: issues of history and cultural adaptation]. Kirov. Avers. 2014. P. 112; Trushkova I. YU., Balyberdin YU. A. Transformacii mental'nosti i ehtnicheskogo samosoznaniya naseleniya Vyatskoj gubernii vo vremya Pervoj mirovoj vojny: istoriya inoterritorial'nyh vliyaniy [Transformations of mentality and ethnic self-consciousness of the population of Vyatka province during the First World War: the history of foreign influences] // Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU. 2015, No. 5, pp. 24–30.
17. Shcherbinkin P. P. Op. cit. P. 117.

УДК 94(430.1)"1953":329.4'4

М. В. Левченко

Начало работы консерваторов и либералов в ФРГ во втором Бундестаге (1953–1957 гг.). Возникновение первых коалиционных противоречий

В статье рассматривается вопрос начала работы малой коалиции в Западной Германии после выборов 1953 г. Опираясь на широкий круг немецких источников, автор сумел раскрыть в новом ракурсе политическую жизнь Западной Германии в послевоенный период. Так, автор приходит к выводу, что политиче-

ская расстановка сил в Федеративной Республике была намного сложнее, чем представлялась раньше в отечественной историографии. Если до этого основной акцент строился вокруг фигуры канцлера Аденауэра и его авторитарных методов управления, то в статье упор делается на совместной работе других демократических партий: СвДП, ХСС, НП. Другим важным моментом является то, что экономические вопросы во внутрикоалиционных дискурсах не являлись первоочередными, и основной накал страстей происходил вокруг вопроса Саара, присоединение которого к стране являлось вопросом национального престижа государства.

In article the question of the beginning of work of a small coalition in the Western Germany after elections of 1953 is considered. Leaning against a wide range of German sources, the author has managed to open in a new fore-shortening a political life of the Western Germany during the post-war period. So the author comes to a conclusion that the political alignment of forces in Federal republic was much more difficult, than it was represented earlier in a domestic historiography. If before the basic accent was under construction round a figure of chancellor Adenauer and its authoritative management methods in article the emphasis becomes on teamwork of other democratic parties: FDP, CSU, DP. Other important point is that economic problems in intracoalition discourses were not prime, and the basic heat occurred round a question of Saar – which joining to the country was a question of national prestige of the state.

Ключевые слова: политический консерватизм, либерализм, ХДС, СвДП, ХСС, НП, малая коалиция, канцлер.

Keywords: Political conservatism, liberalism, CDU, FDP, CSU, DP, a small coalition, the canzler.

Начало работы малой коалиции во втором бундестаге представляет большой исторический и политический интерес. Так, работа в первом бундестаге 1949–1953 гг. показала огромный потенциал консервативно-либеральной коалиции в вопросе восстановления разрушенного немецкого государства. Однако несмотря на обнадеживающее начало, коалицию раздирали внутренние противоречия. В этом отношении выборы во второй бундестаг 1953 г. являются основополагающими для того, чтобы выявить вопросы, являвшиеся краеугольным камнем существования будущей коалиции. Поэтому представляется интересным проследить выборы во второй бундестаг, выяснить вопросы, предъявляемые партнёрам по коалиции, и ответить на вопрос – жизнеспособен ли был союз консерваторов и либералов в будущем.

Вторые выборы в бундестаг 6 сентября 1953 г. стали большим триумфом коалиции [1] и полной победой консерваторов. Так ХДС и ХСС увеличили свои голоса на 14%, получив в общей сложности 45,2%. Для либералов выборы, напротив, оказались полной неожиданностью, поскольку из-за своих нескоординированных действий они получили лишь 9,5% голосов против 11,9% на выборах 1949 г. [2] Основной причиной неудачных выборов была поляризация политических лозунгов либералов – с одной стороны, отстаивающие социалистические лозунги, с другой – буржуазные ценности. Всё это говорило о том, что либералам так и не удалось создать централизованную партию и единую программу. В интервью корреспонденту “Die Zeit” Роберту Штробелю председатель свободных демократов Блюхер «по понятным соображениям довольно зажато» и «очень пессимистично» давал оценку будущего развития СвДП. Так, он заявил о необходимости вхождения либералов в коалицию и осторожно рекомендовал назначить на должность министра юстиции либерала Делера, считая такой шаг вопросом доверия правительства [3]. 10 сентября во время зондированной беседы с представителями СвДП Аденауэр объявил о продолжении существования малой коалиции, причем без разницы, как прошедшие выборы отразились на положении самой партии [4]. Такой странный поступок канцлера объяснялся просто – после выборов 1949 г. Аденауэр считал, что «союз любой партии с СДПГ привел был её к постепенному соскальзыванию в коммунизм» [5].

Политики СвДП потребовали от Аденауэра министерства жилищного строительства, движения и юстиция, а также должности вице-канцлера [6]. На следующий день находившийся при Аденауэре Штраус потребовал от канцлера минимум три министерских поста для ХСС и должность вице-канцлера [7]. В этой ситуации обращает на себя внимание то, что СвДП стала отходить от отдельных коалиционных переговоров с ХСС, переставая считать её отдельным партнёром по коалиции [8]. Ответ на такую реакцию можно объяснить тем, что СвДП опасались за своё политическое выживание и статус второй силы в коалиции [9]. ХСС также настаивала на признании себя в качестве второй партии в коалиции и расширила свои предыдущие требования, не соглашаясь на должность второго вице-президента бундестага [10]. Таким образом, СвДП и ХСС во втором бундестаге заявили о себе как о двух противоборствующих силах. Видя такую ситуацию, на совместном заседании коалиции 15 сентября канцлер заявил о своей готовности создать коалицию, но повременив с министерскими постами.

«Будет довольно трудно вести переговоры: ХДС/ХСС слишком большие, другие настолько маленькие, что опасаются быть довеском» [11]. Это заявление Аденауэра ставит центральную проблему образования второй коалиции: ХДС/ХСС настолько укрепила свой потенциал, что могла диктовать условия небольшим партнёрам по коалиции. Канцлер был готов укрепить положение своей партии, чтобы диктовать свои условия. Спор за распределение министерских постов был головной болью канцлера с 6 по 20 октября. Сам Аденауэр находился под сильным давлением со стороны своей фракции, требовавшей не идти на уступки небольшим партиям. Однако канцлер и его ближайшее окружение преследовали разные цели. Так, если консерваторы не считали нужным считаться с членами коалиции, Аденауэр, напротив, хотел использовать партнеров по коалиции как рычаг давления на свою партию.

Аденауэр готов был предложить СвДП три ведомства [12], хотя либералы просили четыре министерства и сохранения за Томасом Делером поста министра юстиции [13]. В ответ на это Аденауэр готов был дать СвДП четвертый незначительный пост, но при условии, что Делер не получит пост министра [14]. Такое отношение Аденауэра к Делеру объяснялось его резкими выпадами против политического католицизма, не находившего поддержки даже среди членов его партии. Так, к примеру, Теодор Хейс, отец-основатель СвДП, принимавший активное участие в выборах во второй кабинет министров, не настаивал на выдвижении Делера на пост министра [15]. В конечном итоге либералы получили министерства: экономического сотрудничества (Франц Блюхер), юстиции (Фриц Ноймауэр), жилищного строительства (Виктор-Эмануэль Пройскер) и особых задач, фактически министр без портфеля (Герман Шафер).

Немецкая партия оказалась для Аденауэра не проблемным союзником, так как партия стремилась при любых обстоятельствах попасть в правительство. Аденауэр поручил им министерство путей сообщения и министерство по делам бундесрата [16].

Самая большая проблема для канцлера – это не маленькие коалиционные партии, а ХСС и ХДС. ХСС, считающая себя наиболее близким по идеологии союзником канцлера [17], требовала наряду с тремя министерствами также и поста вице-канцлера, который в первом кабинете занимала СвДП. Чтобы такого не случилось, Аденауэр вынужден был оставить за Фритцем Шаффером пост министра финансов [18]. В рядах своей партии Аденауэр вынужден был считаться также с левым профсоюзным крылом. Для этого Якоб Кайзер был назначен министром по общегерманским вопросам, а Антон Шторх – министром труда и занятости.

Правительственная коалиция во время выборов в бундестаг в 1953 г. представляла собой мощную оппозицию против СДПГ. Однако партнёры по коалиции понесли потери в голосах избирателей, из-за чего соотношение сил в правительственной коалиции сдвинулись в пользу ХДС/ХСС. В этой ситуации ХСС предложило удалить из коалиции СвДП и НП. Между тем канцлер настаивал на продолжении малой коалиции и пресекал все попытки, выражающие единовластие союза. Основная проблема коалиционного образования в 1953 г. – это конкуренция между ХСС и СвДП вокруг статуса второй силы в правительственной коалиции. Настроение в ХДС и ХСС против небольших партий мешало канцлеру образовать коалицию, поскольку он не мог внятно объяснить своего решения.

Тем не менее о будущих трудностях сигнализировала не только кадровая политика канцлера, но и нарастающие разногласия по Саарскому вопросу, на европеизации которого настаивал Аденауэр, что строго пресекалось СвДП. При этом речь идет о ползучем процессе, который начался осенью 1953 г. и все более ускорялся, вплоть до поломки коалиции в феврале 1956 г. Коалиция так не была окончательно создана из-за парламентской группы СвДП, открыто обсудившей вхождение в аденауэровский холдинг на условии того, что это «лучшее решение для начала работы коалиции». В качестве меры предосторожности фракция СвДП подписала документ, по которому они обязались уйти в отставку, если это решение не было бы выполнено. Таким образом, политическая судьба Саара – это центральная тема коалиционного спора между канцлером и СвДП во второй срок полномочий законодательного органа.

Проблема Саара для СвДП, а также для участников союза была желанным поводом, чтобы указать на издержки западной интеграции для Германии. Вопрос Саара содержал политическое взрывчатое вещество, чтобы быть «возмутителем спокойствия для Боннской коалиции» [19]. Аденауэр и Делер стояли на разных внешнеполитических убеждениях, «...в то время как канцлер рассматривал вопрос Саара через призму европеизации (построения самостоятельного государства наподобие Люксембурга), Делер смотрел с точки зрения национального вопроса» [20]. То, что этот внутрикоалиционный спор не был решен в первой правительственной коалиции, объяснялось недостающими свободами действий правительства в вопросе Саара. Напряжение между канцлером и СвДП началось в 1952 г., после соглашения Аденауэра в вопросе европеизации Саара, по которому Франция, в свою очередь, должна была ратифицировать западные договоры. Делер

настаивал на том, что отделение Саара нарушило бы территориальную целостность Германии, а федеративная республика не имела бы права на такое решение, как немецкое частичное государство [21]. Однако к серьезному коалиционному спору это не привело, поскольку, занявшись ратификацией, Франция не хотела себя замораживать «куском земли».

Первый срок полномочий законодательного органа кончается для канцлера относительно политики Саара регрессом. Бундестаг принял в июле 1953 г. резолюцию, в которой потребовал возвращения Саара в Германию [22]. Ухудшение отношений с Францией привело к временному улучшению отношений между канцлером и СвДП. Однако канцлер понимал, что если немецко-французские отношения улучшатся, климат внутри коалиции станет более суровым. Предвидя будущую ссору, фракция Бундестага СвДП обсуждала по истечении выборов в бундестаг в 1953 г. то, что политика Саара может привести к поломке коалиции. Кроме того, свободные демократы договорились о том, чтобы обязывать своих министров уйти в отставку [23]. Кроме того, СвДП своим основным вопросом ставило задачу поставить под свой контроль все действия в направлении внешней политики канцлера, поэтому коалиционные конфликты были заранее запрограммированы [24].

Делер недвусмысленно заявил, что СвДП покинет коалицию, если канцлер согласится с политической европеизацией Саара [25]. Дистанция с консерваторами увеличивалась и в следствии того, что в отношении вопроса Саара либералы и социал-демократы преследовали одинаковые цели [26]. Таким образом, Делер стирал различия между коалицией и оппозицией, ставя под сомнение коалиционную стратегию канцлера. В то время как Аденауэр в отношении оппозиции взял на курс на конфронтацию, Делер, напротив, был готов к кооперации. В подтверждение своих слов он заявлял, что готов отказаться от своих идей, если большинство членов коалиции выскажутся против них. СвДП хотела выставить себя в качестве защитника общегерманских интересов, не отрицая при этом идею западной интеграции. Однако контрпредложения не имели успеха, поскольку подобные заявления могли быть реализованы только вместе с христианскими демократами.

Таким образом, возникновение малой коалиции в 1953 г. являлось не чем иным, как стремлением консерваторов объединить вокруг себя демократические силы Федеративной республики. Свободные-демократы и Немецкая партия давали в сумме более 50% голосов, что было удобно при голосовании по основным вопросам в бундестаге. Однако СвДП и НП были не так многочисленны, чтобы представлять опасность для консерваторов. Вместе с тем формирование малой коалиции в 1953 г. нельзя было считать окончательным. Основная причина этого крылась в разности взглядов консерваторов и либералов в вопросах внешней политики – в частности, в вопросе будущего статуса Саара. Важным элементом будущих коалиционных противоречий являлось поведение канцлера – поскольку Аденауэр все вопросы решал в узком кругу лиц. Именно это впоследствии стало поводом ухода свободных либералов в оппозицию в 1956 г. Что же касается вопроса целесообразности создания малой коалиции и её перспектив в совместной работе в дальнейшем, то на этот вопрос можно ответить утвердительно. Федеративная республика после Второй мировой войны представляла собой государство с совершенно новой и не сформированной до конца политической системой, и только коалиционное правительство из демократических партий способствовало тому, что государство не могло пойти по пути формирования авторитарного режима.

Примечания

1. Vgl. Datenhandbuch zur Geschichte des Deutschen Bundestages. Bd. 1. S. 34f.
2. Ritter G., Niehuss M. Die Ergebnisse sind im einzelnen aufgeführt // Wahlen in der Bundesrepublik Deutschland. Bundes und Landtagswahlen 1946–1994. München, 1995. S. 126–131.
2. Alle Zitate: IfZ, Sammlung Strobel, ED 329/5. Durchschlag mit ms. Vermerk "Nicht zur Veröffentlichung bestimmt!" und Adressstempel Robert Strobels.
4. Vgl. BArch, NL Blücher, N 1080.
5. Franz Blücher in der Sitzung des BV vom 18.11.1949. S. 68.
6. Vgl. Blücher bei Adenauer. Drei Ministerien gefordert // FAZ vom 11.09.53; vgl. FDP-Bundesvorstand. Bd. I. Dok. Nr. 36. S. 1141 f.
7. Vgl. Mehr Bundesminister als bisher möglich // FAZ vom 11.09.53.
8. Vgl. Bleiben die Freien Demokraten abseits? // FAZ vom 12.09.53.
9. Vgl. FDP-Bundesvorstand. Bd. 1. Dok. Nr. 36. S. 1147–1149, 1165.
10. Vgl. Kontroverse zwischen FDP und CSU // FAZ vom 14.09.53.
11. Adenauer K. Briefe. Bd. 4: 1951–1953, hrsg. v. Rudolf Morsey, Hans-Peter Schwarz, bearb. v. Hans Peter Mensing. Berlin, 1987. Dok. Nr. 459.
12. Vgl. Wildenmann R. Macht und Konsens als Problem der Innen- und Außenpolitik Frankfurt/Main 1963. S. 242. Anm. 6.
13. Vgl. Domes J. Bundesregierung und Mehrheitsfraktion. Köln, Opladen 1964. S. 56.

14. Vgl. Lederer W. Die Einflußnahme der kleinen Koalitionsparteien auf die Regierungspolitik des Bundeskanzlers in den Jahren 1949–1957. Kiel, 1967. S. 119.
15. Vgl. Staub zum Wirbeln // Der Spiegel. vom 28.10.53.
16. Vgl. Strobel R. Das neue Bonner Kabinett // Die Zeit vom 22.10.53.
17. Vgl. Wolf K. CSU und Bayernpartei. Ein besonderes Konkurrenzverhältnis 1948-1960. Köln, 1982. S. 41–55, 71–84, 115–142.
18. Vgl. Schwarz H-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952–1967. Stuttgart, 1991. S. 110f.
19. *Thofß B.* Die Lösung der Saarfrage 1954/55/ // VfZ 38. 1990. S. 225–288, S. 227.
20. Vgl. Klingl F. "Das ganze Deutschland soll es sein!" Thomas Dehler und die außenpolitischen Weichenstellungen der fünfziger Jahre, München 1987, S. 120.
21. Ibidem. S. 124f.
22. Vgl. Deutscher Bundestag, I. Wahlperiode 1949. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Drucksachen Nr. 4401–4550, Drucksache Nr. 4436.
23. Vgl. FDP-Bundesvorstandssitzung vom 23.10.53, in: FDP-Bundesvorstand, Bd. 1: Die Liberalen unter dem Vorsitz von Theodor Heuß und Franz Blöcher. Sitzungsprotokolle 1949–1954, 2. Halbbd.: 27.–43. Sitzung 1953/54, hrsg. v. Karl Dietrich Bracher, Rudolf Morsey, Hans-Peter Schwarz, bearb. v. Udo Wengst, Düsseldorf, 1990 S. 1192f.
24. Vgl. Wengst U. Mit und gegen Adenauer und Erhard. // Verantwortung für die Freiheit. 40 Jahre F.D.P. Stuttgart 1989. S. 102–124, S. 112.
25. Vgl. Dehler. Koalitionstreue bei Saar-Europäisierung // FR vom 10.11.53.
26. Vgl. Interview Dr. Dehlers mit "Neue Presse" // fdk vom 05.11.53. S. 2–4.

Notes

1. Vgl. Datenhandbuch zur Geschichte des Deutschen Bundestages. Bd. 1. S. 34f.
2. *Ritter G., Niehuss M.* Die Ergebnisse sind im einzelnen aufgeführt // Wahlen in der Bundesrepublik Deutschland. Bundes und Landtagswahlen 1946–1994. München, 1995. S. 126–131.
2. Alle Zitate: IFZ, Sammlung Strobel, ED 329/5. Durchschlag mit ms. Vermerk "Nicht zur Veröffentlichung bestimmt!" und Adressstempel Robert Strobels.
4. Vgl. BArch, NL Blücher, N 1080.
5. Franz Blücher in der Sitzung des BV vom 18.11.1949. S. 68.
6. Vgl. Blücher bei Adenauer. Drei Ministerien gefordert // FAZ vom 11.09.53; vgl. FDP-Bundesvorstand. Bd. I. Dok. Nr. 36. S. 1141 f.
7. Vgl. Mehr Bundesminister als bisher möglich // FAZ vom 11.09.53.
8. Vgl. Bleiben die Freien Demokraten abseits? // FAZ vom 12.09.53.
9. Vgl. FDP-Bundesvorstand. Bd. 1. Dok. Nr. 36. S. 1147–1149, 1165.
10. Vgl. Kontroverse zwischen FDP und CSU // FAZ vom 14.09.53.
11. *Adenauer K.* Briefe. Bd. 4: 1951–1953, hrsg. v. Rudolf Morsey, Hans-Peter Schwarz, bearb. v. Hans Peter Mensing, Berlin, 1987. Dok. Nr. 459.
12. Vgl. Wildenmann R. Macht und Konsens als Problem der Innen- und Außenpolitik Frankfurt/Main 1963. S. 242. Anm. 6.
13. Vgl. Domes J. Bundesregierung und Mehrheitsfraktion. Köln, Opladen 1964. S. 56.
14. Vgl. Lederer W. Die Einflußnahme der kleinen Koalitionsparteien auf die Regierungspolitik des Bundeskanzlers in den Jahren 1949–1957. Kiel, 1967. S. 119.
15. Vgl. Staub zum Wirbeln // Der Spiegel. vom 28.10.53.
16. Vgl. Strobel R. Das neue Bonner Kabinett // Die Zeit vom 22.10.53.
17. Vgl. Wolf K. CSU und Bayernpartei. Ein besonderes Konkurrenzverhältnis 1948-1960. Köln, 1982. S. 41–55, 71–84, 115–142.
18. Vgl. Schwarz H-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952–1967. Stuttgart, 1991. S. 110f.
19. *Thofß B.* Die Lösung der Saarfrage 1954/55/ // VfZ 38. 1990. S. 225–288, S. 227.
20. Vgl. Klingl F. "Das ganze Deutschland soll es sein!" Thomas Dehler und die außenpolitischen Weichenstellungen der fünfziger Jahre, München 1987, S. 120.
21. Ibidem. S. 124f.
22. Vgl. Deutscher Bundestag, I. Wahlperiode 1949. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Drucksachen Nr. 4401–4550, Drucksache Nr. 4436.
23. Vgl. FDP-Bundesvorstandssitzung vom 23.10.53, in: FDP-Bundesvorstand, Bd. 1: Die Liberalen unter dem Vorsitz von Theodor Heuß und Franz Blöcher. Sitzungsprotokolle 1949–1954, 2. Halbbd.: 27.–43. Sitzung 1953/54, hrsg. v. Karl Dietrich Bracher, Rudolf Morsey, Hans-Peter Schwarz, bearb. v. Udo Wengst, Düsseldorf, 1990 S. 1192f.
24. Vgl. Wengst U. Mit und gegen Adenauer und Erhard. // Verantwortung für die Freiheit. 40 Jahre F.D.P. Stuttgart 1989. S. 102–124, S. 112.
25. Vgl. Dehler. Koalitionstreue bei Saar-Europäisierung // FR vom 10.11.53.
26. Vgl. Interview Dr. Dehlers mit "Neue Presse" // fdk vom 05.11.53. S. 2–4.

К вопросу об истории Чеченского княжества (XVII–XVIII вв.)

Статья посвящена истории Чеченского княжества – одного из крупнейших феодальных владений Чечни второй половины XVII – первой половины XVIII вв., на примере которого хорошо прослеживаются основные особенности феодальных отношений в чеченском обществе: первоначальное доминирование «пришлых» феодалов; развитие удельной системы; противостояние феодальной знати с сельскими общинами, завершившееся изгнанием феодальных владельцев.

Чеченское княжество во главе с династией Турловых, состоявших в родстве с аварскими ханами, возникло в нижнем течении реки Аргун на месте другого, более раннего владения, уничтоженного, вероятно, в результате феодальной усобицы с участием Эндерийского княжества. В период своего наивысшего расцвета Чеченское княжество охватывало низовья реки Аргун и среднее течение Сунжи, а сюзеренитет его владельцев распространялся на отдельные общества горной Чечни и восточную часть Карабулака.

В Чеченском княжестве очень быстро сложилась феодальная иерархия, включавшая старшего князя, удельных князей и рядовых дворян – узденей. Вместе с тем власть феодальных владельцев, как и во всей Чечне, ограничивалась сельскими общинами, по отношению к которым князья пользовались правами сельских старшин. Князья отправляли судопроизводство, вели внешнеполитические отношения, стояли во главе собственных дружин и общинного ополчения, получая за это продуктовую ренту и ряд других доходов.

Усиление территориальных обществ стало главной причиной дальнейшего ослабления княжеской власти. Развитие феодальных отношений внутри сельских обществ привело к формированию так называемой «аульской» знати в лице старшин, добивавшихся наследственного характера своей власти. А по мере все большей исламизации чеченского общества возрастало влияние духовенства в лице сельских мулл и кадиев, что тоже способствовало ослаблению княжеской власти.

Позиции князей подрывались также постоянными раздорами между удельными князьями, представлявшими разные ветви владельческой династии.

В конечном итоге победа «аульской» знати, фактически отстранившей от власти княжескую аристократию, и привела к ликвидации Чеченского княжества.

The article is devoted to the history of the Chechen principality – one of the largest feudal estates of Chechnya of the second half XVII – first half XVIII centuries, an example of which can be traced well the main features of feudal relations in Chechen society: the initial dominance of "outsiders" of the feudal lords; the development of a specific system; the confrontation of the feudal nobility with rural communities, culminating in the expulsion of the feudal owners.

Chechen Principality headed by the dynasty Turlov's clan, related to the Avar khans emerged in the lower reaches of the river Argun in the place of another, earlier possession, destroyed, probably as a result of feudal strife involving Interesnogo Principality. In the period of its greatest prosperity Chechen Principality covered the lower reaches of the river Argun and middle reaches of the Sunzha, and the suzerainty of its owners applied to certain companies Chechen mountains and the Eastern part of Karabulak.

In the Chechen Principality is very quickly formed a feudal hierarchy, including the senior Prince, princes, and ordinary nobles – Uzdenov. However, the power of the feudal owners, as well as throughout Chechnya, was limited to rural communities, in relation to which the princes enjoyed all the rights of rural elders. However, the princes were sent the proceedings, conducted foreign relations, stood at the head of his own troops and community militia in exchange for food rents and other income.

Strengthening of territorial communities was the main reason for further weakening of princely power. The development of feudal relations in rural societies led to the formation of so-called "aul" nobility in the face of the elders, seek the hereditary nature of his power. And as an increasing Islamisation of Chechen society – has increased the influence of the clergy in the face of village mullahs and qadis, which also contributed to the decline of princely power.

The position of the princes was also undermined by constant strife among the appanage princes, who represented different branches of the possessory dynasty.

In the end, the victory of the "aul" of the nobility, in fact, was removed from power of the princely aristocracy, led to the elimination of the Chechen Principality.

Ключевые слова: Чеченское княжество, «горский» феодализм, феодальные владения, феодальная иерархия, удельные владения, сельская община.

Keywords: Chechen Principality, «highland» feudalism, fief, feudal hierarchy, the unit of ownership, rural community.

История Чеченского княжества примечательна тем, что в ней нашли отражение все главные особенности развития феодализма в Чечне: первоначальное доминирование «пришлых» феодалов; развитие удельной системы, приведшей к фактическому распаду единого княжества на ряд мелких

владений; постепенно обостряющееся противостояние феодальной знати с территориальными общинами; открытая поддержка российскими властями горской аристократии; окончательное изгнание феодальных владельцев. Именно этим объясняется повышенный интерес к истории Чеченского княжества со стороны исследователей, прежде всего Чеченской Республики.

Вместе с тем в истории Чеченского княжества немало «темных страниц», освещение которых может пролить дополнительный свет на генезис феодализма в Чечне. Общеизвестно, что Чеченское княжество возникло примерно в 1650 г. вследствие переселения в низовья реки Аргун владельческой фамилии Турловых, родственной аварским ханам. Центром нового феодального владения стал аул Чечен (Чачан), возникший на месте старого поселения [1].

Согласно имеющимся источникам, переселение Турловых произошло между 1645–1649 гг., когда «уварские люди» поселились в районе слияния Сунжи с Терекком. Однако терский воевода В. А. Оболенский заставил их переселиться к месту впадения в Сунжу реки Аргун [2], а на освободившемся месте обосновались 500 семей брагунцев, что привело к образованию небольшого Брагунского владения.

Семейное предание Турловых сообщает, что Алибек Турлов (средний из переселявшихся братьев) первым заселил поляну «Чачан-тала» [3], что, согласно горскому адату, превращало Турловых во владельцев этой земли по праву первой заимки.

Однако имеются неоспоримые доказательства, что указанная местность была заселена задолго до появления Турловых, а сами они являлись далеко не первыми владельцами на этой территории. В числе чеченских феодалов, принявших российское подданство через посредничество Ших-мурзы Окоцкого в конце XVI в., упоминаются владельцы «землиц» «Чачана» и «Тарлоя» [4], соотносимых с равнинным селением Чечен-аул и высокогорным обществом Терлой.

Еще в XIX в. было записано чеченское предание, согласно которому первоначально на месте будущего Чечен-аула находилась ставка предводителя калмыцкой орды по имени Аргун. Сразу же после ухода калмыков чеченцы основали на правом берегу реки Аргун селение Узик-юрт, а на противоположном левом берегу, там, где находилась ставка хана Аргуна, – аул Чечень-юрт [5].

С калмыками связано немало чеченских преданий. В одном из них, например, говорится, что некогда калмыки, оттеснив ногайцев, заняли всю равнинную часть Чечни. В середине XVIII в. чеченцы решили избавиться от калмыков, но, рассчитав свои силы, они пошли на то, что выдали за калмыцкого хана самую красивую девушку с условием, что тот со своей ордой удалится в Астраханские степи [6].

Как известно, калмыки переселились из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий лишь в конце XVI – начале XVII вв., а их пребывание на территории Чечни носило эпизодический характер в виде отдельных вооруженных набегов. Следовательно, интересующий нас топоним Чечен/Чачан не может быть связан с ними, так же как и название острова Чечень в дельте Терека. Калмыки были последними «классическими» кочевниками-скотоводами, с которыми столкнулись чеченцы, и поэтому во многих народных преданиях под названием калмыков на самом деле выступают более ранние кочевые народы. Скорее всего, в приведенном предании отразилось воспоминание о пребывании в этих местах тюркоязычных кочевников периода Большой или даже Золотой Орды.

Остаются неясными и причины, заставившие Турловых переселиться из высокогорного дагестанского Гумбета вглубь Чеченской равнины. В качестве таковых обычно называют либо переселение на необжитые места, либо приглашение «на княжение» со стороны местных чеченских обществ. Сами Турловы, без сомнения, были заинтересованы представить себя в виде первых поселенцев. Однако эта версия кажется весьма сомнительной в свете приведенных выше данных.

На первый взгляд, более убедительной выглядит версия о приглашении Турловых представителями чеченских селений в нижнем течении реки Аргун. Заметим также, что это распространенная практика, хотя далеко не всегда подчинение «пришлым» феодалам носило добровольный характер. Высказывалось предположение, что представители чеченских обществ, пригласив на княжение Турловых – боковую ветвь аварских ханов, – переводили свою борьбу за независимость в плоскость военно-политических отношений между соперничавшими феодальными группировками, сдерживая тем самым их захватнические устремления. В противном случае Чечня, находившаяся в окружении многочисленных феодальных владений, грозила стать объектом постоянных военных набегов соседних княжеских дружин, что могло привести к расчленению ее территории и подчинению по частям соседним феодалам. Образование Чеченского феодального владения стало, таким образом, гарантом исторического развития чеченского народа и позволило под его эгидой объединить большую часть равнинной Чечни и ряд горных обществ. Соответственно, княжеская фамилия Турловых должна была послужить противовесом кабардинским и кумыкским князьям, притязавшим на чеченские земли [7].

Однако на момент образования Чеченское княжество представляло собой одно из многих феодальных владений, а если во главу угла ставить «притязания на чеченские земли», то вряд ли аварские ханы и их родственники Турловы были чем-то предпочтительней кабардинских и кумыкских князей. К тому же Турловы первоначально пытались обосноваться вблизи Сунженского острога, но были вынуждены удалиться из этих мест по распоряжению терского воеводы, т. е. их появление никак не связано с приглашением жителей чеченских селений – иначе Турловым не пришлось бы скитаться в поисках места для основания собственного поселения.

В связи с этим внимания заслуживает версия, предложенная Ф. В. Тотоевым, ссылавшимся на предание, согласно которому владельцы Эндери убили двух представителей дома гумбетских феодалов и некоего «Аргунского эмира», что вызвало межфеодалную вражду, завершившуюся переходом к Турловым «Чечен-Шали, Атага и проч.». Полученные владения Турловы заселили выходцами из горной Чечни [8].

Таким образом, в результате феодальной уособицы, возможно, к Турловым перешло владение убитого «Аргунского эмира» и, похоже, они далеко не сразу сумели полностью овладеть им. Тем более что образование Чеченского княжества пришлось на весьма беспокойный период. Восстановление Сунженского острога в начале 1651 г. привело к резкому обострению ситуации на Северо-Восточном Кавказе и прямому военному вмешательству Ирана. В 1651 и 1653 гг. иранские войска при поддержке коалиции дагестанских владельцев во главе с Тарковским шамхалом и с участием чеченского ополчения Мичкизского и Шибутского (Шатойского) обществ дважды осаждали Сунженский острог.

Письменные источники не содержат никаких сведений об участии князей Турловых в указанных событиях – вероятно, на тот момент они еще не обладали заметным влиянием.

После урегулирования ирано-российского конфликта политическая ситуация претерпела существенные изменения. Грузинский царь Теймураз, изгнанный иранцами из Картли и Кахетии, укрепился в Тушетии, Пшавии и Хевсуретии. Поддержку ему оказали и чеченские горные общества, прежде всего из Аргунского ущелья, включая Шибутское (Шатойское) общество. К коалиции, возникшей вокруг Теймураза, примкнули и Турловы, которые в 1658 г. через грузинского царя «...били челом великому государю... И великий государь пожаловал, велел им дать свою государеву грамоту, чтоб их никто не избивал...» [9].

По всей видимости, участие в широкой коалиции, а также организованное Турловыми переселение в свои новые владения выходцев из горной Чечни, укрепило их позиции. О росте влияния новой княжеской фамилии говорит и тот факт, что во второй половине XVII в. один из Турловых был приглашен «на княжение» в Гумбет, но вскоре погиб в столкновении с андийским правителем Али-бегом [10].

Из этого факта следует, что Турловы, хотя и считались владельцами Гумбета, по всей видимости, реальной власти над этим обществом не имели. И только достаточно окрепнув в Чечне, эта фамилия смогла получить влияние на Гумбетское общество.

Вплоть до конца XVII в. происходит непрерывное усиление Чеченского княжества Турловых, чему в немалой степени способствовал фактический распад Тарковского шамхальства на отдельные удельные владения и ослабление Эндерийского княжества. Ряд чеченских обществ, освободившихся от власти Тарковских шамхалов, подпадает под власть князей Турловых, другие становятся независимыми [11].

К началу XVIII в. Чеченское владение охватывало низовья реки Аргун и среднее течение Сунжи. Помимо этого сюзеренитет Турловых временами признавали отдельные общества горной Чечни и восточной части Карабулака [12].

При этом земли Чеченского княжества довольно слабо заселены – в 1708 г. с его территории выставляется около 700 ополченцев [13]. Если считать, что каждое самостоятельное хозяйство в случае необходимости выставляло одного воина – то чеченское владение Турловых включало примерно 700 дворов. Для сравнения: в Гумбетовском обществе у этих князей в совместном владении насчитывалось 1 030 дворов [14].

Хотя Турловы, несомненно, владели определенными земельными угодьями в Чечне на праве частной собственности, их вряд ли можно рассматривать как крупных землевладельцев. В связи с этим уместно будет вспомнить, что Турловы претендовали на поляну «Чачан-тала» по праву первой заимки. Следовательно, им пришлось довольствоваться землями, не принадлежавшими чеченским селениям и хуторам в низовьях Аргуна – среднем течении Сунжи. А таковых на Чеченской равнине, заросшей вековыми лесами, было немного.

Некоторые чеченские исследователи считают даже, что жители чеченских селений не несли какие-либо феодальные повинности в пользу Турловых, а их потребности удовлетворяли вывезенные из Гумбета лично зависимые крестьяне, т. е. «черные люди» [15].

Более достоверным представляется, что Турловы все же получали подати с подвластных им селений, в которых они, по существу, исполняли обязанности сельских старшин, власть которых переходила по наследству. Кроме того, Турловы получали определенную долю от захваченных военных трофеев, собирали штрафы с подвластного населения, взимали торговые пошлины и пастбищную ренту, которая приносила им ежегодно не менее тысячи голов рогатого скота. Определенный доход давала также эксплуатация нефтяных колодцев и некоторого числа холопов [16].

Таким образом, власть князей Турловых ограничивалась общинными сходами, советами выборных старейшин и выборными старшинами, выступавшими в роли органов общинного самоуправления, которые и принимали все важнейшие решения, касавшиеся жизни обществ. Князья же только председательствовали на общинных сходах. Кроме того, они отправляли судопроизводство, вели внешнеполитические отношения, стояли во главе собственных дружин и общинного ополчения.

Тот факт, что власть феодальных владельцев в Чечне серьезно ограничивалась территориальными обществами, зачастую используется как довод в пользу утверждения о неразвитости феодальных отношений в чеченском обществе. Однако история знает множество подобных примеров. Например, в Новгородской земле власть приглашенных князей ограничивалась народным вече, Советом господ и городским посадником.

Утверждение о неразвитости феодальных отношений в горских обществах часто связывается также с отсутствием сложной многоступенчатой феодальной иерархии [17].

Однако в Чеченском княжестве мы видим на самом верху феодальной иерархии старшего князя. Ниже стояли князья, владевшие собственными уделами, т. е. фактически удельные князья, которым подчинялись рядовые дворяне – уздени. Обособление удельных князей в конечном итоге стало одной из причин ослабления и распада Чеченского княжества. В первой половине XVIII в. сложились три княжеские фамилии – Турловы, Казбулатовы (Хасбулатовы) и Айдемировы – оспаривавшие главенство между собой. Поскольку выборная должность старшего князя переходила от одной фамилии к другой, то и «столица» Чеченского княжества не всегда оставалась в Чечен-ауле. Например, в 1720 г. резиденция старшего князя находилась в с. Алды (Буган-Юрт) [18].

Постоянные раздоры между тремя княжескими фамилиями вокруг должности старшего князя, споры по разделу удельных владений и даже за размер жалования от российских властей неминуемо привели к общему ослаблению княжеской власти в Чеченском владении и утрате власти над Гумбетовским обществом [19].

В Чечне же влияние Турловых, Айдемировых и Хасбулатовых в наибольшей степени зависело от наличия у них узденей. Однако их количество незначительно. Так, князю Расланбеку Айдемирову служили 20 узденей, Казбулатовым и Турловым – по десять. При этом некоторые уздени обладали большим влиянием, чем князья, которым они служили [20].

Не удивительно, что отношения между князьями и их чеченскими узденями приобретают все более напряженный характер – и многие уздени открыто отказываются подчиняться князьям.

Княжеская власть в Чеченском владении, как и во всей Чечне, все больше подрывается по мере усиления территориальных обществ. К середине XVIII в. Чеченское владение могло выставить до 2 тыс. ополченцев [21], а следовательно, у сельских обществ отпала необходимость в княжеской дружине для защиты своих интересов.

Феодальные отношения продолжают развиваться, но уже внутри самих сельских обществ, а старшины, добывающиеся наследственного характера своей власти, вступают в прямую конкуренцию со старой аристократией. По мере исламизации чеченского общества князья теряют и важную функцию отправления судопроизводства, которая переходит к сельским муллам и кадиям. При этом во главе многих чеченских селений и некоторых крупных обществ оказываются духовные лица, соединяющие в одном лице судебные и управленческие функции.

Таким образом, население Чеченского княжества больше не нуждалось в князьях в качестве управленцев, военных предводителей и третейских судей.

Потеряв всякую опору в собственных владениях, князья были вынуждены всецело полагаться на поддержку российских властей, на службе у которых они состояли изначально. Но и это не всегда помогало. Например, в 1732 г. ополчение численностью до 10 тыс. воинов, собравшееся в Чечен-ауле, разгромило направленный против него отряд полковника Коха. В ходе сражения погиб и князь Казбулат [22], на помощь которому, собственно, и были направлены российские войска.

В результате крупных антифеодальных выступлений, охвативших Чечню в 1757–1758 гг., князья Турловы, Хасбулатовы и Айдемировы утратили власть над большей частью своих чеченских владений. Примечательно, что многие селения (Герменчук, Шали, Алды), ранее подвластные им и вынужденные под прямым военным давлением российских властей согласиться на восстановление княжеской власти, призвали на княжение кабардинского князя Девлет-Гирея Черкасского, но с условием свободного пропуска по торговым делам «в город Кизляр, Аксайскую и протчие деревни» [23].

Таким образом, представители княжеской династии Турловых еще какое-то время «владели» отдельными селениями, но в 1783 г. они были вынуждены окончательно перебраться в Притеречную Чечню. Здесь оставшиеся князья Турловы основали новые селения на праве личной собственности, превратившись из владельцев-суверенов в довольно состоятельных помещиков российского типа. Об окончательной потере ими влияния в Чечне говорит тот факт, что в конце XVIII в. российские власти перестали брать у них аманатов – теперь их брали от аульской знати [24].

Таким образом, на верху социальной иерархии чеченского общества оказалась аульская знать, оттеснившая старую княжескую аристократию.

Примечания

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. I. Грозный, 2008. С. 164.
2. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 71–78.
3. Там же.
4. Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 9–23.
5. Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 866. Оп. 1. Д. 16.
6. Осмаев М. К. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историко-культурные аспекты проблемы). М., 2015. С. 36.
7. Демелханов С. М. Формирование институтов государственности у чеченцев в XVI – XIX вв. и их историческое значение в процессе становления национального единства // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: материалы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию автономии Чечни. Грозный, 2013. С. 46–51.
8. Тотоев Ф. В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века). Нальчик, 2009. С. 238.
9. Русско-чеченские отношения: сб. архив. документов. Грозный, 1997. С. 200.
10. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 72.
11. Тотоев Ф. В. Указ. соч.
12. Ахмадов Я. З. К внутриполитической обстановке в Чеченском феодальном владении первой половины XVIII века // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 37.
13. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 72.
14. Там же. С. 73.
15. Демелханов С. М. Указ. соч. С. 47.
16. История Чечни... С. 248.
17. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX века. М., 2006. С. 95.
18. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 72.
19. Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 43.
20. Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 268–269.
21. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 74.
22. История Чечни с древнейших времен до наших дней... Т. I. С. 377.
23. Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 37.
24. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 74.

Notes

1. Istoriya Chechni s drevnejshih vremen do nashih dnei – The history of Chechnya from ancient times to our days. Vol. I. Grozny. 2008. P. 164.
2. Aitberov T. M. Ahmadov YA. Z. Arhivnye dannye ob udel'noj sisteme v Chechenskom feodal'nom vladenii XVII–XVIII vv. [Archival data on the specific system in the Chechen feudal possession of the XVII – XVIII centuries] // Istochnikovedenie istorii dorevolucionnoj Checheno-Ingushetii – Source study of the history of pre-revolutionary Checheno-Ingushetia. Grozny. 1988. Pp. 71–78.
3. Ibid.
4. Isaeva T. A. Politicheskie vzaimootnosheniya Checheno-Ingushetii s Rossiej v konce XVI – pervoj polovine XVII v. [Political relations of Checheno-Ingushetia with Russia in the late XVI – first half of the XVII century] // Vzaimootnosheniya narodov Checheno-Ingushetii s Rossiej i narodami Kavkaza v XVI – nachale XX v. – Mutual relations of the peoples of Checheno-Ingushetia with Russia and the peoples of the Caucasus in the 16th – early 20th centuries. Grozny. 1981. Pp. 9–23.

5. Russian State Historical Archive (RGVIA). F. 866. Sh. 1. File 16.
6. Osmaev M. K. CHEchency: obychai, tradicii, obryady (istoriko-kul'turnye aspekty problemy) [Chechens: customs, traditions, rituals (historical and cultural aspects of the problem)]. M. 2015. P. 36.
7. Demelhanov S. M. Formirovanie institutov gosudarstvennosti u chechencev v XVI – XIX vv. i ih istoricheskoe znachenie v processe stanovleniya nacional'nogo edinstva [Formation of statehood institutions among Chechens in the 16th – 19th centuries and their historical significance in the process of formation of national unity] // Nacion-al'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v CHEchne: istoriya i sovremennost': materialy region. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu avtonomii CHEchni – National-State Building in Chechnya: History and Modernity. Materials of the regional scientific conference dedicated to the 90th anniversary of Chechnya's autonomy. Grozny. 2013. Pp. 46–51.
8. Totoev F. V. Obshchestvennyj stroj CHEchni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka) [The social structure of Chechnya (the second half of the XVIII – 40th years of the XIX century)]. Nalchik. 2009. P. 238.
9. Russko-chechenskie otnosheniya: sb. arhiv. Dokumentov – Russian – Chechen relations: coll. of archive documnts. Grozny. 2008. P. 164.
10. Ajtberov T. M. Ahmadov YA. Z. Arhivnye dannye ob udel'noj sisteme v CHEchenskom feodal'nom vladenii XVII–XVIII vv. [Archival data on the specific system in the Chechen feudal possession of the XVII – XVIII centuries] // Istochnikovedenie istorii dorevolucionnoj CHEcheno-Ingushetii – Source study of the history of pre-revolutionary Checheno-Ingushetia. Grozny. 1988. P. 72.
11. Totoyev F.V. Op. cit.
12. Ahmadov YA. Z. K vnutripoliticheskoy obstanovke v CHEchenskom feodal'nom vladenii pervoj poloviny XVIII veka [To the domestic political situation in the Chechen feudal ownership of the first half of the XVIII century] // Voprosy politicheskogo i ehkonomicheskogo razvitiya CHEcheno-Ingushetii (XVIII – nachalo XX veka) – Ques-tions of political and economic development of Chechen-Ingushetia (XVIII – early XX century). Grozny. 1986. P. 37.
13. Ajtberov T. M. Ahmadov YA. Z. Arhivnye dannye ob udel'noj sisteme v CHEchenskom feodal'nom vladenii XVII–XVIII vv. [Archival data on the specific system in the Chechen feudal possession of the XVII – XVIII centuries] // Istochnikovedenie istorii dorevolucionnoj CHEcheno-Ingushetii – Source study of the history of pre-revolutionary Checheno-Ingushetia. Grozny. 1988. – P. 72.
14. Ibid. P. 73.
15. Demelhanov S. M. Op. cit. P. 47.
16. Istoriya Chechni... – History of Chechnya. Grozny. 2008. P. 248.
17. Batchaev V. M. Balkariya v XV – nachale XIX veka [Balkaria in the XV – beginning of the XIX century]. M. 2006. P. 95.
18. Ajtberov T. M. Ahmadov YA. Z. Arhivnye dannye ob udel'noj sisteme v CHEchenskom feodal'nom vladenii XVII–XVIII vv [Archival data on the specific system in the Chechen feudal possession of the XVII – XVIII centuries] // Istochnikovedenie istorii dorevolucionnoj CHEcheno-Ingushetii – Source study of the history of pre-revolutionary Checheno-Ingushetia. Grozny. 1988. P. 72.
19. Ahmadov Ya. Z. Op. cit. P. 43.
20. Ahmadov YA. Z. Istoriya CHEchni s drevnejshih vremen do konca XVIII veka [The history of Chechnya from ancient times to the end of the XVIII century] M. 2001. Pp. 268–269.
21. Aitberov T. M. Ahmadov Ya. Z. Op.cit. P. 74.
22. Istoriya CHEchni s drevnejshih vremen do nashih dnei... – History of Chechnya from ancient times to the present day. Vol. I. Grozny. 2008. P.377.
23. Buzurtanov M. O., Vinogradov V. B., Umarov S. C. Na vechnye vremena [To the eternal Times] // Vekhi ed-instva – Milestones of Unity. Grozny. 1982. P. 37.
24. Aitberov TM, Ahmadov Ya.Z. Op. cit. P. 74.

УДК 002.2

Е. М. Дрогов

К вопросу о классификации гербовников

В статье рассматриваются вопросы определения и классификации гербовников как одного из важных видов источников и особой формы осмысления геральдических знаний. Несмотря на многовековой науч- ный интерес к гербовникам, до сих пор не выработаны общепринятые, не противоречивые подходы к клас- сификации этих важнейших геральдических источников, не определены границы понятия «гербовник». В настоящей статье проведён анализ и выявлены противоречия существующих классификаций с точки зре- ния книговедения. Впервые предлагается применить документологический подход к разработке класси- фикации гербовников, рассмотреть гербовник с точки зрения документа, что позволит комплексно подой- ти к этой категории источников. Учитывая широкую источниковедческую базу для исследования, пред- ставляется, что книговедческая характеристика документов должна быть одной из составных частей более широкой классификации, охватывающей как письменные, так и неписьменные, вещественные документы. Такой подход позволит создать принципиально новую классификацию гербовников.

The article discusses the issue of definition and classification of armorial as one of the important types of sources and special form of reflection of heraldic knowledge. Despite the centuries-old scientific interest in armorials, the generally accepted, non-contradictory approaches to the classification of these important heraldic sources have not yet been worked out, the boundaries of the notion of "armorial" have not been defined. In this article, the analysis and revealed the contradictions existing classifications from the point of view of bibliology. For the first time, are encouraged to apply documentology approach to the classification of armorials to consider the terms of the document that will allow a comprehensive approach to this source category. Given the wide source study for research, it seems that the bibliographic description of documents should be one of the components of a broader classification, covering both written and non-written material documents. This approach will create a fundamentally new classification of armorials.

Ключевые слова: гербовник, классификация гербовников, гербовник как документ, документологический подход.

Keywords: armorial, the classification of armorials, armorial as document, documentology approach.

Гербовники, или собрания гербов, появились, по имеющимся представлениям, уже в XIII в., то есть спустя несколько десятилетий после начала широкого распространения гербов. При этом обобщающее понятие «гербовник» возникло только в XVII в., а в России появилось в первой половине XVIII в., проделав значительную эволюцию.

Гербовник – не только способ подачи и распространения информации о гербах, но и специфическая форма осмысления геральдических знаний [1]. Всестороннее исследование гербовника как историко-культурного феномена является актуальным направлением в развитии истории [2].

Первостепенным теоретическим вопросам – терминологии и типологии – исследователи уделяют внимание с момента возникновения научного интереса к изучению гербовников, однако до настоящего времени не только не выработаны общепринятые, не противоречивые подходы к классификации этих важнейших геральдических источников, но и не определены границы понятия «гербовник».

Обыденное представление о гербовнике как о книге с рисунками гербов разбивается о то многообразие форм собраний гербов, которое являет нам художественная культура в исторической ретроспективе. Собрания блазонов (описаний) и (или) изображений гербов в виде свитков или кодексов; рукописные или опубликованные; в виде целых книг или отдельных статей в сборниках; как самостоятельные геральдические памятники или иллюстративные (и блазонные) вкрапления в другие литературные и нарративные произведения; подлинники или копии; оригиналы или переиздания – всё это многообразие суть объекты письменной культуры, и для внешнего анализа и характеристики таких источников могут быть привлечены книговедческие подходы (в том числе и относительно гербовника в электронном виде – на носителе или в Интернете).

Наличие огромного количества собраний гербов на вещественных объектах, в том числе объёмных, различных по материалу носителя, технике исполнения и т. д., неизбежно усложняет создание универсальной классификации. Вместе с тем, по справедливому мнению ряда исследователей, исключение подобного рода памятников, не являющихся кодексом или свитком (то есть «книгой»), из числа гербовников, не может дать полного представления о данной категории источников. Однако рассмотрение гербовников с позиций книговедения, тем не менее, будет естественным образом ограничивать предмет исследования.

Наиболее сложной задачей в связи с этим является само формулирование понятия «гербовник». Стремление избежать понятийной неопределённости рождает крайне лаконичное определение: «Гербовник – это собрание гербов или блазонов» [3], то есть изображений или описаний гербов, дающее возможность отнести к гербовникам очень широкий спектр памятников.

И наоборот, введение различного рода уточнений и дополнений в дефиницию приводит к неизбежному сужению категории, например:

«Гербовник – это собрание расположенных в определённой последовательности гербов (в форме рисунков и/или описаний), которое может сопровождаться объяснением их символики, генеалогическими, историческими, географическими, биографическими, юридическими или иными сведениями» [4].

При этом предполагается, что речь идёт, в основном, о гербовнике в виде книги-кодекса. Но как быть с комплексами гербов на ларцах и покрывалах, облачениях и столешницах, фасадах и интерьерах?

Стоит отметить, что подходов к определению природы и сущностных свойств книги в книговедческой научной литературе существует невероятно много. Феномен книги рассматривается исследователями с философской, книговедческой, культурологической, социологической, семио-

тической, феноменологической, аксиологической и других точек зрения. Многообразие подходов к изучению книги породило и множество её определений, ни одно из которых до сих пор не является исчерпывающим.

Если, в случае широкого толкования понятия «гербовник», предлагается не делать разницы между «классическими» и «вторичными» гербовниками, поскольку *«в любом случае – это собрание гербов или блазонов, доступное приёмам и методам работы с источником»* [5], то иная позиция сводится к тому, чтобы в отношении подобных источников термин «гербовник» *«употреблять осторожно и вдумчиво, избегая излишнего, неоправданного расширения сферы применения. В противном случае «гербовником» окажется, например, кладбище, поскольку на нём имеются надгробные памятники с гербами»* [6]. Однако автор последней позиции, оговариваясь, что в России, в отличие от зарубежной историографии, термин «гербовник» не используется в значении «собрания гербов, помещённых на вещественном памятнике, здании и т. д.», тут же признаёт, что теоретически препятствий для такого использования термина не существует [7].

Обращение к классификации гербовников в отечественном гербоведении достаточно редко. Автор первого научного труда по дисциплине А. Б. Лакиер при создании «Русской геральдики» (1855 г.) главным источником для своего труда называл тома «Общего гербовника дворянских родов», однако как целостный источник гербовник не рассматривал [8]. Ю. В. Арсеньев упомянул о русских гербовниках вскользь, в классификации источников поставил их только на четвёртое место [9]. Противоположную позицию занимал В. К. Лукомский, расценивая гербовники индикатором тенденций развития дисциплины [10]. Совсем простой, не отвечающий требованиям классификации, способ разделения гербовников на «официальные» и «неофициальные» предлагал И. В. Борисов [11].

В европейской историографии предлагались различные варианты классификации гербовников, однако традиционные подходы, по внешнему виду, как считает ряд исследователей, устарели к середине XX в. Наиболее практичной, как считает, в частности, А. П. Черных [12], является типология Э. Уагнера [13], основанная на характеристике содержания. В ней пять основных типов: гербовники «по случаю» (составленные к каким-либо событиям), институциональные (охватывающие членов какой-либо корпорации – профессиональной, религиозной или иной), всеобщие (применяющие территориальный принцип), систематизированные (распределяющие гербы иконографически, по фигурам) и «вторичные», или «маргинальные» (собрания гербов, вошедшие в литературные произведения или изображённые на вещественных источниках).

Из логики известно четыре главных требования к классификации чего бы то ни было:

1. Прежде всего классификация представляет собой последовательное деление объёма понятий по какому-либо одному основанию. Если деление проводится по разным основаниям одновременно, классификация нарушается, возникают противоречия и путаница.

2. Всякая классификация предполагает деление всего объёма понятия без остатка.

3. Также классификация должна быть не противоречивой, то есть члены деления должны взаимно исключать друг друга и не пересекаться ни в каком отношении.

4. Деление на подклассы должно быть непрерывным и последовательным в отношении ступеней деления, то есть должна быть исключена возможность отнесения одного объекта к двум и более группам, а также переход через ближайший подкласс в отдалённый.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что разделение гербовников Э. Уагнера не соответствует требованиям классификации. Как показывают работы Александра Петровича Черных, применение данной типологии на практике приводит к ряду затруднений, в частности отнесение того или иного гербовника сразу к нескольким типам [14], что свидетельствует о некоторой внутренней противоречивости данного подхода.

Из отечественных исследователей свою типологию гербовников предлагает О. Н. Наумов, критикуя при этом типологию Э. Уагнера. Автор предлагает классифицировать гербовники не линейно, по одному признаку, а аналитически, в соответствии с пятью параметрами:

- По составу гербовники можно разделить
 - 1) на универсальные (содержащие все виды гербов);
 - 2) содержащие два и более видов гербов;
 - 3) содержащие государственные гербы;
 - 4) содержащие территориальные гербы;
 - 5) содержащие корпоративные гербы;
 - 6) содержащие частные гербы.
- По географическому признаку гербовники можно разделить
 - 1) на общемировые;
 - 2) касающиеся нескольких стран;

- 3) касающиеся одной страны или какого-либо исторического региона;
- 4) касающиеся нескольких административно-территориальных единиц одной страны;
- 5) касающиеся одной административно-территориальной единицы.
- По составу использованных источников гербовники можно разделить
 - 1) на гомогенные;
 - 2) полигенные;
 - 3) латентные.
- По способу трансляции информации гербовники можно разделить
 - 1) на визуальные (рисунки с указанием владельца и даты утверждения или без таковых);
 - 2) визуальные с дополнительными генеалогическими, биографическими, географическими и иными сведениями;
 - 3) вербальные (описания гербов с указанием владельца и даты утверждения или без таковых);
 - 4) вербальные с дополнительными генеалогическими, биографическими, географическими и иными сведениями;
 - 4) визуально-вербальные (рисунки и описания гербов с указанием владельца и даты утверждения или без таковых);
 - 5) вербально-визуальные с дополнительными генеалогическими, биографическими, географическими и иными сведениями.
- По способу бытования гербовники можно разделить
 - 1) на архивные;
 - 2) публикацию архивных источников или вещественных памятников;
 - 3) печатные;
 - 4) стереотипные переиздания печатных гербовников;
 - 5) переиздания печатных гербовников с изменением структуры и/или дополнительным научно-справочным аппаратом;
 - 6) электронные;
 - 7) вещественные [15].

И хотя автор утверждает, что комплексного интегрированного «кодирования» гербовников по пяти предложенным аспектам достаточно, чтобы оценить информационные возможности и перспективы использования конкретного памятника, признать данный подход универсальным, охватывающим другие важные аспекты не представляется возможным. Вводя, всё-таки, в классификацию вещественные источники, О. Н. Наумов не предлагает разделение гербовников по виду источника (например, памятники законодательства и делопроизводства, надгробные памятники и т. д.), считая в этом случае тип источника (письменные или вещественные) несущественным. Автор указывает, что выбор наиболее существенных критериев привёл к отказу от таких, как признаки авторства (коллективный или индивидуальный) или независимости, согласно которому гербовники делились бы на самостоятельные и несамостоятельные (где гербы включены в текст иного источника), то есть «вторичные» в версии классификации Э. Уагнера. Таким образом, предлагаемая О. Н. Наумовым классификация не снимает всех трудностей предыдущих подходов, при этом порождает новые.

Некоторые противоречия при проведении границ понятия «гербовник», как одного из важнейших определений гербоведения, мог бы, на наш взгляд, разрешить подход к рассмотрению гербовника как документа с позиций документологии. Во многих дисциплинах сформировалось своё документоведение (термин больше известен из делопроизводства), однако своё документоведение есть и в геральдике: документом, изучаемым геральдикой, является герб. Документология, объединяя все вопросы документоведения, обосновывает самую широкую трактовку документа, характеризующегося как информация, закреплённая на материальном носителе.

Общие подходы к определению понятий «документ», «книга» в самом широком их значении были разработаны Полем Отле [16], который относил книгу к системе коммуникации и распространял это понятие на самый широкий круг объектов. Его взгляды были поддержаны как зарубежными [17], так и отечественными учёными (М. Н. Куфаев, Д. Ю. Теплов, О. П. Коршунов, Г. Н. Швецова-Водка и др.) [18], в трудах которых термин «книга» рассматривается в качестве синонима термина «документ». Здесь стоит заметить, что сегодня слово «документ» прочно вошло и в сферу библиографии, и в сферу книжного дела (поскольку действует федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов», необходимо определять, что является, например, предметом библиографического описания, и что подпадает под действие закона).

В трудах Ю. Н. Столярова, автора теории или даже метатеории документа, обосновывается необходимость самого широкого понимания термина «документ», который трактуется как **«информация, знаково зафиксированная искусственным образом на материальном носителе»**.

способная служить единицей одного семантического процесса» [19]. Автор определяет главные характеристики этого понятия: условность, относительность и конвенциональность – и в соответствии с этим выдвигает положение о том, что понятие «документ» может быть употреблено в субстанциональном и функциональном аспектах.

Это даёт возможность рассмотреть, например, книгу и как научную категорию, и как конкретный объект, участвующий в системе коммуникации.

В работах Ю. Н. Столярова исследованы вопросы, касающиеся общей структуры документа, дан анализ составляющих её компонентов и содержится вывод о том, что отличительные свойства того или иного документа зависят от семантического процесса, в котором он участвует [20]. Иными словами, один и тот же объект может быть документом, если он является источником информации, или не быть документом, если источником информации он не является.

Вернёмся к гербовникам. Рассмотрение гербовника как документа, на наш взгляд, позволит выйти в иную плоскость рассмотрения предмета. С точки зрения геральдики документом или предметом исследования (то есть источником, содержащим информацию для исследователя) является герб, собрание или комплекс гербов и т. д. Материал носителя в данном случае вторичен – то есть это может быть и лист бумаги, и листы, сшитые в кодекс, и потолочная роспись, и каменный фасад, и тканевое покрывало, и т. д. Однако в субстанциональном смысле материал носителя имеет значение, поэтому в типологию может быть введён более широкий признак, характеризующий вид источника по материалу носителя, тем самым охватывая классификацией широкий спектр «гербовников», как «самостоятельных», так и «несамостоятельных».

Особого рода проблемой является определение «первичности» и «вторичности» источника. В гербоведении, согласно классификации Э. Уагнера, гербовник может быть первичным («классическим») или «вторичным». Однако с точки зрения документологии «вторичным» называется документ, информационно обобщающий первичные документы. На примере с гербовниками: «Общий гербовник дворянских родов», содержащий изображения, блazoны гербов, а также дополнительную информацию, с этих позиций будет первичным документом, а перечень родов, имеющих гербы, – вторичным.

Однако даже в терминологии, предложенной Э. Уагнером, «вторичный» по сути гербовник (например, стеновая роспись), может оказаться первичным источником, представляя более публичную репрезентацию гербов обществу, что показывает в своей последней работе о «вторичных» гербовниках А. П. Черных [21]. Междисциплинарная двойственность терминологии, сущностная неточность термина «вторичный» может быть исправлена, если прибегнуть к подходу документологии.

С позиций теории документа, разработанной Ю. Н. Столяровым, гербовники можно было бы классифицировать по отношению к имманентности той информации, которую они содержат, к субъекту – её держателю. Если документ несёт информацию только о самом себе или она интересует нас с точки зрения получения информации о свойствах самого документа, то такой документ правомерно называть **аутентивным**, то есть свидетельствующим о самом себе, а не о чём-то внешнем по отношению к самому себе. Если документ сообщает о чем-либо внешнем по отношению к себе, он имеет статус **неаутентивного**.

Документы в документологии также различают:

- по достаточности содержащейся в нём информации – полноценный и неполноценный; полноценные документы могут быть самодостаточными и не самодостаточными (например, черно-белые изображения гербов с блазонами – самодостаточный, а контурные рисунки без блазонов и информации о цветовом решении – нет);
- по месту в пространстве и времени: стационарные и мобильные;
- документы могут быть плоскими или объёмными;
- в зависимости от законченности сообщения на носителе информации – дискретными и континуальными (например, условный гербовник городов Российской империи, уже не может быть пополнен – это дискретный документ, а гербовая составляющая государственного геральдического регистра современной России – гербовник континуальный). Как альтернативу данным терминам, введённым в научный оборот Ю. Н. Столяровым, можно предложить иную пару: например, продолжающийся гербовник и завершённый.

Как уже отмечалось выше, документ характеризуется двумя элементами – информацией и материальным носителем, между которыми существует теснейшая диалектическая связь. В связи с этим документы могут быть разделены как по материалу основы, носителя информации, так и по материалу (веществу и энергии) записи. Для подробной характеристики материалов могут быть введены дополнительные критерии.

Кроме номинативной, статусной, материальной составляющих, рассмотренных выше, существует разделение документов по целому ряду других составляющих – сигнативной («символьной»),

семантической («смысловой»), синтаксической («порядковой»), темпоральной («временной»), а также прагмативной (единственной составляющей, имеющей отношение не к самому документу, а к его бытованию во внешней среде, взаимоотношениям с внешними по отношению к нему факторами).

Предложенные составляющие для характеристики гербовников как вида документов не являются исчерпывающими. Для целей историко-книговедческого анализа гербовников набор критериев может быть дополнен или, наоборот, сокращён, когда речь идёт, например, о кодексах или отдельных статьях. Однако, учитывая широкую источниковедческую базу для исследования, книговедческая характеристика документов, на наш взгляд, должна быть одной из составных частей более широкой классификации, охватывающей как письменные, так и неписьменные, вещественные, документы. Такой подход позволит создать принципиально новую классификацию гербовников.

Нам представляется перспективным рассмотрение гербовника с точки зрения документа, что позволит комплексно подойти к этой категории источников и продвинуться в таких теоретических вопросах, как терминология и типология гербовников.

Примечания

1. Черных А. П. Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 69.
2. Наумов О. Н. Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Россия и проблемы зарубежной истории: Позднее Средневековье, новое и новейшее время. Ростов, 2003. С. 273–292; То же. URL: <http://www.gostmuseum.ru/Publications/Publication/849#prim>; То же // Наумов О. Н. Очерки по русской геральдике: избр. тр. М., 2014. С. 17–41; Наумов О. Н. Печатные гербовники как источник по истории отечественной геральдики // Книжная культура России: история и современность. Вып. 1. М., 2003. С. 102–124.
3. Черных А. П. Гербовники XIII века // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 93; То же // Геральдика сегодня. URL: <http://sovnet.geraldika.ru/print/20474>
4. Наумов О. Н. Гербовник // Новая российская энциклопедия. Т. 4 (2). М., 2008. С. 227.
5. Черных А. П. «Вторичные» гербовники с точки зрения источниковедения геральдики // Signum. Вып. 9. М., 2016. С. 30.
6. Наумов О. Н. Теоретические и методологические аспекты типологии гербовников // Гербоведение. Т. III. М., 2013. С. 13.
7. Там же.
8. Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 229.
9. Арсеньев Ю. В. Геральдика. Ковров, 1997. С. 122.
10. Лукомский В. К. О геральдическом искусстве в России // Старые годы. СПб., 1911. № 2. С. 5–35; Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика. Пг., 1915. С. 8–20.
11. Борисов И. В. Гербовые изображения в России XVIII – начала XX в. на документальных и вещественных памятниках. Проблемы идентификации и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 18; Он же. Источники о родовых гербах и гербовых учреждениях // Гербовед. 1997. № 16. С. 26; Он же. Родовые гербы России. М., 1997. С. 52.
12. Черных А. П. Гербовники XIII века // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 91.
13. Wagner R. A. A catalogue of English mediaeval rolls of arms (Aspillogia I). London: Society of Antiquaries, 1950. P. XIV.
14. См., напр.: Черных А. П. Гербовники XIV века. URL: <http://sovnet.geraldika.ru/print/24296>
15. Наумов О. Н. Теоретические и методологические аспекты типологии гербовников. С. 19–21.
16. Отле П. Библиотека, библиография, документация: избр. тр. пионера информатики / Рос. Гос. библиотека; пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского и др. М., 2004.
17. Briet S. Que est-ce que la documentation. Paris: EDIT, 1951. P. 7.
18. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004; Коршунов О. П. Исследования оснований общей теории библиографической (вторично-документальной) информации: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1976; Теплов Д. Ю. Библиографическая (вторичная) информация по технической литературе в СССР (вопросы истории, теории, методики): дис. ... д-ра пед. наук. М., 1969; Швецова-Водка Г. Н. Документ в свете ноокоммунологии: науч.-практ. пособие. М., 2010; Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009; Швецова-Водка Г. Н. Типология книги // Книга: исследования и материалы. М., 1983. Сб. 46. С. 40–60.
19. Столяров Ю. Н. Документология. Орёл, 2013.
20. Столяров Ю. Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная дисциплина: полный курс лекций для аспирантов и соискателей. Орёл, 2010; Столяров Ю. Н. Документология: учеб. пособие. Орёл, 2013.
21. Черных А. П. «Вторичные» гербовники с точки зрения источниковедения геральдики // Signum. Вып. 9. М., 2016. С. 28–29.

Notes

1. Chernyh A. P. Gera'l'dika [Heraldry] // Vvedeniye v spetsial'nye istoricheskie discipliny – Vvedeniye v spetsial'nyye istoricheskiye distsipliny – Introduction to special historical disciplines]. M. 1990. P. 69.
2. Naumov O. N. Aktual'nyye problemy izucheniya otechestvennykh gerbovnikov [Actual problems of studying Russian armorials] // Rossiya i problemy zarubezhnoy istorii: Pozdneye Srednevekov'ye, novoye i noveysheye

- vremya – Russia and problems of international history: Late Middle Ages, new and newest time. Rostov. 2003. Pp. 273–292; Also. Available at: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/849#prim>; Also. / Naumov O. N. Ocherki po russkoy geral'dike : izbrannyye trudy [Essays on Russian heraldry: selected works]. M. 2014. Pp. 17–41; Naumov O.N. Pechatnyye gerbovniki kak istochnik po istorii otechestvennoy geral'diki [Printed armorial bearings as a source on the history of domestic heraldry] // Knizhnaya kul'tura Rossii: istoriya i sovremennost' – Book culture of Russia: history and modernity. Iss. 1. M. 2003. Pp. 102–124.
3. Chernykh, A.P. Gerbovniki XIII veka [The armorials of the XIII century] // Sredniye veka – Middle Ages. Iss. 68 (2). M. 2007. P. 93; The same // Heraldry today [Electronic resource]. Available at: <http://sovet.geraldika.ru/print/20474>
4. Naumov, O.N. Gerbovnik [Armoial] // Novaya rossiyskaya entsiklopediya – New Russian encyclopedia. Vol. 4 (2). M. 2008. P. 227.
5. Chernykh, A.P. "Vtorichnyye" gerbovniki s tochki zreniya istochnikovedeniya geral'diki ["Secondary" armorials from the point of view of source study of heraldry] // Signum. Iss. 9. M. 2016. P. 30.
6. Naumov O. N. Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty tipologii gerbovnikov [Theoretical and methodological aspects of the typology of armorials] // Gerbovedeniye – The Heraldry. Iss. III. M. 2013. P. 13.
7. Ibid.
8. Luckier A.B. Russkaya geral'dika [Russian heraldry]. M. 1990. P. 229.
9. Arseniev, Yu.V. Geral'dika [Heraldry]. Kovrov. 1997. P. 122.
10. Lukomsky V. K. O geral'dicheskom khudozhestve v Rossii [On the Heraldic Art in Russia] // Staryye gody – The Old Years. Spb. 1911, № 2, pp. 5–35; Lukomsky V.K., Tipolt N. A. Russkaya geral'dika [Russian heraldry]. Pg. 1915, pp. 8–20.
11. Borisov I. V. Gerbovyie izobrazheniya v Rossii XVIII – nachala XX v. na dokumental'nykh i veshchestvennykh pamyatnikakh. Problemy identifikatsii i istochnikovedcheskogo analiza [Heraldry images in Russia XVIII – early XX century. On documentary and material monuments. Problems of identification and source analysis: abstract. dis. ... Candid. historical. sciences]. M. 1987. P. 18; He's the same. Istochniki o rodovykh gerbach i gerbovykh uchrezhdeniyakh [Sources of clan arms and armorial institutions] // Herboved – The heraldician. 1997, № 16, p. 26; He's the same. Rodovyye gerby Rossii [Russian family coat of arms]. M. 1997. P. 52.
12. Chernykh A.P. Gerbovniki XIII veka [The armorials of the XIII century] // Sredniye veka – Middle Ages. Iss. 68 (2). M. 2007. P. 91.
13. Wagner R. A. A catalogue of English mediaeval rolls of arms (Aspilogia I). London: Society of Antiquaries, 1950. P. XIV.
14. For example, Chernykh A. P. Gerbovniki XIV veka [The armorials of the XIV century]. Available at: <http://sovet.geraldika.ru/print/24296>
15. Naumov O. N. Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty tipologii gerbovnikov [Theoretical and methodological aspects of the typology of armorials]. Pp. 19–21.
16. Otle P. Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya: izbrannyye trudy pionera informatiki [Library, bibliography, documentation: selected works of the pioneer of computer science] / Ros. Gos. library. M. 2004.
17. Briet S. Que est-ce que la documentation. Paris: EDIT, 1951. P. 7.
18. Kufayev M. N. Problemy filosofii knigi. Kniga v protsesse obshcheniya [Problems of the philosophy of the book. The book is in the process of communication]. M. 2004; Korshunov O. P. Issledovaniya osnovaniy obshchey teorii bibliograficheskoy (vtorichno-dokumental'noy) informatsii: dis. ...d-ra ped. nauk [Studies of the foundations of the general theory of bibliographic (secondary-documentary) information: dis. ... dr. ped. sciences]. M. 1976; Teplov D. Yu. Bibliograficheskaya (vtorichnaya) informatsiya po tekhnicheskoy literature v SSSR (voprosy istorii, teorii, metodiki): dis. ...d-ra ped nauk [Bibliographic (secondary) information on technical literature in the USSR (questions of history, theory, methodology): dis. ... dr. ped. sciences]. M. 1969; Shvetsova-Vodka G. N. Dokument v svete nookommunikologii: nauchno-prakticheskoye posobiye [The document in the light of noocommunicology: a scientific and practical guide]. M. 2010; Shvetsova-Vodka G. N. Obshchaya teoriya dokumenta i knigi: uchebnoye posobiye [General theory of the document and the book: a tutorial]. M. Rybary; Kiev: Znanja. 2009; Shvetsova-Vodka G. N. Tipologiya knigi [Typology of the book] // Kniga: issledovaniya i materialy – The book: research and materials]. M. 1983. Sat. 46. Pp. 40–60.
19. Stolyarov Yu. N. Dokumentologiya [Documentology]. Oryol. 2013.
20. Stolyarov Yu. N. Bibliotekovedeniye, bibliografovedeniye i knigovedeniye kak yedinaya nauchnaya distsiplina. Polnyy kurs lektsiy dlya aspirantov i soiskateley [Library science, bibliography and bibliology as a unified scientific discipline. Full course of lectures for graduate students and applicants]. Oryol. 2010; Stolyarov Yu. N. Dokumentologiya : uchebnoye posobiye [Documentology: a study guide]. Oryol. 2013.
21. Chernykh A. P. "Vtorichnyye" gerbovniki s tochki zreniya istochnikovedeniya geral'diki ["Secondary" armorials from the point of view of source study of heraldry] // Signum. Iss. 9. M. 2016. Pp. 28–29.

Структура лирического субъекта древнегреческой лирики в свете теории коммуникаций

В статье рассматривается процесс формирования лирического «я» в творчестве поэтов Древней Греции с точки зрения теории художественной коммуникации. Определены преимущества избранной методологии. Выявлена специфика лирической коммуникации. Лирическая коммуникация определена как аксиологически значимая. Показана стадийность процесса формирования лирической индивидуальности в поэзии Древней Греции и изменение форм внетекстовой и внутритекстовой коммуникации в диахроническом аспекте. На фоне бытования традиционных ритуализированных форм архаической лирики выявлены первые признаки интериоризации лирического чувства и показана тенденция к построению имплицитного диалога автора и условных адресатов коммуникации. Проанализирована природа архаических инвокаций и характер их изменения в творчестве авторов различных периодов. Показаны черты нарождающейся авторефлексии как формы внутренней коммуникации.

The article deals with the process of formation of the lyric "I" in the works of the poets of Ancient Greece from the point of view of the theory of artistic communication. The advantages of the chosen methodology are determined. The specificity of lyrical communication is revealed. Lyrical communication is defined as axiologically significant. The stadiality of the process of formation of lyrical individuality in the poetry of Ancient Greece and the change in the forms of extra-text and inter-text communication in the diachronic aspect are shown. Against the background of traditional ritualized forms of archaic lyrics, the first signs of interiorization of lyrical feelings were revealed and the tendency to construct an implicit dialogue between the author and conditional recipients of communication was shown. The nature of archaic invocations and the nature of their changes in the work of authors of different periods are analyzed. The features of the emerging autoreflexion as a form of internal communication are shown.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя коммуникация, авторефлексия, лирический субъект, диалогизм, интериоризация эмоций.

Keywords: extra-text and intra-text communication, autoreflexion, lyrical subject, dialogism, interiorization of feelings.

Термин «коммуникация», имея вполне конкретное содержание на уровне логико-ориентированных наук (информационные технологии, лингвистика, социология, журналистика), становится часто предметом терминологических дебатов в философии, культурологии, психологии, а также в так называемых «образных» дисциплинах: искусствоведении, литературоведении, киноведении и т. п.

Понимая коммуникацию расширительно, теоретически можно говорить о диалоге личности с миром, а это всегда когнитивный процесс: общение с окружающей действительностью – это общение познавательное. Коммуникация-когниция обретает аксиологические параметры, поскольку личность принимает (воспринимает) то, что представляет для нее определенную ценность. Предлагая использовать коммуникативный подход в изучении художественного текста, мы стремимся осмыслить художественную коммуникацию как особый, ценностно ориентированный способ общения человека с самим собой и с «другим».

Кроме этого коммуникативистская методология позволяет прояснить эволюционные процессы в сознании авторов различных эпох, выявить стилевые доминанты творчества отдельных авторов, уточнить их мировоззренческие позиции.

Большинство исследователей лирического текста с позиций коммуникативистики отмечают внутреннюю диалогичность лирики как особого художественного феномена. «Лирическое произведение есть изображение бесконечного или общего в особенном», – утверждал Ф. Шеллинг. И далее немецкий романтик прямо говорит об имплицитном диалогизме лирики: «Диалог

по своей природе и предоставленный себе, тяготеет к лирике, ибо он преимущественно исходит из самосознания и направлен на самосознание» [1].

М. Бахтин пишет: «Лирика – это видение и слышание себя изнутри, эмоциональными глазами в эмоциональном голосе другого» [2]. Ученый называет этот феномен «ненамеренной диалогичностью» [3].

С. Бройтман указывает на то, что в лирике «субъект-субъектное напряжение создает концентрированную форму речеведения и взаимопроникновение двух голосов в слове» [4].

Имплицитный диалогизм лирики как феномен внутритекстовой коммуникации приводит к необходимости исследовать структуру лирического «я» в поэтическом тексте. В данной работе мы не ставим задачи полномасштабного рассмотрения этой сложной проблемы. Однако отмечаем с неизбежностью, что анализ структуры лирического субъекта подразумевает анализ диахронический. Характер познания мира и самопознания у лирического поэта определяется его принадлежностью к определенной поэтологической эпохе. Таким образом, анализ структуры лирического субъекта считаем целесообразным начать с архаической эпохи – с процесса становления лирического «я» в древнегреческой литературе.

В архаике коммуникативная функция лирики доминирует над аксиологической и художественной. Кроме того, именно лирика дает наиболее яркое представление о путях изменения структуры художественного сознания, и процесс этот напрямую связан с самоидентификацией личности и выстраиванием ею контактов с внешним миром в этом новом качестве. Считается, что лирика как род литературы формируется позднее эпоса, и это свидетельствует о парадигматическом сдвиге: из коллективного сознания начинает выделяться индивидуальное. Процесс этот длительный, и атавистические формы самоидентификации у лирических поэтов Древней Греции просматриваются очень отчетливо.

Привязанность ранних форм лирики к ритуалу обнаруживается в структуре поэтического высказывания. О. Фрейденберг приходит к выводу, что двумя устойчивыми формами архаических словесных актов являются «личный рассказ и словесный поединок» [5]. В словесном поединке, безусловно, легче усмотреть перспективу оформленного коммуникативного акта, однако не стоит упускать из виду то, что этот ритуализированный диалог может быть рассмотрен лишь как некая формальная структура, отсылающая слушателя к онтологическому агону – первичной бинарной оппозиции, структурирующей мир. Важен сам акт говорения (творящее слово) и оппозиция сторон. Это акт столкновения, предшествующий новому творению. В подобном «диалоге» наблюдается семантическая ослабленность (а иногда и опустошенность) слова. Классическую бинарность демонстрирует модель амебейного пения, характерная для фольклорной лирической песни. Образцом подобного диалога может служить следующая фольклорная песня.

Антема

– Где розы мои / Фиалки мои? / Где мой светлоокий месяц?

– Вот розы твои / Фиалки твои, / Вот твой светлоокий месяц [6].

В. И. Тюпа говорит о «перформативности» античной лирики, по сути, указывая на то качество архаического диалога поэта и слушателей, о котором говорила еще О. Фрейденберг: «Слушание есть активное действие, есть акт. Одна сторона произносит, другая слушает, внимает, молчит, но составляет часть общего акта поединка» [7]. «Перформативность» архаической лирики обеспечена тем, что даже при монологической экспликации подразумевается процесс активного слушания со стороны участников «перформанса», их непосредственная эмоциональная реакция на произносимое. Тюпа видит этот процесс так: «Дискурс лирический обращен к другим, к их внутренней речи, подобно тому, как танцор, входя в круг, своими телодвижениями приглашает окружающих присоединиться к его воодушевлению», обеспечивая «непосредственное действие словом» [8].

Без сомнения, на начальном этапе развития лирическое «я» исполнителя еще существенно подчинено ритуальной функции, и он выступает в роли медиатора между божественными силами и человеком. Его первичная неотделенность от «мы» – это и неотделенность от божественного универсума в целом, в котором поэту отведена роль шамана, рупора божественных идей. При этом, как отмечает В. Ярхо, «в Греции не существовало жречества как особого духовного сословия, уполномоченного вступать в контакт с божеством» [9], а значит, свое избранничество поэт осознавал как некую миссию, осуществляемую им на основании собственного выбора. Этот факт способствовал более быстрому выделению голоса поэта из традиционного «хора», а лирика становилась той художественной инстанцией, которая ускоряла процесс самоидентификации личности в условиях господства коллективного сознания.

Специфическая форма реализации лирического «я» находит отражение и в литературных текстах, где длительной традицией останется обязательная инвокация божественных сил. Такая особая адресованность будет иметь различные стадии: от магического призыва к божественным

силам о помощи, через необходимую верификацию произносимого поэтом (ср. «Зевс-свидетель»), до функции «общего места» в поздней лирике античности, где номинация станет чистой данью традиции.

Призывы к божеству с просьбой о защите и покровительстве и с обязательным указанием его сферы влияния мы видим преимущественно в гимнической поэзии. У Алкея находим: «Афина, дева браней, владычица» [10], «Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди» [11]; у Сапфо: «Радужно-престольная Афродита/Зевса дочь бессмертная, казнодейка» [12], «Ты, Киприда! Вы, нерейды-девы! / Братний парус правьте к отчизне милой» [13]; у Анакреонта: «Даруй приятную жизнь, / Майи божественный сын (Гермес)» [14]; у Пиндара: «Зевс-вершитель! Людям всем, что живут близ аменской струи, / Счастье вместе с владыками их / Дай в удел» [15]; у Феогнида: «Зевс, живущий в эфире, пусть держит над городом этим / К нашему благу всегда правую руку свою» [16]. Однако уже здесь функции этих ритуальных инвокаций варьируются, порой обращения смещаются со своего традиционного места в начале текста, сопрягаются с образами сильных земного мира, служат для выражения индивидуальной эмоции.

Ритуальные обращения к божествам – самый яркий пример неизжитости обрядовых представлений и ее форм в древнегреческой лирике. Однако уже развитие такого типа лирики, как элегия, в метрическом плане ещё тесно связанной с героическим эпосом, свидетельствует об изменении типа коммуникации в тексте. Если поэт как богами избранный посредник в фольклорной лирике еще разыгрывает перформанс, а остальные внимают ему со священным трепетом, то в поздней элегии, уже ориентированной на гражданскую тематику, диалогическая ситуация становится более явленной. Призывность, риторичность текстов гражданской элегии Тиртея или Солона, настойчивая увещательность гномической поэзии Феогнида предполагают большую вовлеченность слушателей в коммуникативный акт. Формальными маркерами активизации диалогического начала становятся прямые обращения к *собирательному* социальному слушателю («критяне», «бранники храбрые», «женщины, круг мой милый», «пловцы», «попутчики»), и использование побудительных грамматических форм («вдумайтесь, граждане», «глушите пламя», «дружней за дело, друзья», «все горожане сюда!»). О. Фрейденберг установила, что «в античности нет ни одного произведения, которое не было бы обращено к какому-либо лицу» [17]. Исследовательница связывает это со слабой вычлененностью лирического «я» из лирического «мы». Покажем, как этот всеобщий закон начинает утрачивать свою универсальность в процессе формирования авторского «я» древнегреческого поэта.

Наблюдения над формами адресации в древнегреческой лирике позволяют увидеть, как осуществляется поэтапное изменение форм этой специфической коммуникации: если в ранней лирике VII – начала VI в. отмечаем преимущественно гимническую традицию с классическим призывом к богу или богам, то уже во второй половине VI в. адресатом поэтических призывов становится собирательный социальный образ. Постепенно эта собирательность формируется в абстрактную персонифицированность, как, например, в поэзии Феогнида Мегарского. Образ юноши Кирна становится аналогом собирательного образа последователей и учеников поэта. При этом вероятность существования реального юноши Кирна почти не подлежит сомнению. Наличие такого постоянного адресата в лирике автора пока еще не говорит об углублении интимного качества лирики, подобного рода обращение служит назидательным целям и укладывается целиком в концепцию публичного слова, адресованного не «другому», а «другим». Автор по-прежнему выступает от лица некоего сообщества или от лица божественных сил, поскольку жизнь древних греков еще остается «школой сплоченности» [18].

Однако процесс самоидентификации автора и соответственно изменение типа внутритекстовой коммуникации идет своим чередом. В лирике аттического и особенно эллинистического периода все чаще появляются обращения к заведомо некоммуникабельным объектам: небесным светилам, явлениям природы, поэтическим творениям, предметам быта. Здесь следует с большой осторожностью говорить об этих явлениях как о формах зарождающейся автокоммуникации. Нет сомнения в том, что большинство природных объектов еще тесно связаны в сознании говорящего с образами богов, их атрибутами, местами ритуального поклонения («Ради них отступи, Аполлонова сень» – Пиндар [19]; «Вы, пещеры и холм, посвященный нимфам источник» – Леонид Тарентский [20]). Обращение к сердцу, душе, старости, юности («Сердце, сердце, грозным строем / Стали беды пред тобой» – Архилох [21]; «Сердце, берегись его» – Алкман [22]; «Радуйся жизни, душа!», «Сердце, спокойно терпи» – Феогнид [23]) также нельзя считать признаками начинающегося процесса интериоризации – это тоже во многом общие места. Но в эллинистический период уже можно наблюдать отрыв образов природных объектов, выступающих в роли лирических адресатов, от ритуальной пуповины и обретение ими самодостаточности, что приведет в дальнейшем к появлению в качестве адресата образа, фактически, *alter ego* поэта, эмоционально отра-

женного в окружающем мире («Непостоянное море, зачем от пустынного берега / В волны ты смыло меня, не перенесшего бед» – Леонид Тарентский [24]; «Соловей, провозвестник весны сладкогласой» – Сапфо [25]; «Тихо, венки мои, здесь / На двустворчатой двери висите» – Асклепиад Самосский [26]).

Отличительной особенностью становящегося «я» архаической поэзии является его точная локализация в реальном пространстве, «привязанность к определенной ситуации и обращенность к определенному адресату» [27]. Эта прямая соотнесенность с реальной действительностью – следствие неразвитости абстрактного мышления. Вся лирика архаического периода не только конкретно адресна (собираательный или отдельный адресат), но и обязательно обращена «вовне»: эксплицирована эмоция (внешняя симптоматика), эксплицирован диалог (разыгрывание диалога по аналогии с драматическим диалогом); эксплицитна ситуация (обязательное пояснение условий речевого акта, например: «Артемиде – Аттис», «Афродите – Калликлея» – Леонид Тарентский; «Оракул – Ясону» – Коринна).

«Специфика лирики в том, – пишет Л. Я. Гинзбург, – что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как его субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного элемента. При этом прямой разговор от имени лирического я ничуть не обязателен» [28]. Если исходить из такой структуры лирического субъекта, то в архаической лирике мы видим первые шаги по ее формированию. Перед нами стихотворение Сапфо «Пещера нимф» – редкий образец текста, сохранившегося полностью. Обратим внимание на то, как меняется функция пейзажа в тексте, – от фоновой, подчиненной изображению ритуального оформления явления божества, – к психологической.

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий ключ, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сонно
Томная дрема.

Там на луговине цветущей – стадо.
Веет ароматами трав весенних,
Сладостным дыханьем аниса, льется
Вздых медуницы.
Ты любила там пировать, Киприда,
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар – богов напиток
Благоуханный [29].

Сдвинутое к финалу обращение к Афродите также функционально меняется: это уже не традиционный призыв к божеству с просьбой о покровительстве; Сапфо словно приглашает богиню разделить с ней радость наслаждения красотой природы. Обращение приобретает более интимный характер, дистанция общения сокращается, а образ Киприды десакрализуется, словно приближается к образу земного собеседника, с которым Сапфо хочет поделиться переполняющей ее эмоцией.

Невозможно в полной мере согласиться с О. Фрейденберг, которая утверждала: «Себя самого – такого персонажа греческая лирика не знает» [30]. Действительно, в архаических лирических текстах есть только отдельные проявления признаков самоидентификации автора как целостной личности с определенными эмоциями и мировоззрением, однако эти проявления существуют. Так, исследователи В. Ярхо и Л. Поплавская усматривают в поэзии Архилоха ярко выраженную индивидуальность, что позволяет В. Ярхо говорить о наличии «лирического героя» в поэзии ямбографа. Л. Поплавская связывает эту индивидуализацию с оторванностью Архилоха от культа. «Архилоховское “я”, – пишет исследовательница, в элегиях в большей степени раскрывает индивидуальность поэта, потому что не имеет отношения к культовой сфере» [31]. Говоря о ранних греческих поэтах в целом, В. Ярхо пишет: «Не следует постулировать отсутствие в их творчестве индивидуального авторского начала» [32]. Анализ процесса формирования индивидуального лирического «я» с позиций художественной коммуникации позволяет увидеть не только когнитивную составляющую этого постепенного преобразования, но и оценить изменения в структуре лирического субъекта, которые указывают на сдвиги в самом характере художественного познания.

Итак, специфический коммуникативный код лирики начинает формироваться уже в архаике. Стадии этого процесса таковы: от эксплицированных, но семантически ненаполненных диалогических форм (ритуальный агон) – к формированию коллективного социального «мы» в каче-

стве адресата; далее – персонификация адресата, все еще мыслимого как некий субститут социальной или характерологической общности; появление заведомо некоммуникабельных адресатов как шаг в сторону авторефлексии и, наконец, первые попытки изображения внутренне переживаемых эмоций, усложнение структуры лирического «я» за счет ухода от ритуальности.

Процесс интериоризации лирической эмоции и его следствие – появление форм имплицитного диалога – в греческой лирике мы видим в самом зародыше. Неэксплицированный собеседник очень постепенно формируется как участник скрытого диалога, как потенциальный читатель и дистанцированный во времени собеседник. Медленный темп этого процесса связан во многом с условиями бытования ранней греческой лирики: она существовала преимущественно в устной форме, и преодолеть временную дистанцию между автором и читателем было сложно. Только с развитием письменного слова (а это, в лучшем случае, эпоха александрийской поэзии) начинает формироваться установка на диалог не «здесь и сейчас», а на разговор, развернутый во времени и пространстве, при этом статус собеседника обретает неизвестный абстрактный читатель текста, а не непосредственный участник реального события общения.

Становление имплицитной диалогической структуры лирического субъекта в древнегреческой лирике связано с радикальным изменением – постепенным осознанием пишущим эстетической функции художественного слова. Характер коммуникации в лирическом тексте закономерно меняется вслед за «перепрофилизацией» функции образа автора. Связанное с ритуальной основой или жанровой традицией авторство теряет свою актуальность, лирическое «я» эмансипируется и погружается в самого себя. Структура лирического субъекта усложняется; появляются первые признаки автокоммуникации. Автокоммуникативные обращения еще эксплицированы, неопосредованы и представляют собой прямые обращения к самому себе («Пей же, Асклепад! Что с тобой? К чему эти слезы?» [33]; ср. впоследствии у Катулла: «Катулл измученный, оставь свои бредни» [34]). Но уже достаточно скоро в поэзии Каллимаха и Феокрита можно будет найти пейзаж в его психологической или характерологической функции, то есть более сложную структуру лирического субъекта, о которой Л. Гинзбург писала: «Автор присутствует, но присутствует как лирическое отношение к вещам» [35]. Хор покидает пространство лирического героя, уходит за пределы текста, но остается в пространстве художественного произведения. Эти формы как раз и отражают феномен скрытого диалогизма лирики, которому предстоит в нормативную и индивидуально-творческую эпохи развиваться в самых разнообразных формах.

Проведенный анализ позволил увидеть, как уже в античной лирике берет начало процесс постепенной интериоризации коммуникативных процессов; как в ритуализированных формах архаических текстов прорастает новый тип взаимоотношений говорящих и слушающих, как этот эксплицированный диалог начинает уходить в глубь сознания автора, что подразумевает возможность формирования в будущем классической «ненамеренной диалогичности» (Бахтин), своеобразного отсроченного диалога, который и станет основой специфического коммуникативного кода лирики.

Изменение типа адресата (адресатов) в греческой лирике и одновременно идущий процесс интериоризации индивидуального чувства поэта указывают на начало становления художественной системы нового типа – уже освобождающейся от влияния внеэстетических факторов и формирующей самоценную художественную систему автора. Приоритет авторства над стилевыми и жанровыми параметрами художественного текста станет особенно очевидным только в конце нормативной эпохи, и это дает основания для рассмотрения эпохи романтизма как следующего парадигматического сдвига в системе лирической коммуникации.

Примечания

1. Шеллинг Ф. В. Й. *Философия искусства*. М.: Мысль, 1966. URL: <https://www.hse.ru>
2. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. URL: <http://narrativ.boom.ru/library.htm>
3. Бахтин М. М. *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. СПб.: Азбука, 2000. С. 316.
4. Бройтман С. Н. Из статей, написанных для словаря «Поэтика». URL: <http://CyberLeninka.ru>
5. Фрейдберг О. М. *Поэтика сюжета и жанра*. М.: Лабиринт, 1997. С. 126.
6. *Античная лирика* / пер. с древнегреч. и лат. Сер. ВСЛ. Т. 4. М.: Худож. лит., 1968. С. 31.
7. Фрейдберг О. М. *Миф и литература древности*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 106.
8. Тюпа В. И. *Перформативные основания лирики*. URL: <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/tyupa.pdf>
9. Ярхо В. Н. *Поэзия культового содружества: Сапфо и Алкей / Ранняя греческая лирика*. СПб.: Алтейя, 1999. С. 135.
10. *Античная лирика...* С. 38.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 55.

13. Там же. С. 67.
14. Там же. С. 77.
15. Там же. С. 99.
16. Там же. С. 158.
17. Фрейденоберг О. М. Поэтика сюжета и жанра... С. 198.
18. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 11.
19. Античная лирика... С. 94.
20. Леонид Тарентский в переводах Ю. Шульца, Л. Блуменау, О. Румера, С. П. Кондратьева, Д. Дашкова. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9236>
21. Античная лирика... С. 118.
22. Там же. С. 85.
23. Там же. С. 163.
24. Леонид Тарентский...
25. Сапфо. Лирика, лирика священная / пер. В. В. Вересаева. М.: Изд. дом «Летопись-М», 2000. С. 54.
26. Античная лирика... С. 231.
27. Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика // Древнегреческая литература: собр. тр. Сер. «Античное наследие». М.: Лабиринт, 2001. С. 172.
28. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 10.
29. Античная лирика... С. 57.
30. Фрейденоберг О. М. Поэтика сюжета и жанра... С. 43.
31. Поплавская Л. В. Миф и культ в легенде об Архилохе // Ранняя греческая лирика. СПб.: Алтейя, 1999. С. 94.
32. Ярхо В. Н. Поэзия культового содружества... С. 133.
33. Античная лирика... С. 243.
34. Там же. С. 358.
35. Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 53.

Notes

1. Shelling F. V. J. Filosofiya iskusstva [The philosophy of art]. M. Mysl. 1966. Available at: <https://www.hse.ru>
2. Bahtin M. M. EHstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskustvo. 1979. Available at: <http://narrativ.boom.ru/library.htm>
3. Bahtin M. M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero: To philosophical bases of the Humanities]. SPb. Azbuka. 2000. P. 316.
4. Brojtman S. N. Iz statej, napisannyh dlya slovary «Poehtika» [From articles written for the dictionary of "Poetics"]. Available at: <http://CyberLeninka.ru>
5. Frejdenberg O. M. Poehtika syuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre]. M. Labirint. 1997. P.126.
6. Antichnaya lirika – Antique lyrics / transl. from ancient Greek and Lat. Ser. AFL. Vol. 4. M. Khudozh. lit. 1968. P. 31.
7. Frejdenberg O. M. Mif i literatura drevnosti [Myth and literature of antiquity]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. 2008. P. 106.
8. Tyupa V. I. Performativnye osnovaniya liriki [Performative Foundation of the lyrics]. Available at: <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/tyupa.pdf>
9. YArho V. N. Poehziya kul'tovogo sodruzhestva: Sapfo i Alkej [Poetry of the cult of the Commonwealth: Sappho and Alcaeus] / Early Greek lyrics. SPb. Altaya. 1999. P. 135.
10. Antique lyrics... P. 38.
11. Ibid. P. 37.
12. Ibid. P. 55.
13. Ibid. P. 67.
14. Ibid. P. 77.
15. Ibid. P. 99.
16. Ibid. P. 158.
17. Frejdenberg O. M. Poehtika syuzheta i zhanra... [Poetics of plot and genre...] P. 198.
18. Gasparov M. L. Izbrannyye trudy. T. I. O poehtah [Selected works. Vol. I. About the poets]. M. "Russian culture Languages". 1997. P.11.
19. Antique lyrics... P. 94.
20. Leonid Tarentskiy in translations by Y. Schultz, L. Blumenau, O. Rumer, S. P. Kondratieff, D. Dashkov. Available at: <http://simposium.ru/ru/node/9236>
21. Antichnaya lirika... – Antique lyrics... P. 118.
22. Ibid. P. 85.
23. Ibid. P. 163.
24. Leonid Tarentskiy ...
25. Sapfo. Lira, lira svyashchennaya – Sappho. Lyre, lyre the holy / transl. V. V. Veresaev. M. Publ. house "Chronicle-M". 2000. P. 54.
26. Antichnaya lirika... – Antique lyrics... P. 231.
27. YArho V. N. EHpos. Rannyya lirika [Epic. Early lyrics] // Drevnegrecheskaya literatura: sobr. tr. Ser. «Antichnoe nasledie» – Ancient Greek literature: Coll. of works. Ser. "Antique heritage". M. Labirint. 2001. P. 172.

28. Ginzburg L. YA. O lirike [About the lyrics]. M. Intrada. 1997. P. 10.
29. Antique lyrics... P. 57.
30. Frejdenberg O. M. Poehtika syuzheta i zhanra... [Poetics of plot and genre...] P. 43.
31. Poplavskaya L. V. Mif i kul't v legende ob Arhilohe [Myth and cult in the legend of Archilochus] // Rannaya grecheskaya lirika – Early Greek lyrics. SPb. Altaya. 1999. P. 94.
32. YArho V. N. Poehziya kul'tovogo sodruzhestva... [Poetry of the cult of the Commonwealth...] P. 133.
33. Antichnaya lirika... – Antique lyrics... P. 243.
34. Ibid. P. 358.
35. Ginzburg L. YA. Op. cit. P. 53

УДК 81'366.58

Г. Ф. Лутфуллина, Г. А. Хайрутдинова

Явление панхронии в функционировании временных форм русского языка

Данная статья посвящена рассмотрению временных форм русского языка, реализующих панхроническое значение в соответствующих контекстуальных условиях. Вслед за А. В. Бондарко можно утверждать, что каждая временная форма накладывает свой отпечаток на выражение вневременности. Предикаты в форме *настоящего времени* реализуют панхроническое значение, выражая характеристику человека или представляя любые ситуации как текущий ход событий. В высказываниях с предикатом в форме *будущего несовершенного* речь идет о панхроничности модального значения предсказания. Обширность интервала, в течение которого сохраняется актуальность предсказания, является показателем его панхроничности. *Будущее совершенное* в реализации панхронического значения ближе к форме *настоящего времени*, так как будущее действие представлено как характеристика персонажа. Наречие *всегда* не гарантирует реализации панхронического значения.

This article is devoted to the consideration of Russian tenses, realizing the panchronic meaning in appropriate contextual conditions. Following A. V. Bondarko, it can be argued that each tense leaves its imprint on the expression of timelessness. Predicates in Present tense realize a panchronic meaning, expressing a characterization of a person or representing any situation as the current course of events. It is a question of the panchronicity of prediction modal value in utterances with a predicate in the form of Future imperfect tense. The vastness of the interval during which prediction is preserved actual is an indicator of its panchronicity. Future perfect tense in realization of panchronic meaning is closer to Present tense. Future action is represented as a characteristic of the character. The adverb *always* does not guarantee the realization of a panchronic meaning.

Ключевые слова: панхрония, временная форма, темпоральное значение.

Keywords: panchrony, temporal form, temporal meaning.

Панхрония как термин широко используется в лингвистике с разной степенью обобщения. Ключевое определение данного понятия заключается в следующем: «Рассмотрение лингвистических явлений как всеобщих (универсальных), вневременных, присущих человеческому языку вообще».

Термин «панхрон» применяется в интерпретации художественных текстов. Считается, что художественные тексты как темпорально-культурологические символы самостоятельно функционируют в панхронии, перемещаясь во времени и пространстве культуры, коррелируют с текстами, созданными в другие хронопериоды, выступают элементами широкого культурного контекста.

В. И. Поставалова, анализируя концепции В. Гумбольта, пишет, что «панхронизм выражается обычно с помощью таких понятий, как *всегда*, *вечно*, *искони*, которые связаны с разрешением проблемы релевантности времени для процедуры разрешения противоречий в диалектическом движении и переносимости классического диалектического метода в историческую науку, а также, что синтез есть наличная деятельность, всегда проходящая с каждой минутой» [1].

Согласно точке зрения Л. З. Сова растянутость временных границ перерастает в панхронизм. Она приводит в качестве примеров героев сказок, которые существуют всегда, т. е. находятся вне реального времени. Можно также говорить о панхронизме примет, пословиц, фразеологизмов [2].

На уровне прагматики И. П. Сусов различает окказиональное значение и панхроническое (вневременное) значение [3].

Интересную трактовку получает данный термин в теории темпоральности. Л. З. Сова, ссылаясь на панхронизм Ельмслева, отдельно выделяет такой тип высказываний, который может быть охарактеризован как «не-темпоральный, не-спатальный, в соответствии с которым языковые объекты абстрагируются от их развития во времени и локализации в пространстве» [4].

С. А. Борисова указывает, что речевые произведения реципиентов (проекции текста) формируются в одном из трех временных диапазонов: настоящего, прошедшего или будущего времени, как результат доминирования в процессе текстовой коммуникации одного из временных шифтеров и типологизируются следующим образом: синхрон (шифтер *теперь*), диахрон (шифтер *тогда*), футурохрон (шифтер *затем, после* (настоящего)). Возможен и четвертый вариант формирования темпоральных отношений для обозначения ситуации всевременности (шифтер *всегда*), которая может рассматриваться как частный случай реализации настоящего времени [5].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев считают, что «неоднозначными являются глагольные словесные формы настоящего времени: они могут выражать, по крайней мере, три различных значения; так называемое актуальное настоящее, узальное и панхроническое (вневременное, гномическое) «настоящее», фигурирующее в общих («генерических») суждениях [6].

Реализация значения вневременности связана с изречением «вечных истин», смысл которых сохраняется при функционировании разных временных форм. Э. Кошмидер указывает на «нейтрализацию» форм времени, наклонения, лица [7]. В данном случае можно говорить не о транспозиции временных форм из одного временного плана в другой, а об их нейтрализации.

А. В. Бондарко рассматривает понятие *вневременность* в рамках категории временной локализации как проявление ее отсутствия или временную нелокализованность. Временная обобщенность может быть определена как гномичность, «вневременность». «В данном типе временной нелокализованности, представленном в высказываниях типа сентенций, пословицах, суждениях о постоянных закономерностях, выявляется наивысшая степень генерализации» [8].

По мнению А. В. Бондарко, данная разновидность временной нелокализованности характерна для настоящего времени. Однако формы прошедшего и будущего времени также способны к выражению временной обобщенности, например в пословицах. А. В. Бондарко, в отличие от концепции нейтрализации темпорального значения Э. Кошмидера, считает, что каждая форма накладывает свой отпечаток на выражение временной обобщенности. Например, формы прошедшего времени представляют обычно происходящее как бы на примере одного уже совершившегося факта [9]. В высказываниях стандартного типа, в отличие от пословиц, чаще всего речь идет не о генерализации или панхронии, а о простой повторяемости.

В каждом конкретном языке существует ядерная, центральная зона выражения вневременности. В русском языке к центральной зоне реализации значения вневременности можно с достаточным основанием отнести высказывания с формами настоящего времени и будущего совершенного (будущего-настоящего). В рамках данной статьи на примерах высказываний с наречием *всегда* рассматриваются случаи реализации панхронического значения предикатами в формах настоящего и будущего времени русского языка. Наречие *всегда* является атемпоральным или биаксиальным, то есть не имеющим привязки к определенному временному моменту или интервалу [10]. Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

Настоящее время. В следующих предложениях *Люди часто ошибаются. Волга впадает в Каспийское море* речь идет о панхронических контекстах, то есть о ситуациях, которые не зависят от времени автора высказывания. Панхроническое значение присуще настоящему времени, которое из всех времён является наиболее универсальным и наименее маркированным. Форма настоящего времени представляет «общие истины» как актуальные для довольно обширного интервала времени.

(1) Он *всегда приходит* к тем, кого берут за покушение (Е. Чижов. Перевод с подстрочника); (2) Сказала, что Петр Петрович – очень хороший врач и *всегда приходит* животным на помощь (М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок); (3) Вместо мужских лиц на картинах появились юные и красивые женские головки, в прическах которых художники скрытно, но безжалостно изображали то, что *всегда приходит* на смену молодости (А. Калинин. Двудиккий Янус); (4) Если придет беда, мы можем уйти в горы. Беда *всегда приходит* с севера (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны) [11].

Примеры (1), (2) выражают характеристику человека. Возрастные изменения представлены как текущий ход событий без оттенка предсказания в примере (3). Пример (4) представляет собой заключение, сделанное на основе горького опыта, отражает реальный ход трагических событий.

Будущее время. Формы будущего времени сохраняют явный элемент смысла «так бывает всегда, так может быть и в будущем, непременно так и будет». Высказывание *Вода закипит при темпе-*

ратуре 100°C выражает общеизвестный факт, являющийся неопровержимой истиной в любой момент *будущего*. Временное значение формы в данном случае включает и сферу настоящего времени, момент речи, в результате чего данное значение можно трактовать как панхроническое.

(5) Согласно академическому фольклору, фундаментальные исследования вечны: *всегда будут* люди, которые просто не могут жить и не заниматься ими (С. Алексеев. Превращения цепей); (6) Пока наши хоккеисты этого не поймут, при игре в большинстве у нас *всегда будут* проблемы (А. Демин. Как бог на душу); (7) По всей видимости, на рынке *всегда будут присутствовать* бюджетные СМИ (Динозавры радиоэфира); (8) Заваривайте много чая, и ваши гости *всегда будут в восторге* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец) [12].

Будущее несовершенное позволяет предикатам выражать панхроническое значение. Однако скорее всего речь идет о панхроничности модального значения предсказания: предсказание, не теряющее свой актуальности, представлено в примере (5); предсказание, сохраняющее свою актуальность до выполнения заданного условия [(6)]; предсказание на основе наблюдаемых фактов и очевидных предпосылок в настоящем [(7)]. Обширность интервала, в течение которого сохраняется актуальность предсказания, является показателем его панхроничности. В примере представлено функционирование будущего времени в условных предложениях, но речь идет об условии особого типа, о всегда выполняемом условии [(8)].

(9) Маквала — редкий товарищ, *всегда придет* на выручку (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти); (10) Этот Герценштубе *всегда придет* и говорит, что ничего не может понять (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); (11) Она, дядя, *всегда придет* к вам в комнату, меня выгонит, а сама все что-то роется, роется... (А. П. Гайдар. Судьба барабанщика) [13].

Будущее совершенное в реализации панхронического значения ближе к форме настоящего времени. В примерах (9), (10) будущее действие представлено как характеристика персонажа. Пример (11) демонстрирует простую повторяемость, вследствие чего можно утверждать, что наречие *всегда* не гарантирует реализации панхронического значения.

Таким образом, вслед за А. В. Бондарко, можно утверждать, что каждая временная форма накладывает свой отпечаток на выражение вневременности. Предикаты в форме *настоящего времени* реализуют панхроническое значение, выражая характеристику человека или представляя любые ситуации как текущий ход событий. В высказываниях с предикатом в форме *будущего несовершенного* речь идет о панхроничности модального значения предсказания. Обширность интервала, в течение которого сохраняется актуальность предсказания, является показателем его панхроничности. *Будущее совершенное* в реализации панхронического значения ближе к форме настоящего времени, так как будущее действие представлено как характеристика персонажа. Наречие *всегда* не гарантирует реализации панхронического значения.

Примечания

1. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольта. М., 2003. С. 606.
2. Слова и словари: Сборник научных статей, посвященных профессору В. Д. Черняк / отв. ред. В. А. Ефремов. СПб., 2015. С. 78.
3. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница, 2009. С. 127.
4. Сова Л. З. Аналитическая лингвистика и типология. М., 2013. С. 219.
5. Борисова С. А. Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации // Филология. М., 1997. С. 145–149.
6. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация миран (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 78.
7. Кошмидер Э. Очерки науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Иностр. лит., 1962. С. 105–167.
8. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002. С. 458.
9. Там же. С. 458.
10. Лутфуллина Г. Ф., Назарова И. П. Репрезентация квазиперфектного значения формами будущего времени в английском и русском языках // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 292–302.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.03.17).
12. Там же.
13. Там же.

Notes

1. Postovalova V. I. Yazyk kak deyatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'ta [Language as activity. Experience in interpreting concepts of V. Humboldt]. M. 2003. P. 606.
2. Slova i slovari: Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyh professoru V. D. Chernyak – Words and dictionaries: Collection of scientific articles devoted to Professor V. D. Chernyak / ed. by V. A. Efremov. SPb. 2015. P. 78.

3. Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa. 2009. P. 127.
4. Sova L. Z. Analiticheskaya lingvistika i tipologiya [Analytical linguistics and typology]. M. 2013. P. 219.
5. Borisova S. A. Temporal'nost' kak smysloobrazuyushchij faktor v processe tekstovoj kommunikacii [Temporality as the meaning-making factor in the process of textual communication] // Filologiya – filology. M. 1997. Pp. 145–149.
6. Bulygina T. V., Shmelev A. D. YAzykovaya konceptualizaciya miran (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic conceptualization of miran (based on the Russian grammar)]. M. 1997. P. 78.
7. Koshmider E.H. Ocherki nauki o vidah pol'skogo glagola. Opyt sinteza [Essays on the science of Polish species of the verb. Experience of synthesis] // Voprosy glagol'nogo vida – Problems of verbal form. M. Inostr. lit. 1962. Pp. 105–167.
8. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: na materiale russkogo yazyka [Theory of meaning in the system of functional grammar: on the material of Russian language]. M. 2002. P. 458.
9. Ibid. P. 458.
10. Lutfullina G. F., Nazarova I. P. Reprezentaciya kvaziperfektного znacheniya formami budushchego vremeni v anglijskom i russkom yazykah [Representation of quasiperfect value by forms the future tense in English and Russian] // Kul'tura i civilizaciya – Culture and civilization. 2016, No. 1, pp. 292–302.
11. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka – National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.03.17).
12. Ibid.
13. Ibid.

УДК 81'42

А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева

Особенности репрезентации профессиональных знаний при помощи паремий в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями коммуникативного взаимодействия в бизнес-сообществах; тенденцией к общей деконвенционализации деловой и бизнес-коммуникации и свободному внедрению в научно-популярный деловой дискурс модифицированных паремий для реализации интенций и прагматических установок автора. С этой целью применяется комплекс методологических мер, совмещающий антропоцентрическую, функциональную и когнитивно-дискурсивную научные парадигмы исследования. Посредством проведения функционального анализа паремий и их концептуального структурирования авторы разделяют весь комплекс исследуемых единиц по структурному принципу на модифицированные и немодифицированные паремиологические единицы. С учетом их большего прагма-коммуникативного потенциала, подробному анализу подвергаются именно модифицированные паремии во всем многообразии их функционального диапазона. Делается вывод о необходимости использования паремий в произведениях научно-популярного делового дискурса как продуктивного приема реализации авторских интенций и выстраивания соответствующей прагматической направленности.

The article discusses the questions connected with the features of communicative interaction in business communities; a tendency to general deconventionalization of business communication and free implementation of the modified paroemias into a popular scientific business discourse for the sake of realization of the author's intensions and pragmatic orientations. For this purpose the complex of methodological measures combining anthropocentric, functional and cognitive-discursive scientific research paradigms is applied. By means of carrying out the functional analysis of paroemias and their conceptual structuring, authors divide all the complex of the investigated units by the structural principle into the modified and non-modified paroemiological units. Taking into account their bigger pragma-communicative potential, modified paroemias in all the variety of their functional range are exposed to the detailed analysis. The authors come to the conclusion that it the use of paroemias is essential for the works of popular scientific business discourse as a productive method of the author's intensions and pragmatic orientations realization.

Ключевые слова: научно-популярный деловой дискурс, паремия, репрезентация знаний, когнитивно-прагматическая трансформация, паремическая модификация, авторская интенция.

Keywords: popular scientific business discourse, paroemia, knowledge representation, cognitive-pragmatic transformation, paroemiological modification, author's intention.

Трансформация глубинных механизмов лингвистических исследований, обоснованная переходом от системно-структурной к занимающей в настоящее время центральное место антро-

поцентрической научной парадигме, задала принципиально новое направление развития лингвистических изысканий, в соответствии с которым человек как носитель определенного языка и представитель определенной культуры является «мерой всех вещей». Суть этого подхода заключается в том, что каждое языковое явление рассматривается в неразрывной связи с феноменом индивида [1].

В то же время важность функционализма в рамках современного языкознания сложно переоценить, о чем свидетельствует появление отдельной дисциплины – функциональной лингвистики как науки о языке в действии, основным принципом которой выступает язык как целенаправленная система средств выражения. Несмотря на наличие глубоких методологических корней в ряде философских работ, именно обращение функционализма как научной парадигмы, исследующей объект в его взаимодействии со средой, к антропоцентрическому фактору в языке дает возможность проведения анализа и оценки языка как объекта изучения с новых позиций, что приводит к видоизменению самой модели языка.

Обозначенная смена научно-исследовательской парадигмы в лингвистике и синтез функционального подхода с современными аспектами изучения языка приводят к тому, что функционализму задается вектор научно-исследовательского развития, напрямую связанный с анализом различных видов коммуникативной деятельности и учитывающий когнитивные процессы, психологические механизмы, коммуникативные стратегии, прагматические установки и общую эффективность коммуникативного взаимодействия.

Данная ситуация, по справедливому утверждению А. Э. Левицкого, находит отражение в объединении определенных аспектов функциональной лингвистики с такими перспективными направлениями лингвистической мысли, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, прагматическая лингвистика, теория языковой коммуникации. Подобная консолидация направлений исследовательской деятельности связана, по мнению ученого, с телеологической, динамической и каузальной ориентациями функционального подхода, в значительной степени обогащающими и верифицирующими любое лингвистическое исследование. «Следовательно, учитывая все вербальные операции мышления, памяти, знаний и опыта человека, осуществляется анализ речевой деятельности. Помимо этого, как раз благодаря функциональному подходу можно вывести на уровень познания когнитивной речевой деятельности когнитивную лингвистику» [2]. Данная точка зрения в очередной раз доказывает необходимость использования функционального подхода в рамках исследований языка и речи в русле антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигм знания.

Нельзя не отметить и еще одной стремительно развивающейся тенденции современной лингвистической науки, а именно: постоянно растущий исследовательский интерес к изучению и анализу вопросов, связанных с особенностями коммуникативного взаимодействия в профессиональных сообществах различного рода, в том числе и современного бизнес-сообщества. Данное обстоятельство продиктовано наблюдаемой в настоящее время интенсификацией развития и преобразования как геополитической, так и экономической сферы, всемирной интеграцией и вовлечением всего мирового сообщества в процесс профессиональной деловой коммуникации.

Современный этап развития и функционирования англоязычного делового общения характеризуется тенденцией к общей деконвенционализации деловой и бизнес-коммуникации [3], а также к более свободному внедрению в дискурс языковых средств и приемов, ранее считавшихся нехарактерными, явно противоречащими классическим стандартам, регламентирующим вербальное деловое взаимодействие [4]. Одним из подобных нестандартных языковых средств, которое еще 25 лет назад в деловом дискурсе являлось исключением, а сегодня достаточно частотное в различных жанрах делового дискурса, является паремия.

Анализ паремий, функционирующих в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе ("Financial Times", "Modern Business English", "The Economist", "ABC Business", "Washington Post", "Business Review", "Bloomberg Businessweek", "Harvard Business Review", "Forbes", "Fortune", "Business Week", "Harpers Magazine", "Entrepreneur"), и их концептуальное структурирование позволяют разделить весь комплекс исследуемых единиц по структурному принципу на две группы: немодифицированные (52,4% от общей выборки) и модифицированные (47,6%) паремиологические единицы. Как следует из самого названия, единицы первой группы представляют собой паремии, не претерпевающие в дискурсе никаких структурных изменений. Единицы же второй группы отличаются частичным или же полным изменением структурного состава, что непременно отражается и на семантической составляющей данного языкового знака.

Остановимся подробнее на особенностях функционирования в произведениях изучаемого вида дискурса модифицированных паремий, так как они обладают большим прагма-коммуникативным потенциалом и могут провоцировать появление ранее не обнаруженных функциональ-

ных свойств паремиологических единиц. Результаты проведенного анализа показывают, что одной из преобладающих модификаций паремий в научно-популярном деловом дискурсе является замена слова, как в следующем примере:

"Asheville, in North Carolina's Blue Ridge Mountains, is that strangest of vortexes, where hipsters and retirees actually adhere to an oft-spoken, rarely practiced, honor-infused concept: Think global, buy local. In the process, the South's most homegrown town – named Beer City USA for the third year in a row – has created and closed an economic loop" [5].

С точки зрения внутренней архитектоники данного дискурсивного отрывка, выделенная синтаксическая конструкция может быть классифицирована как классический пример использования и размещения в тексте паремиологической единицы (пунктуационное выделение – двоеточие, орфографическое – написание с заглавной буквы). Однако внешняя текстуальная стройность оказывается сопряжена со значительными смысловыми трансформациями. Приведенный пример демонстрирует изменение изначальной прагма-семантической установки посредством замены слова (*think global, act local* → *think global, buy local*). С помощью данного приема происходит семантическое выделение другой, нежели у изначальной паремии, смысловой нагрузки, что приводит к эмоциональному и смысловому переориентированию адресата.

Рассмотрим подробнее замену слова в структуре паремии на примере других произведений научно-популярного делового дискурса:

"In the case of Microsoft, familiarity breeds respect – or at least familiarity with its products. On almost every Microsoft question asked in the poll, the more that people used computers, the more pro-Microsoft their answers were. For example, among people who not only use computers but have installed software on their own, 78 percent had a favorable opinion of Microsoft compared with 55 percent of all those questioned for the poll" [6].

Как и ожидалось, замена слова в паремии (*familiarity breeds contempt* → *familiarity breeds respect*) приводит к прагма-коммуникативной трансформации всего текста. Однако масштаб этих изменений значительно отличается от предыдущего примера в сторону увеличения, так как модифицированная паремия в самом начале абзаца создает дедуктивный тип текстуального построения, и весь последующий текст, таким образом, объясняет интенции автора, заложенные в паремии. Также важно отметить, что замена в паремии слова с пейоративным значением (*contempt* [lat. "contemptus" – scorn] = the action of contemning or despising; the holding or treating as of little account, or as vile and worthless; the mental attitude in which a thing is so considered [7]) на слово с положительной коннотацией (*respect* [lat. "respectus" – regard, act of looking back (or often) at one] = a feeling of deep admiration for someone or something elicited by their abilities, qualities, or achievements [8]) провоцирует амелиорацию всей паремиологической единицы и с учетом дедуктивной структуры текста – всего текста научно-популярного делового дискурса.

Иными словами, происходит смена эмоционально-прагматической полярности паремии с отрицательной на положительную. Так, незначительное с точки зрения структурного построения изменение в паремиологической единице (замена слова) «запускает» цепную реакцию, усиливающую все ее функции, реализуемые в рамках определенного дискурсивного произведения [9]. В представленном примере это функции структурно-экспликационной организации дискурса, генерализации, эмоционально-семантического акцентирования, фатическая и стилистическая функции.

"The RR-US321 Is Mightier Than the Sword. No longer will great ideas be lost on the way from the brain to the page. Panasonic's RR-US321 digital voice recorder uses sophisticated new voice-recognition technology to transcribe spoken words into written text. A quick USB link from this feather-light device does the trick, and it stores as many as 396 sound files. One caveat: It takes a while for it to decipher your mumble" [10].

В данном случае замена слова (*the pen is mightier than the sword* → *the RR-US321 is mightier than the sword*) провоцирует не менее глубокие прагма-семантические изменения. Прочтение всего текста дает возможность констатировать, что создаваемый когнитивный эффект основывается на двухуровневой системе построения:

1-й уровень – исходная паремия "*the pen is mightier than the sword*" указывает на доминирующее положение предмета "pen" по отношению к "sword" [PEN → SWORD];

2-й уровень – рассматриваемая модифицированная паремия "*the RR-US321 is mightier than the sword*" выстраивает свою прагма-семантическую направленность не на апеллирование к слову "sword", а к замененному слову "pen" [RR-US321 ≡ SWORD → PEN].

Таким образом, создается усложненная референциальная понятийная система модифицированной паремии, создающая более комплексный эффект для реализации авторской стратегии.

Результаты анализа принципов модификации паремиологических единиц, функционирующих в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе, показывают, что в паремиологи-

ческих трансформациях наиболее широко употребительными являются именно приемы замены слова (19,3%); остальные приемы – усечение в виде синтаксической апокопы, прием добавления, приемы замены части и усечения в виде синтаксической аферезы, приемы диссолюции и компрессии – тоже характерны для научно-популярного дискурса, но не столь частотны. Все выделенные нами приемы детерминированы дискурсом, в рамках которого они актуализируются.

Подобное изучение модификаций английских паремиологических единиц, функционирующих в научно-популярном деловом дискурсе, дает нам право утверждать, что данное явление весьма распространено в современном английском языке. Подобные вариации замены или изменения компонентов паремий в научно-популярном деловом дискурсе позволяют сделать вывод о том, что данные модификации могут становиться одним из ресурсов обогащения паремиологического фонда английского языка в его научно-популярном деловом дискурсе и, таким образом, одним из приемов обогащения деловой профессионально-деловой картины мира.

В заключение нам бы хотелось подчеркнуть, что прагматические пресуппозиции англоязычного научно-популярного делового дискурса способствуют реализации большего прагма-коммуникативного и лингвостилистического потенциала паремиологических единиц, и, как следствие, изучение комплекса модифицированных паремий может установить наиболее продуктивные приемы паремической модификации, используемые автором для реализации своих интенций и прагматических установок.

Примечания

1. Звукова Е. Д. Когнитивный и антропоцентрический подходы в изучении паремийных образований, отображающих женское начало (по сборнику В. И. Даля «Пословицы русского народа») // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2010. № 3. С. 68–73.
2. Левицкий А. Э. Функциональный подход в современной лингвистике // Studia Linguistica. Київський університет. 2010. № 4. С. 31–38.
3. Храмченко Д. С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГИМО, 2014.
4. Багиян А. Ю., Аванесян Н. К. Коммуникативно-прагматические характеристики стандартных детерминологизированных единиц (на материале англоязычного научно-популярного дискурса) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 27–32.
5. Southern Living Magazine. 2011.
6. New York Times. 1998.
7. The Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/>
8. Там же.
9. Натхо О. И., Ширяева Т. А. Когнитивно-дискурсивные функции паремий в научно-популярном деловом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 2. С. 52–57.
10. Forbes Magazine. 2003.

Notes

1. Zvukova E. D. Kognitivnyy i antropotsentricheskyy podkhody v izuchenii paremiynykh obrazovaniy, otobrazhayushchikh zhenskoe nachalo (po sborniku V. I. Dallya "Poslovitsy russkogo naroda") [Cognitive and anthropocentric approaches in studying the paroemiological structures displaying the female principle (according to V. I. Dahl's "The proverbs of the Russian people")] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Herald of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2010, № 3, pp. 68–73.
2. Levitskiy A.E. Funktsional'nyy podkhod v sovremennoy lingvistike [Functional approach to contemporary linguistics] // Studia Linguistica. Kiev University. 2010, № 4, pp. 31–38.
3. Khranchenko D. S. Funktsional'no-pragmaticheskaya evolyutsiya angliyskogo delovogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk [Functional-pragmatic evolution of English business discourse: dis. ... Dr Philol. sciences]. M. MGIMO. 2014.
4. Bagiyana A. Yu., Avanesyan N. K. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki standartnykh determinologizirovannykh edinit (na materiale angloyazychnogo nauchno-populyarnogo diskursa) [Communicative and pragmatic characteristics of standard determinologization units (on the material of English popular scientific discourse)] // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. 2016, № 6, pp. 27–32.
5. Southern Living Magazine. 2011.
6. The New York Times Newspaper. 1998.
7. The Oxford English Dictionary. Available at: <http://www.oed.com/>
8. Ibid.
9. Natkho O. I., Shiryayeva T. A. Kognitivno-diskursivnye funktsii paremiy v nauchno-populyarnom delovom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Cognitive-discursive functions of proverbs in the scientific-popular business discourse (drawing on the English language material)] // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Pyatigorsk State Linguistic University Herald. 2016, № 2, pp. 52–57.
10. Forbes Magazine. 2003.

Место профильного иностранного языка в структуре компетенций специалиста в сфере внешнеэкономической деятельности

Статья рассматривает вопрос о значимости иностранного языка, а именно английского языка, в структуре компетенций экономиста как специалиста в сфере внешнеэкономической деятельности. Подчеркивается глобализация английского языка как единого коммуникативного средства общения. Авторы статьи исследуют проблему языковой профессиональной подготовки специалистов по внешнеэкономическим связям, акцентируя своё внимание на специфике развития у обучающихся неязыковых вузов всех видов речевой деятельности: чтения, говорения, аудирования, письма.

В статье приводится анализ традиционного содержания обучения иностранному языку в неязыковом вузе и выдвигаются свои методические принципы организации учебной деятельности обучающихся. Изучается понятие профессионально-ориентированного обучения английскому языку, связанного с приобретением коммуникативной компетенции определённого уровня. Авторы представляют структуру компетенций специалиста-экономиста и перечисляют его профессиональные умения и навыки.

The article examines the problem of foreign language (English) importance in the competence structure of an expert in the foreign economic activities. The authors of the article underline the global importance as the communicative means of communication. The authors research the question of the professional training of an economist as an expert in the field of foreign economic activities, paying special attention to developing of all kinds of speech activity while training students of non-linguistic high school: reading, speaking, listening and writing.

The article gives the analysis of the traditional contents of foreign language teaching in a non-linguistic high school, and the new methodical principles of the training process are suggested. The professional-oriented English teaching are researched connected with getting communicative competence of a definite level. The authors present the structure of competences of an economist and list his professional skills and abilities.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; компетенция; специалист; неязыковой вуз; студент; иностранный язык (ИЯ); английский язык.

Keywords: foreign economic activities, competence, expert, non-linguistic high school, student, foreign language, English.

На современном этапе развития социально-экономических отношений в России понятие «высококвалифицированный специалист», которого должен подготовить вуз, включает не только овладение определённой суммой знаний по тому или иному направлению. Наряду с наличием определённого общекультурного уровня оно предполагает творческую инициативу специалиста, умение эффективно использовать на практике как отечественный, так и зарубежный опыт. В особенности это относится к специалистам в области внешнеэкономической деятельности, для которых свободное владение иностранным языком (ИЯ) является необходимым условием успешной работы, предусматривающей наличие умений и навыков грамотно и результативно общаться для организации деловых отношений с возможным зарубежным партнёром.

Значимость ИЯ в сфере экономики повышается ещё и потому, что в настоящее время активно перестраивается система внешнеэкономической деятельности предприятий и создаются совместные коллективы учёных и специалистов. Поэтому владение ИЯ становится в настоящее время одним из условий профессиональной компетентности специалиста.

Известно, что английский язык в силу объективных условий (экономической, политической, идеологической экспансии англоязычного мира) стал неким единым коммуникативным средством общения.

Приведём некоторые данные, доказывающие, что английский язык сегодня становится глобальным (GlobalEnglish):

- для каждого пятого человека в мире языком общения является английский;
- свыше 70% учёных мира читают по-английски;
- около 85% всей мировой письменной корреспонденции ведётся на этом языке;
- 90% всей информации, заложенной в электронные системы, хранятся в памяти на английском языке [1].

Как известно, для того чтобы отечественные предприятия могли успешно сотрудничать с лучшими зарубежными фирмами, каждый квалифицированный специалист должен знать по зарубежным первоисточникам, что планируется странами-партнёрами в соответствующих областях экономики, науки и техники. Практика показала, что сегодня нужны не просто переводчики, в совершенстве владеющие деловым ИЯ, а специалисты, способные организовать совместную экономическую деятельность, используя ИЯ как эффективное орудие для установления и поддержания деловых контактов. Именно поэтому включение ИЯ в программу высшего образования – социальный заказ общества.

Обучение ИЯ в современном неязыковом вузе становится всё более профильно-ориентированным. В 70-х гг. XX в. книга «Communicative Syllabus Design» открыла новую эру в развитии теории и практики профильно-ориентированного обучения ИЯ [2]. В ней представлено описание процедур для выявления потребностей использования языка в естественных ситуациях общения – Communication Needs Processor, а также ценные сведения для практики по курсу профильно-ориентированного обучения английскому языку.

О. Г. Поляков под профильно-ориентированным обучением понимает «обучение, основанное на учёте потребностей учащегося в изучении ИЯ, диктуемых особенностями его будущей профессии или специальности... В этом видится его основное отличие от обучения для общеобразовательных целей» [3]. Всякое профильно-ориентированное обучение английскому языку призвано ответить на вопрос: Why does this learner need to learn a foreign language? (Зачем этому студенту изучать иностранный язык?) [4].

Специалист в сфере внешнеэкономической деятельности, в первую очередь, должен уметь практически пользоваться языком или, другими словами, он должен приобрести коммуникативную компетенцию определённого уровня [5].

Политические цели Совета Европы отразились на рекомендуемых им целях и методах обучения английскому языку. Во-первых, изучение иностранного языка должно не только содействовать тренировке ума, но и способствовать взаимопониманию и взаимообогащению народов. Во-вторых, процесс обучения должен быть направлен на овладение так называемым «пороговым уровнем» английского языка в сочетании с изучением культуры другой страны. Данное обстоятельство даёт возможность обеспечить высокую эффективность внешнеэкономического сотрудничества.

Исследуя проблему профессиональной подготовки специалистов в сфере внешнеэкономической деятельности, можно сделать вывод, что профильное обучение иностранному языку специалиста по внешнеэкономическим связям – это практические, а в отдельных случаях и доведённые до автоматизма действия по организации профессиональной экономической деятельности на иностранном языке: способность быстро составить план, программу и сценарий производственного мероприятия; способность сформулировать цели и задачи международного сотрудничества; способность организовать свою работу и работу вверенного коллектива; умение мотивировать свои действия и оплату труда подчинённых; умение оформлять международные сделки; знание основных видов документации; владение навыками делового общения на иностранном языке; способность анализировать и контролировать результаты труда. Система профессиональных умений и навыков экономиста по внешнеэкономическим связям включает следующие виды деятельности: организация и проведение деловых мероприятий; разработка и оформление деловой документации; деловое общение. Каждый из перечисленных видов деятельности экономиста подразумевает наличие у него соответствующих умений и навыков, показанных в таблице.

Структура компетенций специалиста в сфере внешнеэкономической деятельности

Виды профессиональной деятельности экономиста	Перечень компетенций специалиста с сфере ВЭ деятельности
1. Организация и проведение деловых мероприятий	– Умение анализировать ситуацию; – умение принимать ответственность за принятое решение на себя; – обязательность и пунктуальность в проведении мероприятия; – умение проявлять инициативу в решении важных дел; – умение изучить производственную ситуацию; – умение составить план действий, программу делового мероприятия; – умение подвести итоги делового сотрудничества
2. Разработка и оформление деловой документации	– Знание основных видов документов; – умение составить приказ; – умение составить протокол; – умение составить отчёт о деловом мероприятии; – умение составить смету расходов на проведение делового мероприятия; – умение подготовить контракт (договор) с деловым партнёром; – наличие навыков в сфере делопроизводства; – умение вести личную и деловую корреспонденцию

3. Деловое общение	– Умение устанавливать контакты с партнёром; – навыки ведения деловой беседы и переговоров; – уверенность в общении с партнёром; – умение использовать в речи специальную экономическую терминологию; – умение грамотно строить свои высказывания; – умение выбирать нужную информацию
--------------------	---

Для развития устной речи обучающиеся должны уметь выполнять различные коммуникативные роли (говорящего, слушающего, лидера, партнёра), делать сообщение на общественно-политические и профессиональные темы. Такая постановка конечных целей привела к их произвольной интерпретации. Поэтому на практике обучение устной речи часто сводится к выполнению грамматических упражнений в устной форме, заучиванию диалогов и текстов по специальной тематике.

При всей практической направленности обучения в неязыковом вузе цели обучения ИЯ имеют тройкий характер: практический, общеобразовательный и воспитательный. Очевидно, что специфические цели обучения ИЯ в неязыковом вузе подразумевают соответствующие изменения принципов и содержания обучения, а также используемых для преподавания методов, форм и приёмов.

Проанализируем традиционное содержание обучения ИЯ в вузе. Некоторые учёные считают, что обучение ИЯ в вузе выступает только как средство общения, реализуемое в речи (устной или письменной), и почти не уделяют внимания языку как средству выражения. Однако большинство учёных подробно рассматривают положение таких аспектов языка, как фонетика, орфография, грамматика и лексика [6]. В процессе обучения происходит систематизация правил и совершенствование произносительных навыков ограничивается фонематичностью произношения, т. е. уровнем, который обеспечивает понимаемость речи студента при чтении и устной речи.

Что касается грамматики, вузовский курс по сравнению со школой специфичен. Он подчинён практическим целям: научить студентов читать и говорить. Студент приходит в вуз, уже усвоив основные грамматические понятия. Традиционная программа предлагает следующий план в работе над грамматическим материалом: 1-й и 2-й семестры (I курс) посвящены систематизации, закреплению имеющихся школьных знаний и навыков.

В 3-м семестре происходит расширение грамматических навыков за счёт усвоения пассивного грамматического материала, необходимого для выработки у них рецептивных навыков (чтения и аудирования, т. е. восприятия зрительно и на слух уже готовых языковых компонентов). В 4-м семестре студенты почти не получают новых сведений по грамматике, они работают над общенаучными текстами или текстами специальной направленности.

В сложившемся вузовском курсе объём грамматических явлений, предназначенных для репродуктивного овладения, практически не превышает объём, усвоенный в школе. Внимание направлено в основном на то, чтобы автоматизировать употребление этих явлений в речи, включить в них новую специальную лексику.

Иначе обстоит дело с грамматическим материалом, предназначенным для рецептивного овладения. Студенты овладевают новыми для них грамматическими явлениями: сложными формами сказуемого, всеми формами глагольных конструкций, обособленными оборотами, инфинитивными группами, всеми видами придаточных и т. д. Студенты не только знакомятся с этими грамматическими явлениями, но и овладевают системой речевых действий и соответствующих операций для ориентации в сложных текстах.

Следующий аспект – лексика. К сожалению, методика работы над лексическим материалом в неязыковом вузе до сих пор опирается на «списки слов», которые студентам приходится заучивать в отрыве от реальной языковой практики. Обучение лексическому материалу происходит на основе школьной лексики, которая составляет активный запас слов для репродуктивного усвоения (200–300 единиц). В вузе эта лексика дополняется за счёт единиц, связанных с бытом студентов, материалов по страноведению и специальной терминологии. Пассивный запас слов при чтении специальной и общенаучной литературы составляет 1800–2000 единиц.

Говоря об обучении переводу в неязыковом вузе, следует отметить, что оно не является целью обучения, это лишь промежуточная вспомогательная задача: перевод при чтении сложных английских текстов помогает студентам понять все трудности при получении информации и избежать их, проверить точность понимания. Однако в практике обучения ИЯ в неязыковом вузе зачастую наблюдается перерасход учебного времени на работу над переводом. Это объясняется, по нашему мнению, доступностью этой формы обучения и сравнительно небольшими затратами усилий преподавателя на данный вид работы.

Проблема обучения чтению как процессу извлечения информации достаточно полно разработана отечественными и зарубежными учёными-методистами. На занятиях по ИЯ в процессе обучения чтению возможно формирование навыков и умений, которые конкретно указаны в квалификационных характеристиках специалиста, например экономист должен владеть «рациональными приёмами поиска и использования научно-технической информации» в своей практической деятельности.

Анализ специальной литературы показывает, что в своей профессиональной деятельности специалист с высшим образованием очень часто выступает не столько в качестве читателя, сколько в качестве потребителя информации [7]. Задача поиска и отбора информации может быть успешно решена на старшем этапе обучения ИЯ, так как её решение подготовлено работой, осуществляемой на младших курсах. Основной базой могут служить умения и навыки просмотрового, поискового, изучающего и ознакомительного чтения.

Обучение аудированию и говорению в неязыковом вузе имеет свои трудности:

- 1) недостаточно продуманная методика обучения этим видам речевой деятельности;
- 2) трудности в отборе необходимого учебного материала для зрительного восприятия;
- 3) двойственный характер тематического материала – общебытовой и по специальности;
- 4) недостаточное практическое владение языком преподавателей неязыковых вузов.

Все эти трудности создают иногда такие условия в вузах, при которых обучение видам речевой деятельности (говорение и аудирование) носит ярко выраженный формальный характер. Происходит примитивное заучивание текстов по темам, строго ограниченным программой, с последующей вопросно-ответной работой по их содержанию.

Какие же умения следует формировать в плане говорения? Во-первых, студент должен хорошо осознавать, с какой целью будет осуществляться данный вид коммуникации. Таких целей в неязыковом вузе может быть несколько:

- общение с преподавателем и товарищами по группе на ИЯ – устная аудиторная речь, необходимая для создания языковой атмосферы на занятии и умения активно ориентироваться в ней;
- умение вести «учебную беседу» на бытовые темы, предусмотренные программой, т. е. умение задать вопросы по этим темам и ответить на них;
- умение вести беседу по прочитанному тексту (общего содержания, бытовому и по специальности), т. е. составить самостоятельно вопросы и ответить на них, составить план и кратко изложить свои мысли по тексту, составить конспект на русском языке и уметь проговорить его по-английски;
- умение делать сообщения на ИЯ после прочтения нескольких источников в виде небольшого реферата.

Таким образом, высококвалифицированный специалист, прошедший языковую подготовку в вузе и усвоивший знания, предусмотренные профессионально-ориентированной программой, должен свободно общаться на английском языке для формирования деловых отношений с зарубежными партнёрами.

Примечания

1. *Council of Europe. Self-Directed Learning. Strasbourg, 1994.*
2. *Munby J. Communicative Syllabus Design. Cambridge University Press, 1978.*
3. Поляков О. Г. Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов: ТГУ, 2004. С. 6–7.
4. Поляков О. Г. Профильно-ориентированное обучение английскому языку // Иностранный язык в школе. 2004. № 2. С. 6–7.
5. Якокка Ли. Карьера менеджера / под ред. С. Ю. Медведкова; пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 3–9.
6. Бим И. Л. Система обучения иностранным языкам в средней школе и учебник как модель её реализации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1976.
7. *Общая методика преподавания иностранных языков в средних учебных заведениях: учеб.-метод. пособие / под ред. А. А. Миролюбова, А. В. Парахиной. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1984.*

Notes

1. *Council of Europe. Self-Directed Learning. Strasbourg, 1994.*
2. *Munby J. Communicative Syllabus Design. Cambridge University Press, 1978.*
3. Polyakov O. G. *Koncepciya profil'no-orientirovannogo obucheniya anglijskomu yazyku v vysshej shkole: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [The concept of special-oriented English teaching at higher school: dis. of Dr in Pedagogy] Tambov. TSU. 2004. 43 p.
4. Polyakov O. G. *Profil'no-orientirovannoe obuchenie anglijskomu yazyku* [The special-oriented English language teaching] // *Inostrannyj yazyk v shkole – Foreign Languages at school. 2004, № 2, pp. 6–7.*

5. YAkokka Li. Kar'era menedzhera [The career of a manager] / ed. S.U. Medvedkov / translated from English. M. Progress. 1991. Pp. 3-9

6. Bim I. L. Sistema obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole i uchebnik kak model' eyo realizacii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [The system of foreign language teaching in the secondary school and a textbook as a model of its realization: abstract dis. of Dr in Pedagogy] M. 1976.

7. Obshchaya metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov v srednih uchebnykh zavedeniyah: ucheb.-metod. posobie – The general methodology of foreign language teaching in secondary educational institutions: textbook / ed. A. A. Mirolubov, A. V. Parakhina. Ed. 2. M. Vyssh. shk. 1984.

УДК 81'243 (045)

Н. Б. Мухина, Н. В. Матвеева

Коммуникативные неудачи при реализации скрытой цели речевого действия англоязычного говорящего

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики, связанной с особенностями организации коммуникативного процесса. Авторы обращаются к анализу коммуникативных неудач, возникающих в речевой деятельности адресанта в ходе реализации скрытой цели. Под скрытой целью понимают цель, при реализации которой в содержательной структуре высказывания смысл не равен значению, так как высказывание может содержать не одно, а несколько смыслов, или за набором слов и грамматических конструкций содержится завуалированный смысл, что осложняет восприятие высказывания адресатом. При обращении к скрытой цели говорящий стремится неявно воздействовать на собеседника, но ряд причин мешает эффективности коммуникативного действия. Коммуникативные неудачи при реализации скрытой цели речевого действия англоязычного говорящего имеют место в связи с неадекватным определением адресантом параметров ситуации общения, связанных с ним самим, слушающим, их характеристиками и отношениями между ними, местом и временем общения, что соответствует демонстрации уровня коммуникативной компетенции субъекта речевого взаимодействия.

The article is devoted to one of the topical problems of modern linguistics connected with peculiar organization of a communicative process. The authors deal with the analysis of communicative failures based on the covert purpose functioning. A covert purpose is a purpose in the process of realization of which there is no meaning of the utterance equal to the meaning of the utterances it consists of. There can be several meanings, or behind the words and grammatical constructions there can be some additional meaning. This fact makes the utterance difficult for a listener to understand. When addressing to the covert purpose the speaker tries to affect the listener in an implicit way but a number of reasons prevent an effectiveness of the communicative activity. Communicative failures take place in the process of realization of a covert purpose of an English speaking addresser due to an inadequate perception of the parameters of speech situation, connected with the speaker himself, the addressee, their characteristics and relations between them, place and time of communication. These are used to display the level of communicative competence of the subject of speech activity.

Ключевые слова: говорящий, коммуникация, скрытая цель, коммуникативная неудача, ситуация общения, адресат, коммуникативная компетенция.

Keywords: speaker, communication, covert purpose, communicative failure, speech situation, addressee, communicative competence.

Цель статьи – рассмотреть возможные причины возникновения коммуникативных неудач в процессе реализации скрытой цели речевого действия говорящего на материале английского языка.

Одним из критериев, взятых за основу классификации цели, является способ её языкового выражения, в рамках которого рассматриваются явные и скрытые цели речевой деятельности адресанта. Противопоставление явного и скрытого не является новым для лингвистики. Так, в лексике противопоставляются прямые и переносные значения, в морфологии – прямой и косвенные падежи, в синтаксисе – прямое и косвенное дополнение, прямая и косвенная речь, в прагматике – прямые и косвенные речевые акты. «Прямота коммуникации – один из способов общего упорядочения мира. Эта проблема (главная как для гуманитарных, так для и естественных наук) в последнее время все больше привлекает внимание лингвистов» [1].

Одним из сложных (в теоретическом плане, так как в практическом он представляется всем говорящим чем-то само собой разумеющимся) и давно известных вопросов лингвистики является проблема имплицитного выражения мысли в языке, с которой непосредственно связан вопрос

о роли ситуации и контекста в речевой деятельности. Суть проблемы чётко и просто сформулирована ещё Н. Г. Чернышевским: «Дело в том, что мысль не вполне выражается словом – надобно подразумевать то, что не досказывается. Иначе люди научились бы из книг, а не из жизни и опыта» [2]. С другой стороны, можно представить себе, насколько громоздким было бы самое простое общение, если бы все элементы мысли выражались эксплицитно; в сложных случаях это вообще было бы невозможно.

В некоторых случаях текст речевого высказывания служит только для явного выражения значений тех или иных функций речевой деятельности. В общем же случае пропозициональная часть содержания высказывания включает ещё и дополнительную информацию, не сводимую только к маркировке конкретных значений его функций. Таким образом, содержание речевого высказывания делится на две части: собственно коммуникативную, определяемую маркировкой значений всех его функций, и экстракоммуникативную. Граница между этими частями весьма условна и зависит от типа языкового взаимодействия.

Структура содержания речевого высказывания хорошо видна при рассмотрении спектра реакций на данную деятельность, поскольку реакция партнера может быть направлена на любой компонент передаваемой информации, в том числе на пропозициональное значение высказывания; его семантические пресуппозиции; значение любой из функций высказывания; прагматические и коммуникативные пресуппозиции, связываемые со значениями этих функций; прочие компоненты информационного содержания этих функций.

О двойственной структуре высказывания с целью выявления его истинности говорил Хабермас, считая, что внутреннюю структуру высказывания образует ориентация на универсально значимые претензии (истину, правильность, понятность, правдивость), а также что высказыванию «сущностно присуща ориентация на вещи». Именно в силу этих свойств высказываний разговор способен установить внутреннюю связь между смыслом и истинностью сказанного [3].

В основе скрытой цели лежит целый ряд речевых явлений, при интерпретации которых знания одних лишь правил языка недостаточно. Явление «скрытой» цели рассматривается как противоположное нашему пониманию явной цели, а именно, скрытая цель – та, при реализации которой в содержательной структуре высказывания смысл не равен значению, так как высказывание может содержать не одно, а несколько смыслов, или за набором слов и грамматических конструкций содержится завуалированный смысл, что осложняет восприятие высказывания адресатом.

Цель ставится инициатором общения, а осуществляет ее замысел, как правило, адресат. Именно коммуникативная лингвистика через филологическую герменевтику установила, что при общении партнеры имеют либо коммуникативный успех, либо коммуникативную неудачу вплоть до провала из-за недопонимания друг друга. Под коммуникативными неудачами принято понимать случаи полного или частичного непонимания партнерами друг друга, случаи нереализации или неполной реализации коммуникативной цели говорящего. Данному вопросу посвящено достаточное количество исследований. Если успешным считать такой диалог, когда осуществляется цель говорящего и собеседниками достигается согласие [4], то речевая (коммуникативная) неудача – это отрицательный результат общения, недостижение говорящим собственной интенции (Б. Ю. Городецкий, О. Н. Ермакова, Е. А. Земская, М. Н. Смирнова, И. А. Стернин, Е. К. Теплякова); возникший в процессе общения незапланированный негативный эмоциональный эффект (О. Н. Ермакова, Е. А. Земская), сбой в общении из-за полного или частичного непонимания коммуникативными партнерами вербализованного сообщения (Л. Л. Славова) и т. д.

Довольно часто коммуникативные неудачи возникают вследствие попытки реализации говорящим скрытой цели высказывания. Завуалированность цели не всегда является эффективным приемом достижения результата из-за несоблюдения говорящим некоторых условий ситуации общения или разным уровнем коммуникативной компетенции собеседников. С этой точки зрения вполне закономерен интерес к тем условиям, которые представляют собой препятствия на пути успешного достижения желаемого результата в свете реализации скрытой цели высказывания адресанта. Значительную долю среди коммуникативных неудач составляют те, которые порождены неправильным определением адресантом ситуативных условий общения. Напомним, что к компонентам ситуации общения принято относить говорящего и слушающего со всеми их характеристиками, отношения между ними, место, время, и предмет общения. Следовательно, представляется возможным говорить о типологии коммуникативных неудач, основанных на реализации скрытой цели говорящего.

Коммуникативная неудача может возникать при реализации скрытой цели в связи

– с неправильным распознаванием говорящим временного фактора в условиях реализации социально-этикетных норм общения. Далее в примере молодой человек поздно ночью (*crazy god-dam hour*) звонит незнакомой ему девушке с целью пригласить ее на свидание. В результате де-

вущка сердится (*Who's calling me up at this crazy goddam hour?*) и не дает ответа на поставленный вопрос, а переносит акцент беседы на совершенно другие факторы (*What's your name, may I ask?*):

E.g. – *Is this Miss Faith Cavendish? – Who's this? she said. – Who's calling me up at this crazy goddam hour? – Would you be interested in meeting for a cocktail somewhere? – By any chance, do you have any idea what time it is? What's your name, may I ask?... [5];*

– неправильным распознаванием говорящим условий протекания беседы, в частности им не учитываются дистантные характеристики собеседников (*a hundred yards behind them*). Говорящего постигла коммуникативная неудача, так как на его призыв не прозвучало ответа:

E.g. *One sees a good many funny incidents up the river in connection with towing. One of the most common is the sight of a couple of towers, walking briskly along, deep in an animated discussion, while the man in the boat, a hundred yards behind them, is vainly shrieking to them to stop, and making frantic signs of distress with a scull. <...> – Hi! Stop a minute, will you? I've dropped my hat overboard. Then: – Hi! Tom – Dick? Can't you hear? – Hi! Confound you, you dunder-headed idiots! Hi! Stop! Oh, you – ? [6];*

– неправильным определением психологического состояния адресата (*aloof, ice, supercilious air*) на момент вступления в контакт:

E.g. *It was now she who had the aloof, ice, supercilious air. An impulse to sit down on the sand beside her left him abruptly. He stood still, stiff and awkward. – I haven't seen a sign of Heidi or the children either. – What a ghastly disappointment for you [7];*

– неправильным определением говорящим объема тезаурусных знаний адресата. Так, в следующем примере говорящий, передавая сообщение по телефону, не знает того, что собеседник не располагает сведениями о заказанном его женой на день рождения его сына торте (*I don't know anything about a cake*):

E.g. (1) – *There's a cake here that wasn't picked up, – the voice on the other end of the line said. – What are you saying? Howard asked. – A cake, – he voice said. – A sixteen-dollar cake. – Howard held the receiver against his ear, trying to understand: – I don't know anything about a cake, – he said. – Jesus, what are you talking about? [8];*

E.g. (2) *Mrs. Ellis' s laughing as Joan comes in. Arnie has taken a comic from his pocket and propped it on the mantelpiece to read aloud. Joan looks at them both, then goes to the mirror, and takes off her coat. Arnie (reading like a child): G-g-g-gooooood-ness g-g-g-gra-gra-gracious! Ssss-ssss-ssssaid th-th-th-the F-ffff-Fff-Fairy Qu-Qu-Qu-Queen. Joan: That girl's followed you from school again. I suppose you realize [9] – в данной ситуации говорящий приглашает адресата вступить в игру, не зная того, что адресат (его супруга) встретила девушку, которая следовала за говорящим до его дома, и это ей не понравилось (*I suppose you realize*);*

– неправильным определением говорящим уровня социокультурной компетенции адресата, что связано с различиями в возрасте и воспитании, социальном статусе и социальных ролей собеседников:

E.g. (1) – *How's your mother, Holden? – She's fine, thanks. I haven't seen her too recently. But the last I... – Darling, if Holden needs anything, everything's in the linen closet... [10] – говорящий интересуется здоровьем матери собеседника просто из-за необходимости соблюдения этикетных правил поддержания беседы хозяйки с гостем;*

E.g. (2) *Good-morning, – said Ellen brightly. – I called to tell you that my clock has stopped – Wah? – This is Ellen Webster, said Ellen still brightly. – I called to tell you that my clock has stopped – Wah? – and I wonder if you could tell me what time it is? [11] – недостижение цели сопряжено с употреблением лексических единиц, выражающих возмущение адресанта (*said Ellen brightly said Ellen still brightly*);*

E.g. (3) – *Hey, listen. You know those ducks in hat lagoon right near Central Park South? That little lake? By any chance, do you happen to know where they go, the ducks, when it gets all frozen over? – What're ya tryna do, bud? Kid me? [12] – говорящий предстает как воспитанный молодой человек, вежливо задающий вопрос по интересующему его предмету (*By any chance, do you happen*), а речь его собеседника способствует пониманию того, что они принадлежат разному социальному уровню (*What're ya tryna do, bud*);*

– незнанием говорящим условий протекания беседы: женщина перепутала машину и вместо своей села в чужую, при этом используя имплицитное высказывание при вступлении в контакт со своим, как она думала, мужем, и очень удивилась, не получив обратной реакции:

E.g. *"Whew!" I exclaimed, shaking my hair. "It's wet out there". Imagine my surprise when I looked over and saw a man I did not know sitting in the driver's seat and staring at me. <...> I must have been a little in shock, because it took a while for it to sink in: I was in the wrong van [13].*

Не всегда коммуникативные неудачи связаны только с неправильным определением говорящим ситуативных условий реализации скрытой цели высказывания. Нижеследующие приме-

ры являются ярким доказательством того, что коммуникация может потерпеть неудачу из-за факторов, напрямую связанных с адресатом. В таких случаях именно адресат берет на себя ответственность за «недостижение» поставленной говорящим цели, перехватывая при этом инициативу хода ведения беседы:

E.g. (1) *Pamela: It's too cold to think in French, Walter. Walter: Very well. I'll light the fire* [14] – в данном случае адресат дает понять, что он понял желание говорящего, но не хочет или не может ему подчиниться.

E.g. (2) – *I've read this same sentence about twenty times since you came in. – Think they'll make you pay for 'em? – Anybody else except Ackley would've taken the goddamn hint. Not him though* [15].

В целом, речевая деятельность говорящего, как правило, направлена на получение конкретного результата. Успех коммуникативного действия связывается с изменениями в речевом/неречевом поведении собеседника. Одна из ключевых проблем коммуникации – проблема адекватного восприятия передаваемой информации и, следовательно, результативности коммуникативного процесса. Сообщение, передаваемое адресантом, преодолевает многочисленные коммуникативные препятствия. В результате оно может быть принято не полностью, в искаженном виде или не принято вообще. Факторами, ограничивающими эффективность коммуникации, являются как внешние условия общения, так и сам говорящий – главное лицо речевого взаимодействия. В целях избежания коммуникативных неудач говорящему следует уделять внимание совершенствованию практических навыков определения параметров ситуации общения, личностных характеристик адресата, места и времени ведения разговора, т. е. расширять уровень собственной коммуникативной компетенции.

Примечания

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
2. Чернышевский Н. Г. Избранные труды. М.: Просвещение, 1966. 618 с.
3. Соболева М. Е. Интенциональность – коммуникация – язык. Проблема последовательности // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 132–146.
4. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 18–36.
5. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. М.: Progress Publishers, 1979. P. 82.
6. Jerome K. J. Three Men in a Boat. М., 2000. P. 129.
7. Bates H. E. How Vainly men Themselves Amaze // Новикова И. А., Петрова Н. Ю., Давиденко Т. Г. Практикум к курсу английского языка: IV курс. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. С. 70.
8. Carver R. A Small, Good Thing // What is the English we read: универсальная хрестоматия текстов на английском языке. М.: ТК «Велби»: Изд-во «Проспект», 2003. С. 247.
9. Storey D. The Restoration of Arnold Middleton // Современный английский театр: сб. / сост. Ю. Г. Фридштейн; на англ. яз. М.: Радуга, 1984. С. 174.
10. Salinger J. D. Op. cit. P. 188.
11. Jackson Sh. About Two Nice People // What is the English we read: универсальная хрестоматия текстов на английском языке. М.: ТК «Велби»: Изд-во «Проспект», 2003. С. 422.
12. Salinger J. D. Op. cit. P. 78.
13. Roy D. CarMa // Humor for a Mom's Heart: stories, quips, and quotes to lift the heart. 2002. P. 210.
14. Shaffer P. Five Finger Exercise // Современный английский театр: сб. / сост. Ю. Г. Фридштейн; на англ. яз. М.: Радуга, 1984. С. 49.
15. Salinger J. D. Op. cit. P. 44.

Notes

1. Dement'ev V. V. Nepryamaya kommunikaciya [Indirect communication]. M. Gnosis. 2006.
2. Chernyshevskij N. G. Izbrannye trudy [Selected works]. M. Prosveshcheniye. 1966.
3. Soboleva M. E. Intencional'nost' – kommunikaciya – yazyk. Problema posledovatel'nosti [Intentionality – communication – language. The problem of sequence] // Voprosy filosofii – Questions of philosophy. 2005, No. 1, pp. 132–146.
4. Leont'ev A. A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii kommunikacii [Saying as the subject of linguistics, psycholinguistics and theory of communication] // Sintaksis teksta – Syntax of the text. M. 1979. Pp. 18–36.
5. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M. Progress Publishers, 1979. P. 82.
6. Jerome K. J. Three Men in a Boat. M., 2000. P. 129.
7. Bates H. E. How Vainly men Themselves Amaze // Novikova I. A., Petrova N. J., Davidenko T. H. Praktikum k kursu anglijskogo yazyka: 4 kurs – Workshop for English course: 4 course. M. Humanit. ed. center VLADOS. 2002. P. 70.
8. Carver R. A Small, Good Thing // What is the English we read: Universal anthology of texts in English. M. TK Velbi, Publishing house Prospect. 2003. P. 247.

9. Storey D. The Restoration of Arnold Middleton // Modern English theatre. Collection. Comp. Fridshtein Yu. G. In Eng. M. Raduga. 1984. P.174.
10. Salinger J. D. Op. cit. P. 188.
11. Jackson Sh. About Two Nice People // What is the English we read: Universal anthology of texts in English. M. TK Velbi, Publishing house Prospect. 2003. P. 422.
12. Salinger J. D. Op. cit. P. 78.
13. Roy D. CarMa // Humor for a Mom's Heart: stories, quips, and quotes to lift the heart. 2002. P. 210.
14. Shaffer P. Five Finger Exercise // Modern English theatre. Collection. Comp. Fridshtein Yu. G. In Eng. M. Raduga. 1984. P. 49.
15. Salinger J. D. Op. cit. P. 44.

УДК 81'373.217(23)

Р. Р. Яхина, Г. М. Ильдуганова

Особенности модификации заимствований англоязычного происхождения на материале экономической и финансовой терминологии

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ современных экономических и финансовых терминов, перешедших в русский язык преимущественно из английского языка. В условиях экономического развития в современном мире язык постоянно претерпевает изменения под влиянием иностранных слов, что ведет к обновлению лексического состава современного русского языка. На материале экономических терминов проведен анализ, который включает в себя описание функционирования данных терминов в двух языках и их основные характеристики, рассматривается семантическое усвоение заимствованных слов. Установлено, что семантические отношения прототипа и заимствованной финансовой и экономической терминологической лексики в русском языке не всегда совпадают, существуют определенные смысловые расхождения. Выявлено, что новообразования английского происхождения, в основном, перенимаются русским языком для обозначения новых понятий и явлений в сфере экономики и финансов.

This article provides a comparative analysis of modern economic and financial terms, came into the Russian language mainly from English. In terms of economic development in the modern world, language is constantly changing under the influence of foreign words, which leads to updating the lexical structure of the modern Russian language. The analysis is conducted on the material of economic terms that includes a description of the terms operation in two languages and their main characteristics, we consider the semantic assimilation of loan words. It is established that the semantic relationships of the prototype and borrowed financial and economic terminology in Russian language is not always the same, there are certain semantic differences. Revealed that borrowed by the Russian language the English origin new formations are used to nominate new concepts and phenomena in the field of Economics and Finance.

Ключевые слова: заимствование, термин, термин-прототип, семантика, язык рецептор, язык источник.

Keywords: borrowing, the term, the term prototype, semantics, language receptor language source.

В современном русском языке происходят разные языковые процессы, которые являются отражением международных контактов между странами, экономического развития и т. д. Особую роль в лингвистическом анализе занимают иноязычные заимствования английского происхождения. Процесс заимствования слов из других языков естественен для развития любого языка. Особенность иноязычных слов в том, что они переносят из языка-источника социально-политические процессы, происходящие в данном обществе, в язык-рецептор. Таким образом, переходя из одного языка в другой, англицизмы вносят новые явления и понятия в реалии современного русского языка.

В любом современном языке новый термин появляется в результате взаимодействия двух языков. Степень усвоенности иноязычного термина в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении зависит от того, как он входит в состав слов: образует ли с исконно русскими словами новые словосочетания и производные слова; расширяется ли сфера употребления заимствованной иноязычной лексики [1].

Общепринято, что в большинстве случаев термины заимствуются другим языком без всяких изменений. Однако мы согласимся с этим утверждением частично. Разумеется, в момент за-

имствования лексическое значение термина-прототипа и заимствованного слова могут совпадать. В дальнейшем, вследствие функционирования англицизма в современном русском языке, термин может подвергнуться разным изменениям: сужению или расширению значения прототипа, сдвигам в значении, образованию синонимов в разных областях, либо в некоторых случаях наблюдается разрыв между значением прототипа и заимствованным словом и т. д. [2]

В современный русский язык вошло множество экономических и финансовых терминов, преимущественно англо-американского происхождения. Появление экономических терминов обусловлено необходимостью наименования новых процессов и явлений, так как в русском языке отсутствуют аналогичные понятия, типа *лизинг, фьючерс, ваучер, дистрибьютер, депорт, консигнация, овердрафт, оферент, форфейтинг, бартер, дивиденд, иммобилизация, кластер, триминг, спойлер, бэкграунд, тренд, шоурум, ритейлер* [3].

Например, *рандомизация* от английского слова *randomization* (от английского глагола *randomize* – располагать что-л. в случайном порядке). Данное слово относится к узкопрофессиональной лексике. Термин *рандомизация* впервые был применён для обозначения понятия ‘случайная выборка’. В дальнейшем термин начал употребляться на финансовых биржах в значении ‘размножение текстов и статей для получения множества новых текстов с помощью подбора синонимов для поисковых машин’. В английском языке основное значение *randomization* это – ‘the process of making something random’ (процесс случайного подбора). В этом случае мы наблюдаем расширение понятия уже в русском языке.

В некоторых случаях понятия, применяемые в профессиональных кругах, переносятся на другой язык для обозначения профессионального термина или понятия. Так, рассмотрим понятие *fair play*. Буквальный перевод данного словосочетания – это ‘справедливая игра’. В профессиональной же сфере словосочетание *fair play* обозначает ‘честное ведение бизнеса, соблюдение правил деловой этики по отношению к партнерам и конкурентам’.

Новое значение входит в язык-рецептор вместе с термином, имевшим это же значение в языке-источнике, например *бизнес-ангелы* (от англ. *business angels*) – эти лексические единицы заимствовались во множественном числе в язык-рецептор, что присуще языку-источнику, и не претерпевали морфологических и семантических изменений. Однако в фонетическом оформлении коррелята произошли изменения: английская буква *g* [дж] в русском варианте передается как *г* [г].

Возвращаясь к рассмотрению семантических отношений прототипа и заимствования, интересно отметить следующий пример со словом *менеджер*. Ранее в русском языке *менеджер* употреблялся, в основном, в значении ‘продавец или работник торгового зала’. Согласно толковому словарю – ‘специалист по управлению производством; предприниматель; наемный профессиональный управляющий’ [4]. В английском языке слово *manager* обозначает – ‘руководитель или управленец’. Если сравнить слова *менеджер* и *manager*, то наблюдаем семантическое несоответствие: менеджер (любой сотрудник офиса) – *manager* (руководитель высшего ранга, отдела или организации). Следует, однако, заметить, что сегодня мы наблюдаем тенденцию обратного процесса, слово *менеджер* начинает использоваться в значении прототипа, а именно – ‘руководитель’.

Социальный фишинг (от англ. – *social fishing* – ловля аудитории, клиентов) – это идентификация посетителей сайта и своего рода сбор информации о них: сколько времени они провели на странице сайта, как часто посещали сайт и прочее. При этом сразу определяется их аккаунт в социальных сетях. Маркетинговая цель – это обычно выявление потенциальной целевой аудитории. В английском языке значение шире – ‘сбор информации по кредитным картам с целью мошенничества; рассылка писем, содержащих ссылки на сайты-ловушки с целью сбора информации’ [5]. Вместо использования русского пояснения термина ‘отслеживание посетителей сети’ предпочтение дается англицизму *социальный фишинг*.

На сегодняшний день экономическая и политическая обстановка в мире обстоит так, что термины, ранее известные только специалистам, расширили сферу употребления и вошли в обиходную речь (*санкции, преференции, интеграция, бизнес-сообщества, контрмера, инициация, дефляция, рецессия, хедж-фонд, аутсорсинг, дефолт, инвестор, краудфандинг, ритейлер, стартап, фрилансер, холдинг, франшбук, коучинг*).

Слово *санкции* имеет различные семантические оттенки в разных областях: в экономической терминологии – ‘меры принудительного воздействия по отношению к нарушителям правил нормального ведения хозяйственной и финансовой деятельности’; в области страхования – ‘принудительное воздействие, применяемое к участникам страховых правоотношений нарушителям страхового законодательства или договора страхования’; в политологии – ‘карательные дипломатические, экономические и общественные действия’. В связи с политической обстановкой в мире в обиход вошло понятие санкций как ‘меры наказания, вводимые по отношению государств, не соблюдающих международные нормы’ [6].

Другой актуальный пример – термин *преференции* от английского слова *preferences*, который в английском и русском языках употребляется во множественном числе. Этот термин зафиксирован в значении ‘льготы, предоставляемые одним государством другому при установлении ввозных пошлин на товары’. Лексические значения прототипа и заимствованного слова совпадают.

В последние годы в бизнесе и научных кругах появилось слово *коллаборация*, обозначающее ‘сотрудничество’. Иноязычное слово практически повторяет значение исконного слова. Сравним, заимствованное слово – ‘специальный коллектив учёных, исследователей, бизнесменов, совместно работающих над какой-либо проблемой’ и прототип – ‘collaboration is the act of working together to produce a piece of work, especially a book or some research’ [7].

Иными словами, иноязычные экономические и финансовые термины входят в повседневную речь, постоянно применяются в СМИ и официальной речи политических деятелей, поэтому эти «модные слова» находят широкое применение в речи простых людей.

В ряде случаев в процессе адаптации иноязычного заимствованного слова происходит изменение его значения или разрыв связи с иностранным прототипом, а именно, процесс сужения или расширения значения.

Финансовый термин *инсайдер* в России употребляется в значении ‘информаторы на финансовых биржах, где они продают информацию при покупке или продаже акции тех или иных компаний’. В английском языке за термином закрепились еще два значения: ‘персонал на территории АЭС’; ‘персонал на территории ТЭС’. Таким образом, термин *инсайдер* характеризуется семантическим сужением понятийного поля.

Если обратимся к сопоставительному анализу значений английского слова *startup* и заимствованного термина *стартап*, заимствованное слово вошло в современный русский язык со значительно сужением значения прототипа. *Стартап* в русском языке предполагает ‘обязательное использование инновационных технологий или бизнес-идей в IT-сфере’ [8]. Также в России называют *стартапом* еще не совсем готовый продукт – «сырой продукт», принимая его как результат разработки. В то же время в США под определением *стартапа* подразумевается ‘компания, которая соответствует ряду определенных условий, осуществляющая разработку и выпускающая продукт или предоставляющая услугу’, причем это не обязательно компания в IT-сфере. Англицизм *стартап* образован от отглагольного существительного *start-up*, обозначающего ‘запуск, начало действия’.

Отметим, что в современном русском языке появилось много словосочетаний уже со словом *стартап*: *стартаперы* (люди, которые работают над развитием нового проекта), *стартап проект* (новый проект с новейшими идеями), *стартап тест* (тестирование, проверка, экспериментирование новейших идей), *стартап перевод* (наброски проекта, переведенный на другой язык).

В английском же языке значение словосочетания *startup* (1) недавно созданная фирма; 2) ввод в действие; 3) включение первоначального капитала; 4) освоение новых видов продукции) шире, рассмотрим некоторые словосочетания:

Startup code – код инициализации, *startup file* – файл запуска, *startup rate* – частота пусков, *startup time* – продолжительность запуска, *cold startup* – пуск из холодного состояния.

Иногда сторонники всего русского рекомендуют заменять иностранные слова исконно русскими словами. В наши дни интенсивное перемещение иноязычной экономической и финансовой лексики из одного языка в другой связан еще и с тем, что англицизмы короче, чем описание экономического явления или понятия.

Наше рассматриваемое слово *стартап*, которое является английским (американским) заимствованием, представляется короче. В любом литературном языке существует тенденция замены длинных определений, словосочетаний однословными терминами или словами, поэтому короткое иностранное слово *стартап* нашло широкое применение среди новичков бизнеса и в деловом мире.

Развитие интернет-технологий влияет на разные области жизни людей, наблюдается интенсивное перемещение иноязычной лексики, преимущественно из английского языка, в русский. Финансовая и маркетинговые сферы обогащаются новыми терминами ранее не существовавшими. Например, термин *лидогенерация* (от англ. leads generation) появилось в нашей речи недавно и все еще воспринимается как иноязычный элемент, иноязычное вкрапление. *Лидогенерация* – это вид интернет-маркетинга, основанный на генерации (т. е. получении) лидов и подразумевающий оплату за результативные контакты пользователей. В речи маркетологов используются также такие термины, как *лид*, *лид-менеджмент*, где слово *лиды* – это потенциальные клиенты, которые пришли на сайт, заинтересовались в товаре или услуге и оставили свою заявку или заполнили форму регистрации. То есть *лидогенерация* – процесс получения заявок из всего интернет-трафика и привлечение потенциальных «горячих» клиентов. Этот иноязычный термин

оформлен на русской почве в соответствии с моделью передачи отвлечённых и абстрактных существительных типа английский суффикс *-tion, -sion* соответствует русскому окончанию *-ция*, которое обычно широко используется в терминологии для передачи иноязычной лексики в русском языке: *эскалация, экстрадиция, санкции, преференция, девальвация и т. д.*

В последнее время в автосалонах широкое распространение получил термин *трейд ин*, когда покупатели сдают старый автомобиль, тем самым уменьшая стоимость новой покупки. В английском языке значение термина *трейд ин* шире – ‘совершать сделки по продаже и покупке, менять с доплатой’. Следует отметить, что в русском языке тематическая группа, связанная с термином *трейд ин*, имеет сему ‘обмен автомобиля с доплатой’ и по сравнению с прототипом (*trade-in* ‘обмен любого товара с доплатой’) отслеживается сужение семантического поля [9].

В английской терминологии термин *роялти* (от англ. *royalty*) является многозначным, по данным электронной энциклопедии. В английском языке множество значений в области терминологии (вид лицензионного вознаграждения, периодическая компенсация, как правило, денежная, за использование патентов, авторских прав, франшиз, природных ресурсов и других видов собственности), а также употребляется в литературном языке в значениях:

1) (*government, politics & diplomacy*) the rank, power, or position of a king or queen – служебное положение короля или королевы;

2) (*government, politics & diplomacy*) royal persons collectively (one who belongs to the royal family) – королевская особа [10];

В русскую терминологию этот термин был заимствован в одном значении: в сфере инвестиций – ‘периодические отчисления продавцу (лицензиару) за право пользования предметом лицензионного соглашения’. В последнее время термин *роялти* получил широкое распространение во франчайзинге как денежная компенсация, которая взимается за пользование логотипом, слоганом, корпоративной музыкой и другими отличительными знаками компаний.

Некоторые экономические и финансовые иноязычные термины в процессе адаптации и функционирования в русских современных периодических изданиях обрели параллельные транслитерированные и нетранслитерированные варианты, что связано с влиянием двух языковых систем языка-источника и рецептора. Существуют несколько причин вариантности [11]:

- сохранение торговой марки (*Skype – Скайп, Samsung – Самсунг, индекс NASDAQ, индекс NIKKEI, Coca-Cola – Кока-кола, Hammer – Хаммер, Ford – Форд, McDonald’s – Макдональдс, Microsoft – Майкрософт*);

- дополнение мировой экономической картины в мире;
- развитие международных контактов в области экономики и финансов;
- сложность восприятия иноязычных терминов (структурное различие английского и русского языка).

Итак, в данной статье мы рассмотрели описание семантической модификации экономических и финансовых терминов, преимущественно семантическое усвоение заимствованных существительных английского происхождения. Также мы затронули особенности функционирования иносистемных элементов в русской экономической терминологии. В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

- основная цель заимствования англоязычного экономического термина – это наименование ранее не существующего в российской экономике явления или понятия;

- выявление их индивидуальных семантических оттенков ведет к созданию синонимических рядов, когда экономическая лексика английского языка не полностью совпадает по значению с русским вариантом. Выявлено, что существуют семантические отенки и во многих случаях между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-стилистическое: иноязычный элемент часто является общеупотребительным словом, а слово, перешедшее в русский язык, сначала является термином, только потом входит в наш повседневный язык;

- в английском языке у термина-прототипа есть глагольная форма, а в русский язык переходит только форма существительного.

Примечания

1. Шайхутдинова Р. Р. Англо-русские языковые контакты конца XX – начала XXI вв. в сравнительном освещении: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008.

2. Яхина Р. Р. К вопросу об исследовании терминологических систем (на примере вычислительной и интернет-терминологии) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. № 33. С. 239–246.

3. Шайхутдинова Р. Р. Неологизмы иноязычного происхождения в русских словарях начала XXI века // Лингвистические исследования: сб. науч.-метод. работ. Казань: Изд. Казан. гос. тех. ун-та, 2008. С. 205–210.

4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2007.
5. Dictionary, Encyclopedia and Theaurus – The free dictionary [Электронный ресурс]. 2017. Дата обновления: 19.02.2017. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 19.02.2017).
6. Словарь по экономике и праву: Ок. 3000 понятий / Л. Ш. Лозовский, Б. А. Райзберг. М.: Омега, 1999.
7. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press 2006. 8th edition.
8. Словарь экономических и бизнес терминов. 2017. Дата обновления: 19.02.2017. URL: <http://expbiz.ru/business-dictionary/24-startap.html>
9. Словари и энциклопедии на Академике. 2015. Дата обновления: 30.04.2015. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.02.2017).
10. Dictionary, Encyclopedia and Theaurus – The free dictionary. 2017. Дата обновления: 19.02.2017. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 19.02.2017).
11. Яхина Р. Р. Иноязычные вкрапления в технической терминологии // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы междунар. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 1. С. 349–354.

Notes

1. SHajhutdinova R. R. Anglo-russkie yazykovye kontakty konca XX – nachala XXI vv. v sravnitel'nom osveshchenii: dis. ... kand. filol. nauk [English-Russian language contacts the end of XX – beginning of XXI centuries in a comparative perspective: dis. Cand. philol. sciences]. Kazan. 2008.
2. YAhina R. R. K voprosu ob issledovanii terminologicheskikh sistem (na primere vychislitel'noj i internet-terminologii) [To the question about the study of terminological systems (on the example of computing and Internet terminology)] // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty – Foreign languages: linguistic and methodical aspects. Tver. Tver State Univ. 2015, No. 33, pp. 239–246.
3. SHajhutdinova R. R. Neologizmy inoyazychnogo proiskhozhdeniya v russkikh slovaryah nachala XXI veka [Neologisms of foreign origin in Russian dictionaries in the beginning of XXI century] // Lingvisticheskie issledovaniya: sb. nauch.-metod. rabot – Linguistic studies: collection of scientific-method. works. Kazan. Publ. of Kazan State Technical University. 2008. Pp. 205–210.
4. Krysin L. P. Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. M. Publishing house Eksmo. 2007.
5. Dictionary, Theaurus and Encyclopedia – The free dictionary [Electronic resource]. 2017. Updated: 19.02.2017. Available at: <http://www.thefreedictionary.com> (date accessed: 19.02.2017).
6. Slovar' po ehkonomie i pravu: Ok. 3000 ponyatij – Dictionary of Economics and law: Approx. 3000 concepts / L. Sh. Lozovskiy, B.A. Raizberg. M. Omega. 1999.
7. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press 2006. 8th edition.
8. Slovar' ehkonomicheskikh i biznes terminov – Dictionary of economic and business terms. 2017. Updated: 19.02.2017. Available at: <http://expbiz.ru/business-dictionary/24-startap.html>
9. Slovarei i ehnciklopedii na Akademike – Dictionaries and encyclopedias on Academica. 2015. Date: 30.04.2015. Available at: <http://dic.academic.ru> (date accessed: 19.02.2017).
10. Dictionary, Theaurus and Encyclopedia – The free dictionary. 2017. Updated: 19.02.2017. Available at: <http://www.thefreedictionary.com> (date accessed: 19.02.2017).
11. YAhina R. R. Inoyazychnye vkrapleniya v tekhnicheskoy terminologii [Foreign fragments in technical terminology] // Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoj lingvisticheskoy shkoly: tr. i materialy mezhdunar. konf. – Scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and current perspectives of research of Kazan linguistic school: proc. and materials of international conf. Kazan: publishing house of Kazan University. 2016. Vol. 1. Pp. 349–354.

УДК 81'373

Е. А. Тулусина, А. Г. Садыкова

Общее и национально-специфическое в репрезентации концептов «lernen» и «учеба» (на материале экспериментальных данных)

В статье предпринимается попытка посредством проведения свободного ассоциативного эксперимента определить, в каком смысловом объеме лексические значения, репрезентирующие концепты «Lernen» и «Учеба» в немецком и русском языках, хранятся в сознании их носителей. В эксперименте приняли участие школьники средней ступени обучения различных типов учебных заведений Германии и России. Полученные слова-ассоциаты позволили выявить общее и национально-специфическое в концептосфере учащихся, а также определить отношение к учению немецких и русских школьников. Научная новизна заключается в том, что концепт «учеба» впервые анализируется с позиции выявления национальной специфики языковых средств его вербализации в немецкой и русской языковых картинах мира. Актуальность

данной статьи обусловлена высокой значимостью концепта «учеба» для немецкой и русской лингвокультур, а также необходимостью исследования лексики в ракурсе представления ею культурных ценностей, поскольку язык фиксирует систему представлений о мире и является, таким образом, отражением менталитета народа-носителя языка.

При помощи экспериментального метода было установлено, что в концептосфере немецких школьников реализуется, в первую очередь, лексико-семантический вариант лексемы “Lernen” – деятельность человека, заключающаяся в усвоении знаний и овладении умениями и навыками. Приобретение какой-либо профессии, специальности как вариант лексико-семантического значения лексемы “Lernen” мыслится учениками немецких школ гораздо в меньшей степени, и совсем незначительно и неявно представлено в концептосфере немецких учеников восприятие данного концепта в значении «быть учащимся какого-либо учебного заведения».

This article attempts to determine through free association experiment in what semantic volume the lexical meanings that represent the concepts “Lernen” and “Учеба” / “Learning” in the German and Russian languages are kept in consciousnesses of their carriers. The pupils of various types of German and Russian intermediate school took part in the experiment. These word-associates revealed a general and national specific in conceptual sphere of pupils determined the attitude of German and Russian schoolchildren to learning. Scientific novelty consists in the fact that the concept “учеба” / “learning” has been first analyzed from the perspective of identifying national specificity of language means of verbalization in the German and Russian language picture of the world. The relevance of this article is determined by high importance of the concept “learning” for the German and Russian linguistic cultures, as well as the need to study vocabulary from the perspective of representation of cultural values, since language fixes the system of representation of the world and is thus a reflection of the mentality of the native people of language.

Using the experimental method, it has been found that in conceptual sphere of German students, first of all, lexical-semantic variant of the lexeme Lernen – human activities is realized, which consists in knowledge acquisition and skills and abilities mastery. Learning a profession, a specialty as a variant of lexical-semantic meaning of the lexeme Lernen is viewed by the pupils of German schools much less, and the perception of this concept in the sense of “to be a student of a educational institution” is represented quite insignificant and implicitly in the conceptual sphere of German pupils.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, учеба, ассоциативный эксперимент, слова-ассоциаты, коннотация.

Keywords: concept, conceptual sphere, learning, associative experiment, words-associates, connotation.

В областях переводоведения и сопоставительного языкознания одной из актуальных тем исследования в наше время остается определение национально-специфического в репрезентации концептов. Лингвокультурологи и психолингвисты отводят особую роль ассоциативному эксперименту как одному из важнейших исследовательских методов. Так, Ю. Н. Караулов полагает, что в вербально-ассоциативных сетях запечатлены особенности менталитета и национально-го характера, отражено ментально-эмоциональное состояние среднего носителя языка [1]. Исследования проявлений национального в психологическом типе представителей той или иной нации в национальной литературе занимают центральное место в отечественной и зарубежной науке. Одними из ключевых понятий в этой сфере исследований являются понятия национальной идентичности и национального характера. Национальная идентичность выступает социально и политически ориентированной материализацией определенного историко-психологического генотипа (национального характера) для данной социальной группы в конкретный период. Национальный характер – это сложившийся на всем протяжении существования культуры и специфический для каждой данной исторически устойчивой общности комплекс духовно-психологических черт, качеств и характеристик, определяющий наиболее предпочтительные для данной общности тип мировосприятия и мышления, формы, средства и методы социальной организации, а также наиболее вероятные для нее типы личностных и социальных комплексов и виды психологической компенсации [2].

Как справедливо замечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, «концепт в сознании отдельного человека может быть вообще полностью личностным по содержанию» [3]. Когнитивные модели одного и того же процесса у разных людей могут иметь разные составляющие. Однако каждому социуму свойственна своя система представлений о реальности, своя картина мира, особый тип национальной идентичности и национального характера.

Мы предприняли попытку выявить, в каком смысловом объеме лексические значения, зафиксированные академическими словарями, и дополнительные значения, выявленные путем анализа языковых средств, репрезентирующих концепты “Lernen” и “Учеба” в немецком и русском языках, хранятся в сознании носителей этих языков. С целью исследования ментальных характеристик социума было проанализировано ассоциативно-смысловое поле слова-стимула

«Учеба» для вычленения базового слоя анализируемого концепта. Для этого был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В свободном эксперименте приняли участие 80 носителей немецкого языка и такое же количество носителей русского языка в возрасте от 10 до 15 лет – школьники различных типов учебных заведений Германии и России. В данном эксперименте мы сознательно исследуем школьников средних классов, чтобы установить корреляцию ассоциаций представителей немецкой и русской языковых картин мира, поскольку именно в этот период обучения школьники находятся в приблизительно равных условиях и можно говорить о релевантности полученных данных. При обработке ответов проводилась их рубрикация на базовый слой и интерпретационное поле. Все ассоциативные связи характеризовались как частотные, если возникали у многих носителей языка, и единичные, если встречались в ответах информантов не более двух раз.

В результате свободного ассоциативного эксперимента среди немецких школьников гимназии, объединенной школы, реального училища и основной школы были получены следующие ассоциации к лексеме *Lernen*:

1) среди школьников **Hauptschule** (основной школы): Lehrer (17), Bildung (15), Schule (13), Projekt (13), Schüler (11), Klasse (10), Vorteile (10), Klassenverband (8), Wissen (8), Spielen (7), gemeinsam (6), Lesen (3), Zeit (3), Unterricht (3), Internet (3). Как видно из полученных данных, ученики основной школы больше ассоциируют учение с конкретными понятиями, лицами (*Lehrer* – учитель, *Schüler* – ученики, *Klassenverband* – классное сообщество и пр.). В целом, в данной группе респондентов можно наблюдать мелиоративные коннотационные значения;

2) среди школьников **Realschule** (реальной школы): Beruf (18), auswendig (15), gemeinsam (15), Kooperation (13), langweilig (11), schwer (10), Freizeit (6), lange (6), eigen (6), sozial (3), Bildung (3), verstehen (3). Ученики реальной школы ориентированы на получение профессии, что не может не отразиться в языке – самой частой ассоциацией является лексема *Beruf* (профессия). В данной группе респондентов можно отметить также наличие пейоративных оценок учения (*langweilig* – скучно, *schwer* – трудно, *lang* – долго). Кроме того, можно наблюдать стремление к кооперации, объединению усилий (*gemeinsam* – совместная, *Kooperation* – объединение);

3) среди школьников **Gymnasium** (гимназии): Einsatzmöglichkeiten (17), Motto (16), Vorteile (15), Projekt (15), Fremdsprachen (14), Computer (14), mobile (15), erfolgreich (14), Forschen (13), Neu (13), Mathematik (12), kollegial (12), Gedächtnis (10), Motivation (10), gefördert (7), Wissen (6), Spaß (5), Freizeit (5), erfolgreich (4), Leben (3), muss (3) interkulturell (5). Очевидным в данной группе респондентов является наличие большего числа ассоциатов применительно к лексеме *Lernen*, что свидетельствует о более высоком уровне интеллектуального развития школьников. Кроме того, здесь мы можем наблюдать преимущественно абстрактные существительные (*Motto* – девиз, *Vorteile* – преимущества, *Forschen* – исследования, *Gedächtnis* – память), что также указывает на обобщенность, структурированность языковой картины мира гимназистов. В данной группе преобладают мелиоративные оценки процесса учения;

4) среди школьников **Gesamtschule** (объединенной школы): viel (18), auswendig (16), voneinander (16), müssen (14), etwas (13), Englisch (13), Fehlern (13), siegen (11), Schüler (11), verstehen (11), gemeinsam (10), schwimmen (8), neu (7), Schule (6), schnell (4), Vokabeln (4), Neu (3), Fürchten (3), Demokratie (3). Объединенная школа является смешением разных типов школ «под одной крышей», что частично находит свое отражение в языке. Также довольно часто респонденты указывают на демократичность, свободу, кооперацию в учении, однако более частотными являются ассоциации, объективирующие страхи и обязательства учеников перед родителями, учителями и обществом в целом.

В русском языке аналогичный эксперимент был проведен с учащимися средних общеобразовательных школ, школ с углубленным изучением отдельных предметов и учеников гимназий. В результате этого были получены следующие слова-ассоциаты к лексеме *Учеба*:

1) среди учеников **средних общеобразовательных школ**: заниматься (15), домашнее задание (15), ЕГЭ (14), чтение (12), понимать (10), ошибки (10), сложно (8), усталость (8), интересоваться (6), стараться (5), списывать (5) прогуливать (3). Слово-стимул имеет у данной группы респондентов в основном нейтральную эмоциональную окраску, хотя можно отметить и пейоративные реакции;

2) среди учащихся **общеобразовательных школ с углубленным изучением отдельных предметов**: одноклассники (17), учитель (17), оценки (16), познание (15), экзамен (14), стресс (12), домашнее задание (10), предметы (10), знания (7), головная боль (7), успехи (5), школьная форма (5), скучно (3), учебник (3), списывать (2), перемена (2). При анализе ответов данной группы респондентов нами была отмечена большая степень соотнесенности ответов с первой группой респондентов;

3) среди учащихся **гимназий**: учитель (18), одноклассники (17), школа (15), ЕГЭ (15), знания (15), домашнее задание (13), интернет (11), класс (10), решать задачу (9), память (7), думать (6), умения и навыки (5), исследование (5), доказывать свою точку зрения (3), внимание (3), профессия (3). В данной группе респондентов выявлены ассоциации, связывающие учение с познанием, приобретением знаний, умений и навыков.

Сопоставляя и обобщая полученные данные, распределяем их по уровням ощущение, восприятие, представление и понятие, получая, таким образом, следующие сводные данные (табл. 1, 2):

Таблица 1

Ассоциативная структура концепта “Lernen”

	Ассоциации
Ощущение	langweilig (12), stressig (11), müde (9), interessant (5)
Восприятие	Kenntnisse (9), Schwierigkeiten (9), Freude (6)
Представление	<u>Einsatzmöglichkeiten</u> (17), <u>Lehrer</u> (17), <u>Motto</u> (16), <u>Wettbewerbsvorteile</u> (15), <u>Projektarbeit</u> (15), <u>Bildung</u> (15), <u>Fremdsprachen</u> (14), <u>Computer</u> (14), <u>erfolgreich</u> (14), <u>Schulen</u> (13), <u>gemeinsam</u> (13), <u>Kooperation</u> (13), <u>Forschen</u> (13), <u>Neu</u> (13), <u>Mathematik</u> (12), <u>kollegiales Lernen</u> (12), <u>Schüler</u> (11), <u>Klasse</u> (10), <u>Gedächtnis</u> (10), <u>Motivation</u> (10), <u>gefördert</u> (7), <u>Wissen</u> (6), <u>Spaß</u> (5), <u>Freizeit</u> (5), <u>Leben</u> (3), <u>Unterricht</u> (3), Internet (3)
Понятие	Freizeit (6), Existenzsicherheit (4), <u>eigene Bildung</u> (6), <u>soziale Bildung</u> (3), verstehen (3), Fürchten (3), Demokratie (3)

Таблица 2

Ассоциативная структура концепта «Учеба»

	Ассоциации
Ощущения	усталость (11), переживание (5), нервозность (3)
Восприятие	мучение (15), трудности (11), радость (5)
Представление	занятие (22), трудности (21), посещение уроков в школе (20), исследование (18), экзамены (17), ЗУН (15), самообразование (13), усилия (12), знание (10), повторение (9), обучение профессии (8), свет (7), продвижение вперед (7), оценки (5), будущее (5) выполнение домашнего задания (6), старание (4), рост (3), плод (3), объяснение (2), запоминание (2), ответ (2), решение задачи (2), зубрежка (2), анализ (1), Интернет (1), решение (1)
Понятие	развитие (28), совершенствование (22), взросление (7), ум (4), уверенность в завтрашнем дне (3), осознание (2), вложить все силы и старания (1)

Симметрия «послойного» строения концептов “Lernen” и «Учеба» в немецком и русском языках состоит в присутствии всех составляющих: сенсорной, перцептивной, образной и понятийной. Ядро обоих концептов является образно-понятийным (то есть на уровне представления и понятия).

Большинство ассоциатов имеют положительную или нейтральную коннотацию (63%), хотя на уровне ощущений ярко выражен пейоративный компонент значения: трудности, усталость, стресс (37%). Специфичным для немецкой языковой картины мира является сугубо практическая направленность в учении, о чем свидетельствуют наиболее частотные ассоциации Einsatzmöglichkeit (возможность использования в повседневной жизни), Wettbewerbsvorteile (конкурентные преимущества), Motivation (мотивация), а также стремление работать в команде: kollegiales Lernen (коллективное учение), Projektarbeit (проектная работа), gemeinsam (совместно). В целом отмечают такие аспекты учения, как инициативность, работоспособность, свобода внутреннего «я». В русской языковой картине мира подчеркивается эмоционально-психологическая оппозиция: сложность процесса обучения – радость, удовлетворение от полученных результатов.

В каждой концептосфере можно, таким образом, наблюдать наличие особых, специфичных черт, присущих данной нации [4]. Например, проектная форма обучения немецких школьников в гимназиях находит свое отражение в наличии данного слова-ассоциата в немецком языке и его отсутствии в русском. Очевидно, что слово-стимул вызывает у немецких и русских школьников больше приятных ассоциаций, связанных с развитием, поступлением в вузы, процессом обучения, а также совершенствованием и самосовершенствованием человека. Однако достаточно часто встречаются реакции, связанные со страхами людей, ассоциирующихся с данным словом-стимулом, что позволяет сделать вывод о полярности концептов “Lernen” и «Учеба» – процесса совершенствования и развития, с одной стороны, и скрытого страха угрозы – с другой.

Сопоставляя вербальные ассоциации немецких и русских респондентов со значениями, перечисленными в словарных статьях, получаем следующие результаты:

1) в концептосфере немецких школьников реализуется, в первую очередь, лексико-семантический вариант лексемы *Lernen* – деятельность человека, заключающаяся в усвоении знаний и овладении умениями и навыками. Приобретение какой-либо профессии, специальности как вариант лексико-семантического значения лексемы *Lernen* мыслится учениками немецких школ гораздо в меньшей степени, и совсем незначительно и неявно представлено в концептосфере немецких учеников восприятие данного концепта в значении «быть учащимся какого-либо учебного заведения»;

2) в концептосфере русских учащихся также преимущественно объективируется лексико-семантический вариант лексемы *учеба* как познавательной деятельности обучаемых, направленной на овладение суммой знаний, умений и навыков, способов учебной деятельности. Для русских учеников «учиться» – это, прежде всего, «усваивать, приобретать знания, навыки». «Учиться» в значении «быть учащимся какого-либо учебного заведения» мыслится школьниками гораздо в меньшей степени. Совсем незначительно и неявно представлено в концептосфере русских школьников восприятие данного концепта в значении «приобретение какой-либо профессии, специальности».

Примечания

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
2. Safina R. A. The Stylistic Potential of the Contextual Usage of Phraseological Units as Hybrid Formations / R. A. Safina, E. V. Varlamova, E. A. Tulusina // Asian Social Science. Vol 11. 2015. № 19.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 7–10.
4. Safina R. A. Interkulturelle Kompetenz als Aufgabe des modernen Fremdsprachenunterrichts // Германстика в современном глобальном мире: поликультурное измерение изучения и преподавания немецкого языка. Ульяновск: УлГПУ, 2011. С. 167–174.

Notes

1. Karaulov YU. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. 3d publ. M. Editorial URSS. 2003.
2. Safina R. A. The Stylistic Potential of the Contextual Usage of Phraseological Units as Hybrid Formations / R. A. Safina, E. V. Varlamova, E. A. Tulusina // Asian Social Science. Vol 11. 2015. № 19.
3. Popova Z. D., Sternin I. A. Osnovnye cherty [Main features of semantic-cognitive approach to language] // Antologiya konceptov – Anthology of concepts. Volgograd. 2005. Vol. 1. Pp. 7–10.
4. Safina R. A. Interkulturelle Kompetenz als Aufgabe des modernen Fremdsprachenunterrichts // Germanics in the modern global world: poly-cultural dimension of learning and teaching the German language. Ulyanovsk. UISPU. 2011. Pp. 167–174.

УДК 81

Л. А. Хуранова

Типология языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике

В данной статье языковая личность рассматривается в лингвистическом аспекте с опорой на достижения таких междисциплинарных наук, как гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингводидактика, лингвокогнитивистика, лингвокультурология, лингвопрагматика, лингвосоционика, нейролингвистика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика. Все подходы к описанию языковой личности автор предлагает разделить на два вида: реализуемые 1) с точки зрения референции самой личности и 2) с позиции особенностей языковой / речевой деятельности личности. Автор приходит к тому выводу, что все типы ЯЛ служат подтверждением того, что личность не представляется вне социума, вне определенного культурного сообщества, вне этноса. Этническое единство основано на осознании некоторым числом людей, обладающим общностью языка, культуры, традиций, территории, своей целостности, идентичности. При этом культура выступает как интегрирующий элемент разных локальных образований, в том числе и субкультурных объединений.

In this article, the linguistic personality is considered in the linguistic aspect based on the achievement of such interdisciplinary Sciences as gender linguistics, cognitive linguistics, linguistic didactics, cognitive, cultural linguistics, linguo-pragmatics, lingvosociology, neurolinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, ethno-linguistics. All approaches to the descrip-

tion of linguistic identity, the author proposes to divide into two kinds: cashable 1) terms of reference of the individual and 2) the positions of features of the language / speech activity of the individual. The author comes to the conclusion that all linguistic personality are proof that personality does not appear to be outside of society, outside of a specific cultural community, outside of the ethnic group. Ethnic unity based on an awareness of a number of people with common language, culture, traditions, territory, its integrity, identity. While culture serves as an integrating element of the different local formations, including subcultural associations.

Ключевые слова: междисциплинарность, интегративность, этнокультурный тип, субкультурная языковая личность, эмигская языковая личность, субкультурный стиль.

Keywords: interdisciplinarity, integration, ethnocultural type, subcultural linguistic personality, linguistic personality emo, subcultural style.

Как известно, понятие «языковая личность» как углубленное, развитое и насыщенное дополнительным содержанием понятие личности вообще [1] возникло в антропологистике еще в XVIII–XIX вв. в трудах В. фон Гумбольдта и И. Г. Гердера, с течением времени получило значительное развитие в работах Л. Вайсгерберга, который впервые обратил внимание на индивидуальный характер владения языком. Как «многомерное образование» рассматривает языковую личность В. И. Карасик [2], в связи с чем возможным представляется ее исследование в совершенно разных аспектах, каждый из которых формирует специфическое представление о ней. Многоплановость данного понятия связана с его междисциплинарностью и интегративностью: именно учение о языковой личности стирает грани между всеми дисциплинами, занимающимися исследованием человека. Безусловно, лингвистический аспект рассмотрения языковой личности (далее – ЯЛ) опирается на достижения других наук и учитывает их, о чем свидетельствует разработка данного понятия в языковых направлениях, объединяющих в себе несколько смежных отраслей научного знания. Речь идет о гендерной лингвистике, когнитивной лингвистике, лингводидактике, лингвокогнитивистике, лингвокультурологии, лингвопрагматике, лингвосоционике, нейролингвистике, психолингвистике, социолингвистике, этнолингвистике, в рамках которых в соответствующем аспекте и рассматривается языковая личность.

Все подходы к изучению языковой личности считаем целесообразным подразделить на два вида: 1) реализуемые с точки зрения референции самой личности, то есть её психологических, этнокультурологических, социологических показателей; 2) реализуемые с позиции особенностей языковой / речевой деятельности личности. Безусловно, и тот и другой вид непосредственно проявляется в языке, в дискурсе, создаваемом ЯЛ, так как язык – это неотъемлемая составляющая ЯЛ, наряду с её этнической, социальной и психологической характеристиками. Поэтому предлагаемая нами дифференциация носит весьма условный характер. К первой группе относятся *лингвокультурологический, этнолингвистический, психолингвистический и социолингвистический подходы*. Ко второй – *лингводидактический, когнитивный, лингвокогнитивный и лингвопрагматический аспекты изучения ЯЛ*.

Бесспорно, типологизация языковых личностей имеет разные основания. Критерием классификации языковых личностей в данной статье служат два из перечисленных выше подходов – *лингвокультурологический и этнолингвистический*, которые, на наш взгляд, взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Как представитель определенной культуры, личность, независимо от своей воли, «впитывает» национальные обычаи и продуцирует соответствующий менталитет, проявляющийся на подсознательном уровне в её языке. Именно этот факт способствует рассмотрению ЯЛ в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспекте. В работах, выполненных в подобном русле, выделяются следующие типы ЯЛ.

Культурная ЯЛ [3]. Основным критерием маркирования этого типа личности является культура, вне которой существование человека не представляется возможным, поскольку с самого рождения он попадает в конкретное культурное пространство, формирующее его духовное начало. То есть здесь языковая личность определяется, прежде всего, как представитель определенной культуры, носитель характерных для неё обычаев и традиций, передача которых мыслима только через язык и с помощью языка.

Бикультурная / поликультурная ЯЛ [4]. Современная эпоха, характеризующаяся процессами глобализации, интеграции, способствует увеличению количества индивидов, владеющих двумя или несколькими языками и, соответственно, культурами. Би- / поликультурная ЯЛ обладает способностью сочетать в себе системное познание как нескольких языков, так и культур.

Собственно национальная ЯЛ ярко представлена в работе Ле Дык Тху [5]. По мнению автора, национальная языковая личность представляет собой ядро, играющее первостепенную

роль как в речевой, так и в письменной деятельности, реализующейся в коммуникативном процессе между членами одного или разных обществ. Это носитель определенных ценностей, веками накопленных и передающихся из поколения в поколение посредством языка как знаковой системы в широком смысле этого слова.

Этническая ЯЛ [6] представляет собой личность, осознающую себя, прежде всего, как часть определенного этноса, отождествляющую себя с другими по категориальному этническому признаку.

Под **полиэтнической ЯЛ** [7] принято понимать личность, формирование которой протекает в полиэтническом пространстве, на становление которой оказывает существенное влияние «многоликое» этническое окружение.

Дистинкция **ЯЛ лингвокультурного типажа** достаточно основательно представлена в статье А. Ю. Коровиной [8]. Лингвист определяет лингвокультурный типаж как составляющую часть национального и культурного пространства, характеризующуюся своеобразной этнической принадлежностью, осознание которой становится возможным при столкновении с представителями, явлениями инокультуры. «Лингвокультурный типаж является своеобразным звеном в построении типа культуры, частицей своеобразия определенного культурного сообщества. Таким образом, культура может рассматриваться как совокупность лингвокультурных типажей» [9]. То есть под лингвокультурным типажом можно понимать языковую личность, представляющую собой обобщенный образ в реальности существующих личностей, воплощающий в себе ценностные мировоззрения современного социума. В связи с этим необходим учет категории прецедентности при характеристике ЯЛ лингвокультурного типажа – такого рода личность широко известна практически каждому представителю данного языкового и культурного единства, значима для этого сообщества в плане культурного ориентира.

Кроме того, можно выделить **этнокультурный тип** (имеются в виду типичные представители определенного этнокультурного сообщества), который получает аксиологическую квалификацию со стороны носителей иных культур и языков. Здесь можно в качестве примера привести такие типы ЯЛ, как *евразийская ЯЛ*, *английская ЯЛ*, *немецкая ЯЛ*, *англо-американская ЯЛ*, *бурятская ЯЛ*, *славянская ЯЛ*, *ЯЛ россиянина*, *русская ЯЛ*, исследованию которых посвящено значительное количество научных трудов.

Евразийская ЯЛ весьма скрупулёзно описана в статье И. С. Карабулатовой [10]. Данный тип ЯЛ ориентируется на рассмотрение процессов взаимодействия и интерференции таких неблизкородственных языков, как татарский, казахский и русский, что ведет к формированию евразийской языковой личности, отличающейся новыми чертами как в языковом, так и в культурном планах. Автор описывает инварианты евразийской языковой личности, которые проявляются в сосуществовании в пределах одного пространства тюркоязычной и славяноязычной ЯЛ. При этом следует отметить, что первый инвариант евразийской ЯЛ – тюркоязычная ЯЛ (носители татарского и казахского языков) – подвергается сильному воздействию со стороны русского языка, причём этот процесс может происходить на подсознательном уровне. «Мутационный характер эволюционного развития языков-контактеров обеспечивает плавный переход от тюркоязычной языковой личности к русской языковой личности, где промежуточным звеном является русскоязычная языковая личность, обеспечивающая понимание и межкультурную коммуникацию между такими неблизкородственными языками, как татарский // русский и казахский // русский» [11]. Именно евразийская ЯЛ является следствием взаимопроникновения разных типов национальных языковых личностей, мирного сосуществования восточной и западной культур.

Как этнокультурный тип выделяется и **английская ЯЛ** [12] – обобщенный образ носителя английского языка и, следовательно, соответствующей культуры, имеющей свои отличительные особенности. Данный тип ЯЛ также подтверждает факт способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей (в рассматриваемом случае – англичан).

Немецкая и англо-американская ЯЛ являются объектом исследования в статье М. Ф. Масгутовой [13]. В данном случае в качестве национальной языковой личности, представляющей собой не только психолого-культурный, социальный, но и лингвистический феномен, выступают носители английского и немецкого языков в сопоставительном ракурсе.

Бурятская ЯЛ – представитель бурятского этноса, который претерпел в своем развитии множество трансформаций как культурных, так и социальных. Структурная организация бурятской языковой личности состоит из пяти элементов: биологического (пол, возраст); этнического (национально-культурная принадлежность, национальное самосознание); социального (социальный статус, место рождения, профессия); психического (эмоциональное состояние языковой личности, индивидуальные особенности темперамента); индивидуального (идиолект – индивидуальный язык) [14].

Славянская ЯЛ [15] – обобщенный представитель и носитель языкового сознания славянского этноса, в речевой практике которого имплицитно находят отражение историко-культурный опыт и мировоззрение славянских народов.

ЯЛ россиянина [16]. Данный тип ЯЛ составляют не только русские, но и другие проживающие на территории Российской Федерации этносы, представители которых являются ее полноправными гражданами, считающими себя именно россиянами. «Для них русский язык а) “второй родной”, свой язык – первичен или б) русский язык – “первый родной”, а свой язык вторичен» [17].

Русская ЯЛ [18] – обобщенный образ представителя русской народности.

Особо хотелось бы остановиться на следующем типе ЯЛ – **субкультурная ЯЛ**. Данная разновидность была введена нами в научную типологизацию ЯЛ. Под субкультурной языковой личностью мы понимаем *представителя молодёжной субкультуры, отличающегося системным образованием ценностных установок, жизненными приоритетами, моделью поведения, своим стилем*. При этом субкультура нами понимается как автономная культурная подсистема, образованная и функционирующая внутри господствующей культуры социума. *Субкультурная ЯЛ представляет собой личность, которая целенаправленно конструирует собственный стиль поведения как выражение протеста против доминирующей культуры, как сопротивление базовой культуре, но, между тем, живет в рамках общей культуры общества, чувствуя оппозицию к её некоторым сторонам*.

Данный тип ЯЛ вырабатывает собственный субкультурный стиль – способ организации внеклассовой идентичности, проявляющийся в своеобразном имидже, оригинальной манере социального поведения, в том числе и языкового / речевого (имеется в виду создание своего арго). Основная цель субкультурной ЯЛ заключается в одних случаях в собственной изоляции от норм, правил и требований господствующей культуры, в других же случаях – в открытом противостоянии им.

Условно можно дифференцировать субкультурную ЯЛ как многополярную и многогранную категорию на **готическую ЯЛ** (представитель готического неформального объединения молодёжи) и **эмигратскую ЯЛ** (представитель молодёжной субкультуры эмо), которые и послужат непосредственным предметом нашего дальнейшего исследования.

Таким образом, все рассмотренные выше типы ЯЛ служат подтверждением того, что личность не представляется вне социума, вне определенного культурного сообщества, вне этноса. Этническое единство основано на осознании некоторым числом людей, обладающим общностью языка, культуры, традиций, территории, своей целостности, идентичности. Однако не следует забывать о том, что наряду с представлением о единой, универсальной культуре существует понимание множественности культур. Согласно этому положению культура – это интегрирующий элемент разных локальных образований, в том числе и субкультурных объединений.

Примечания

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 38.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 17.
3. Тупикова Н. А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 168–173.
4. Башиева С. К., Дохова З. Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социолингвокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». 2016. № 5. С. 266–273.
5. Летова А. Д. Лингвокультурологический концепт «английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 20.
6. Шойсоронова Е. С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 22.
7. Башиева С. К. Языковая личность в полиэтнической Кабардино-Балкарии: влияние экстралингвистических факторов на ее становление и развитие (результаты социолингвистического опроса) / С. К. Башиева, З. Р. Дохова, Т. А. Чепракова, М. Ч. Шогенова // Вестник Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2009. № 6 (32). С. 142–152.
8. Коровина А. Ю. Лингвокультурный типаж как разновидность языковой личности // Языковая личность в современном мире: материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Секции 1–3. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 34–40.
9. Там же. С. 37.
10. Карабулатова И. С. Евразийская языковая личность: характер взаимодействия славянских и тюркских языков в коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2013. Т. 4. № 4. С. 343–348.
11. Там же. С. 347.
12. Масгутова М. Ф. Концептуальное представление 'дружба' в пространстве немецкой и англо-американской языковых личностей (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32. С. 79–83.

13. Оленёв С. В. Динамическое моделирование русской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2006. С. 270.
14. Пикхарт М. Языковая и культурная языковая личность в современном мире – новые направления в современных культурологических исследованиях // Языковая личность в современном мире: материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Секции 1–3. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 63–67.
15. Ле Дык Тху. Национальная **языковая личность** в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании: на материале русской и вьетнамской культур: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 425.
16. Башиева С. К., Дехова З. Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социолингвокультурных сообществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». 2016. № 5. С. 266–273.
17. Коровина А. Ю. Указ. соч.
18. Сироткина Т. А. Этническая личность в языковом пространстве региона // Филологические науки. 2009. № 1. С. 74–80.

Notes

1. Karaulov YU. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Ed. 6th. M. Publ. LKI. 2007. P. 264.
2. Karasik V. I. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. [Language circle: personality, concepts, discourse]. M. Gnosis. 2004. P. 17.
3. Tupikova N. A. O vyrazhenii slavyanskoj yazykovoj lichnosti v delovyh tekstah nachala VVII veka [Expression of the Slavic linguistic identity in business texts of the early 17th century] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: YAzykoznanie – Herald of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2007, № 6, pp. 168–173.
4. Bashieva S. K., Dohova Z. R. Bilingvizm i polilingvizm kak ob"edinyayushchie nachala razlichnyh sociolingvokul'turnyh soobshchestv Severnogo Kavkaza (na primere Kabardino-Balkarskoj Respubliki) [Bilingualism and multilingualism as a unifying starting point for various sociolinguistic communities of the North Caucasus (on an example of Kabardino-Balkarian Republic)] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'» – Herald of the Russian University of Friendship of Peoples. Series "Education issues: languages and specialty". 2016, No. 5, pp. 266–273.
5. Letova A. D. Lingvokul'turologicheskij koncept «anglijskaya nacional'naya lichnost'» v sopostavitel'no-kontrastivnom opisanii aforistiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguocultural concept "English national identity" in comparative and contrastive description of aphoristic: abstr. dis. Cand. philol. sciences]. M. 2004. P. 20.
6. SHOjoronova E. S. YAzykovaya lichnost': ehnicheskij aspekt (na materiale buryatskoj yazykovoj lichnosti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic identity: the ethnic aspect (on the material of Buryat language personality): abstract. dis. Cand. Philol. sciences] Ulan-Ude. 2006. P. 22.
7. Bashieva S. K. YAzykovaya lichnost' v poliehtnicheskoj Kabardino-Balkarii: vliyanie ehkstralingvisticheskikh faktorov na ee stanovlenie i razvitie (rezul'taty sociolingvisticheskogo oprosa / S. K. Bashieva, Z. R. Dohova, T. A. CHEprakova, M. CH. SHogenova [Linguistic identity in multi-ethnic Kabardino-Balkar Republic: the impact of extralinguistic factors on its formation and development (the results of the sociolinguistic survey)] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN – Herald of Kabardino-Balkar scientific centre of the RAS. 2009, № 6 (32), pp. 142–152.
8. Korovina A. YU. Lingvokul'turnyj tipazh kak raznovidnost' yazykovoj lichnosti [Linguo-cultural type as a kind of language personality] // YAzykovaya lichnost' v sovremennom mire: materialy 1-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. CH. 1. Sekcii 1–3 – Language personality in modern world: materials of 1st International scientific-practical conference. Part 1. Section 1–3. Nazran. Pilgrim. 2010. Pp. 34–40.
9. Ibid. P. 37.
10. Karabulatova I. S. Evrazijskaya yazykovaya lichnost': harakter vzaimodejstviya slavyanskix i tyurkskix yazykov v kommunikativnom prostranstve rossijsko-kazahstanskogo prigranich'ya [Eurasian linguistic personality: the nature of the interaction of Slavic and Turkic languages in the communicative space of the Russian-Kazakh border area] // CHElovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. st. – Man and language in the communicative space: the collection of scientific articles. 2013, vol. 4, No. 4, pp. 343–348.
11. Ibid. P. 347.
12. Masgutova M. F. Konceptual'noe predstavlenie 'druzhiba' v prostranstve nemeckoj i anglo-amerikanskoj yazykovyx lichnostej (po dannym associativnogo ehksperimenta) [Conceptual representation of 'friendship' in the space of the German and Anglo-American linguistic personalities (according to the data of associative experiment)] // Vestnik CHElyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State University. 2010, No. 32, pp. 79–83.
13. Olenyov S. V. Dinamicheskoe modelirovanie russkoj yazykovoj lichnosti: dis. ... kand. filol. nauk [Dynamic modeling of the Russian language personality: dis.... Cand. philol. sciences]. Kemerovo. 2006. P. 270.
14. Pikhart M. YAzykovaya i kul'turnaya yazykovaya lichnost' v sovremennom mire – novye napravleniya v sovremennyh kul'turologicheskix issledovaniyah [Linguistic and cultural linguistic personality in the modern world – new directions in contemporary cultural studies] // YAzykovaya lichnost' v sovremennom mire: materialy 1-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. CH. 1. Sekcii 1–3 – Linguistic personality in the modern world: Materials of 1st International scientific-practical conference. Part 1. Section 1-3. Nazran. Pilgrim. 2010. Pp. 63–67.

15. Le Dyk Thu. Nacional'naya yazykovaya lichnost' v sravnitel'no-sopostavitel'nom lingvokul'turologicheskom opisanii: na materiale russkoj i v'etnamskoj kul'tur: dis. ... d-ra filol. nauk [National linguistic identity in comparative linguocultural description: on a material of Russian and Vietnamese cultures: dis. ... Dr philol. sciences]. M. 2003. P. 425.

16. Bashieva S. K., Dohova Z. R. Bilingvizm i polilingvizm kak ob"edinyayushchie nachala razlichnyh sociolingvokul'turnyh soobshchestv Severnogo Kavkaza (na primere Kabardino-Balkarskoj Respubliki) [Bilingualism and multilingualism as a unifying starting point for various sociolinguistic communities of the North Caucasus (on an example of Kabardino-Balkarian Republic)] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'» – Herald of the Russian University of Friendship of Peoples. Series "Education issues: languages and specialty". 2016, No. 5, pp. 266–273.

17. Korovin A. Yu. Op. cit.

18. Sirotkina T. A. Etnicheskaya lichnost' v yazykovom prostranstve regiona [Ethnic identity in the language space of the region] // Filologicheskie nauki – Philological sciences. 2009, No. 1, pp. 74–80.

УДК 821.111

А. С. Щербакова

Претексты романов П. Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна»

Статья посвящена поэтике романов Питера Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна», привлекающих всё возрастающее внимание читателей и исследователей в связи с современными открытиями в области естественных наук (бином человека, возможности клонирования живого организма), а также в связи с новизной и творческой оригинальностью поэтики современной прозы. Анализируется недостаточно разработанное в теории и практике анализа текста понятие филиации, которое исследуется в рамках категории интертекстуальности. Романы Акройда рассматриваются в контексте обширного пласта «переписанной», «пересозданной», инновационной современной прозы: «Монсеньор Кихот» Г. Грина – оригинальная творческая «вариация» знаменитого романа Сервантеса «Дон Кихот»; роман Мишеля Турнье «Пятница, или Лимбы Тихого океана», где используется сюжет «Робинзона Крузо» Д. Дефо, однако пересозданный роман наполняется новым философским смыслом. На примере анализа вышеназванных романов Питера Акройда установлены легшие в их основу претексты, показано своеобразие филиации, творческого пересоздания предшествующих текстов, их оригинальность – в отличие от подражания и стилизации.

The article is devoted to the poetics of the novels of Peter Ackroyd "the House of Doctor Dee" and "the Journal of Dr. Frankenstein", attracting the increasing attention of readers and researchers in connection with the modern discoveries in the sphere of natural Sciences (the binom of the person, the possibility of the cloning a living organism) and also in connection with novelty and artistic originality of the poetics of the modern prose. The concept of philiation which is not sufficiently developed in the theory and practice of the text analysis is analyzed and it is studied in the framework of the category of the intertextuality. The novels of Ackroyd are considered in the context of the vast reservoir of the "rewrite", "rebuilt", the innovative modern prose: "Monsignor Quixote", G. Green and the original creative "variation" of the famous novel of Cervantes "Don Quixote"; Michel Tournier's novel "Friday, or the limbs of the Pacific", where the plot of "Robinson Crusoe" by D. Defoe is used, however, the recreated novel is filled with a new philosophical meaning. Analyzing the mentioned novels of Peter Ackroyd, the basis of pretext were formed, showing the diversity of philiation, the creative re-creations of the earlier texts, their originality, in contrast to imitation and stylization.

Ключевые слова: интертекстуальность, филиация, транстекстуальность, вариативность, переписанный роман, текст, претекст (предшествующий текст).

Keywords: intertextuality, philiation, transtextuality, variability, re-created novel, text, pre-text (previous text).

Романы Питера Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна» привлекают все возрастающее внимание наших современников. Актуальность исследования связана как с недостаточной изученностью этих непростых текстов, так и с неисследованностью поэтики филиации, а также палимпсестной интертекстуальности, которые оказываются определяющими для расшифровки сложно устроенных произведений Акройда, насыщенных извечными философскими проблемами, которые, попадая в эстетическое поле художественной литературы, приобретают черты фикциональности. Диалогия М. Шелли и связанные с ними отношения филиации романы П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» и «Дом доктора Ди» посвящены теме и

проблемам, получившим возросшее актуальное значение в связи с современными научными достижениями, сделанными в области естественных наук на рубеже XX–XXI вв. (открытие генома человека, успешные попытки пересадки органов, опыты клонирования и др.), которые и придали импульс развитию философской и художественной антропологии. Волнующая история создания гомункулуса корреспондируется с размышлениями об эпистемологической основе претекстов и пересоздающих их современных текстов.

Недостаточная изученность явления филиации проявляется в существующем терминологическом разбросе, характерном для предпринимавшихся попыток определения этого явления. «Объясняя этот феномен, современная критика, – констатирует Т. Г. Струкова, – оперирует такими понятиями, как переработка, трансляция (перевод), адаптация, имитация, подделка (чаще всего ироническая), плагиат (акцентировано иронический), пастиш, ссылка (транспозиция)» [1]. Из приведенного терминологического ряда к названным нами текстам имеют отношение такие номинации, как «переработка», а в случае с постмодернистскими текстами – «пастиш».

Д. Дюришин наряду с наиболее употребимыми формами интертекстуальности – аллюзиями, вариацией и стилизацией – призывает обратить внимание на терминологическую лексику филиации, поясняя: «Мы употребляем это понятие, исходя из исконного значения слова «филиация» (от латинского *filius* – сын).

< ...> Филиация означает такие явления, которые по своему характеру стоят на стыке контактных и типологических сходств или представляют собой результат самого тесного взаимоперекрещивания типологических аналогий и контактных связей» [2].

Понятие интертекстуальности и наиболее распространенные ее формы – аллюзии, реминисценции, цитаты, плагиат, стилизованные подражания и др. – достаточно хорошо разработаны в современном литературоведении, так же как и инструментарий интертекстуального анализа. Достаточно назвать основополагающие труды Ю. Кристевой, Р. Барта, Натали Пьеге-Гро, М. Бахтина, Н. Фатеевой, И. Арнольд и др. Менее разработанными остались формы интертекстуальности, связанные с творческим пересозданием прецедентного текста. Речь идет о «переписанном романе», шире – о пересозданных прославленных текстах писателей-предшественников, обновленных, творчески переписанных последующими авторами. Так, например, Грэм Грин создает свой итоговый полифоничный, диалогический роман «Монсеньор Кихот» как оригинальную творческую «вариацию» знаменитого романа Сервантеса «Дон Кихот». Мишель Турнье пишет роман «Пятница, или Лимбы Тихого океана», пошагово воссоздавая сюжет прославленного романа Д. Дефо о Робинзоне Крузо. Заметим, что этот процесс затронул и канонические тексты – античную и библейскую мифологию. В качестве яркого примера можно назвать романы «Кентавр» Д. Апдайк и «Затерянный мир» Д. Бауэна. Основу последнего составляет миф о Филоктете, знакомый также по одноименным трагедиям Эсхила, Софокла и Эврипида. Миф об Атланте и Геракле пересоздает Дженет Уинтерсон в повести «Бремя». Оригинальную версию библейского сказания о потопе демонстрирует роман «Истории мира в 10 ½ главах» Дж. Барнса.

Таким образом, на сегодняшний день сложился обширный пласт «переписанной», «пересозданной», творчески оригинальной современной прозы.

Натали Пьеге-Гро, осмысливающая интертекстуальность как возможный раздел теоретической поэтики, использует термины: метатекстуальность – «отношение комментирования», объединяющее два текста (производный текст называется метатекстом; перезапись – «в узком смысле слова, такая трансформация текста, при которой высокая тема переносится на низкий предмет, тогда как стиль никак не меняется...». В этот же ряд французская исследовательница-семиолог помещает пародию, отмечая ее игровой характер и противопоставляя ее сатирической бурлескной травестии – с одной стороны и серьезному транспонированию – с другой. Замыкает приводимый терминологический ряд, выделяемый Натали Пьеге-Гро, термин «транстекстуальность» – «все, что связывает тот или иной текст с некоторыми общими категориями (жанры, типы дискурсов, способы высказывания) или другими текстами; транстекстуальность лежит в основе литературности и является специфическим объектом поэтики» [3].

В нашем исследовании мы будем использовать термин «филиация» применительно к анализу соотносительности анализируемого текста – предшественника и пересозданного нового текста, возникающего на основе прежнего. Транстекстуальность рассматривается нами как категория теоретической поэтики, объединяющая, согласно определению Н. Пьеге-Гро, широкий спектр основополагающих поэтологических понятий (жанры, типы дискурсов, мотивика, способы высказывания и др.).

Диалогия Мэри Шелли, состоящая из романов «Виктор Франкенштейн, или Современный Прометей» и «Последний человек», стала претекстом для целого ряда современных произведений. Сама перспектива пересоздания намечена автором в предисловии 1831 г.: «Все имеет начало, говоря сло-

вами Санчо; но это начало, в свою очередь, к чему-то восходит. <...> Творчество состоит в способности почувствовать возможности темы и в умении сформулировать вызванные ею мысли» [4].

Как пример такого пересоздания можно привести роман Брайена Уилсона Олдисса «Прометей Освобожденный» (1973), отсылающий как к прозе Мэри Шелли, так и к более глубокому вертикальному контексту, создаваемому переосмыслением мифа о Прометее [5], [6]. Название романа реминисцентно указывает не только на миф о Прометее и его античные версии, но и на первый роман дилогии М. Шелли, поэтические версии поэмы П. Б. Шелли «Прометей освобожденный». В этом ряду и реминисцентно связанные с дилогией Мэри Шелли романы П. Акройда «Дом доктора Ди» и «Журнал Виктора Франкенштейна». Обобщая, можно с уверенностью констатировать возникновение уходящей вглубь столетий линии филиации.

В романе П. Акройда «Дом доктора Ди» (1993) присутствует палимпсестный вертикальный альязивный контекст, восходящий к мифу о творении, средневековым легендам – «Истории д-ра Фауста, известного волшебника и чернокнижника», напечатанной во Франкфурте-на-Майне Иоганном Шписом (1587), а также к «Фаусту» К. Марло (1594). Одновременно с ранним вариантом гетевского «Прафауста» – “Urfaust” (1772–1775) появился и «Фауст» Лессинга (1775). Из множества текстов, оригинально преломленных творческой фантазией Акройда, возникает новый текст, в зеркалах которого отражаются знаменитые тексты-предшественники, создавая новые смысловые проекции.

Характеризуя жанровую специфику претекста, большинство ученых признает присутствие философского дискурса в дилогии Мэри Шелли «Виктор Франкенштейн, или Современный Прометей» и «Последний человек», а также наличие научно-фантастической (с элементами готики) составляющей, имеющей мифопоэтическое основание. Философский дискурс в романах Акройда искусно соединяется автором с палимпсестной интертекстуальностью (в художественном единстве вышеназванных романов Мэри Шелли и «Журнал Виктора Франкенштейна» П. Акройда исследователи отмечали транстекстуальное отражение в первую очередь мифа о творении – мифа о Прометее, присутствующего в поэмах П. Б. Шелли и Мильтона и создающего многочисленные мерцающие отражения в непростом устройстве современных текстов). «Кроме мифа о Прометее, посягнувшем на божественные prerogatives и пожелавшем стать равным Богу, существовали антропогонические мифы разных народов о сотворении человека из земли или глины, например египетские, шумеро-аккадские. Интерес для М. Шелли представляли не столько всевозможные мифические сказания, по-разному описывающие чудесное сотворение человека, сколько описание известных научных экспериментов по созданию живого существа, искусственного человека, или гомункула», – справедливо отмечает Б. Р. Напцог [7].

Мотив творения, дуальность персонажей и персонифицированная оппозиционность добра и зла протягивают далее нити филиации к «Острову д-ра Моро» Г. Уэллса и высоко ценимой английским литературоведением повести Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», а далее, в XX в. – к романам Майринка, П. Акройда, Ч. Поланика.

Виктор Франкенштейн в романе Мэри Шелли совершает трудный путь к философскому знанию, который лежит через постижение позднее отвергнутых им учений средневековых мистиков и алхимиков – Агриппы Неттесгеймского (ученого-алхимика, писателя, врача, натурфилософа, оккультиста, астролога и адвоката, жившего в XVI в.) и Парацельса (знаменитого врача и естествоиспытателя XV в.), упоминаемых в романе Мэри Шелли. Они присутствуют и в тексте романа П. Акройда «Дом доктора Ди». Отвергнутая Виктором Франкенштейном эпистемологическая модель, создаваемая поисками адептов этих натурфилософов в романе М. Шелли, получила усложненное развитие в произведении П. Акройда «Дом доктора Ди», а также и вариативное претворение – в «Журнале Виктора Франкенштейна»

«Дом доктора Ди» восходит к роману австрийского писателя Густава Майринка «Ангел западного окна» (Der Engel vom westlichen Fenster), реминисцентно корреспондируясь с его же романом «Голем». Не менее существенной является и литературно-генетическая соотносимость романов Питера Акройда «Дом доктора Ди», «Журнал Виктора Франкенштейна» с разветвленной смысловой линией философской концепции «донорских» текстов. В них преломились философия герметизма, разнообразие мистических учений, христианская теология и многое другое, особенно отчетливо актуализированных в романе Акройда «Дом доктора Ди» в связи с повествованием о создании гомункулуса. Система философских понятий, прошедших значительный путь трансформаций от античности – до (и включая) XXI в., обусловлена происходившей сменой эпистемологических парадигм: Аристотель, Гермолай Барбара (perfectihabia), Лейбниц (включая спор с Ньютоном), Г. Дриш, Эйкен, – получивших последующее развитие в виде «метафизики биологии» и «новой монадологии» у многих философов (см., напр.: Хедвиг Конрад Мартиус).

В романе доминирует мотив Фауста, но не в знаменитом гетевском варианте, что делается очевидным, если учесть структурные особенности романа Акройда. Произведение имеет слож-

ную нарративную основу, но структурировано оно четко: нечетные главы посвящены XVI в. (от 1500 г. и далее), а четные – условно-современной истории Мэтью Палмера. Аллюзии на Фауста встречаются в частях романа, переносящих читателя в XVI в. и глубже. В описании путешествия в Вюртемберг просматривается сюжетная матрица «Urfausta», но не гетевского, поскольку в темпоральном пространстве XVI в., последний не может возникать по определению. Что же касается текстового пространства Мэтью Палмера, то в нем фигурирует скорее антифаустианская «модель», что подтверждается самим акройдовским текстом. Свидетельствует об этом важный фрагмент романа, содержащий описание ряда висящих пробирок с мертвыми гомункулусами. В связи с этим уместно припомнить, что Виктор Франкенштейн в произведении М. Шелли отказывается создать для гомункулуса – монстра, наделенного разрушительной силой, подругу, задумываясь о трагической судьбе человеческого рода, связанной с ее появлением, и заплатив за этот отказ трагически высокую цену – смерть самых близких и дорогих ему людей.

Смысловой итог романа Акройда подводит эпизод, формирующий отрицательное читательское восприятие к подобным опытам создания искусственного человеческого существа. Акройд изображает визжащего гомункулуса, сидящего на воротах, сообщает сведения о том, что Мэтью Палмер доживет до 30 лет и вернется в свое прежнее бесформенное состояние, делает и одновременное указание на возможность возрождения и обретения жизни вечной. Скрытая ирония, однако, заключается в том, что «вечной» жизни отпущен недолгий срок. Она завершается и повторяет свое возрождение в течение очень короткого промежутка времени – через каждые тридцать лет.

Важно обратить специальное внимание на выделенную и маркированную автором подглавку «Сад», существенную для завершения теософской линии произведения и в целом – эпистемологической концепции романа. В итоговых фрагментах повествования, построенного по принципу зеркального энантиоморфизма и лабиринта, происходит смена гендерного знака в образе Фауста «нового времени», равно как и оппозиционное по своей сущности изменение «классического» фаустианского сюжета.

На последних страницах романа появляется образ самого Акройда, который беседует с доктором Ди о книге «Дом доктора Ди». О том, что перед ним «роман в романе», читатель уже знает из более раннего эпизода (чтения старинных манускриптов), содержащего рассказ о попытке написать роман и его небольшой фрагмент. Авторский (акройдовский) метатекст, иначе говоря, риторический дискурс филологической направленности, подводит итог произведению.

Благодаря филиации в читательском восприятии возникает палимпсестное произведение. Ни одна из отдельно взятых линий не может рассматриваться вне создаваемого автором транстекстуального ансамбля, поскольку их объединяет в единство художественного целого их тесная философско-образная взаимообратимость и взаимозависимость. Акройд в своем романе формулирует вопрос, на который должен найти ответ исследователь произведения: «...Я взял несколько малоизвестных текстов, перетасовал их – и получился роман. Но кто он, новый доктор Ди, – не более чем проекция моих личных идей и пристрастий или историческая фигура, образ которой я честно старался воссоздать?» [8].

Примечания

1. Струкова Т. Г. Мэри Шелли, или Незнакомая знаменитость. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 157.
2. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: «Прогресс», 1979. С. 158.
3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 227–228.
4. Шелли М. У. Франкенштейн, или Современный Прометей. М.: «АСТ», 2015. С. 7.
5. Владимирова Н. Г. Формы художественной условности в литературе Великобритании XX века. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1998. С. 68–74.
6. Струкова Т. Г. Указ. соч. С. 159–171.
7. Напцог Б. Р. Воплощение мифа о Прометее в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». URL: vestnikadygnet.ru/files/2013.1/...napsok2013_1.pdf (Дата обращения 10.03.2017)
8. Акройд П. Дом доктора Ди. М.: Б.С.Г.-Пресс: Иностр. лит., 2000. С. 393.

Notes

1. Strukova T. G. Mehri SHelli, ili Neznakomaya znamenitost' [Mary Shelley or Unknown celebrity]. Voronezh. Voronezh State University. 2001. P. 157.
2. Dyurishin D. Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury [Theory of comparative study of literature]. M. "Progress". 1979. P. 158.
3. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to the theory of intertextuality]. M. Publishing house LKI. 2008. Pp. 227–228.
4. SHelli M. U. Frankenshtejn, ili Sovremennyy Prometej [Frankenstein, or Modern Prometheus]. M. "AST". 2015. P. 7.

5. Vladimirova N. G. Formy hudozhestvennoj uslovnosti v literature Velikobritanii XX veka [Forms of artistic conventions in the British literature of the twentieth century]. Novgorod. NovSU n.a. Yaroslav The Wise. 1998. Pp. 68–74.
6. Strukova T. G. Op. cit. Pp. 159–171.
7. Napcog B. R. Voploshchenie mifa o Prometeje v romane M. Shelli «Frankenshtejn, ili Sovremennyyj Prome-tej» [Embodiment of the myth of Prometheus in the novel by M. Shelley "Frankenstein, or the Modern Prometheus"]. Available at: [Herald.adygnet.ru>files/2013.1/...naptok2013_1.pdf](http://Herald.adygnet.ru/files/2013.1/...naptok2013_1.pdf) (accessed 10.03.2017)
8. Akrojd P. Dom doktora Di [House of doctor Dee]. M. B.S.G.-Press: Foreign. lit. 2000. P. 393.

УДК: 821.512.19-14

У. Р. Кадырова

Цветовые характеристики образов любовной лирики Ашык Умера

Статья посвящена комплексному исследованию цветовых характеристик как системы средств построения образов любовной лирики крымского поэта XVII в. Ашык Умера. В работе уделяется внимание малоисследованным, но важным для понимания любовной лирики поэта философским и эстетическим аспектам символики цвета, которые автор использует для характеристики героев. Подробно изучено, с чем ассоциируется и что символизирует цветовая палитра в образах возлюбленной, влюбленного и соперника. Определены и обозначены цвета, характеризующие только одного героя и применимые в описании всех образов любовной лирики поэта. Проанализированы изобразительные средства, широко привлекаемые автором в данных целях. Осуществлена классификация и выделены три формы использования колоративов в любовной лирике Ашык Умера. Данный подход в изучении символов цветовой палитры соответствует лирико-философскому характеру творчества поэта.

The article is devoted to a complex study of color characteristics, as a system of means for constructing images of love lyric poetry of the 17th-century Crimean poet Ashyk Umer. This work concentrates on the little studied but important for understanding the poet's love lyrics philosophical and aesthetic aspects of color symbols, which the author uses to describe the characters. Associations and symbolics of the color palette in the images of a mistress, a lover and a rival been deeply studied. The colors used in the poet's love lyrics to characterize specifically one image or used to describe all the images been defined and designated. The visual means, widely attracted by the author for these purposes, been analyzed. Colouratives used in Ashyk Umer's love lyrics been classified and their three forms been singled out. The approach used in the study of the symbols of the color palette corresponds to the lyric-philosophical nature of the poet's work.

Ключевые слова: цвет, символика, любовная лирика, возлюбленная, влюбленный, соперник.

Keywords: color, symbolism, love lyrics, lover, lover, rival.

Цветовая символика – это одна из составляющих культуры каждого народа. Цветообозначения отражают особенности духовного мира и национальную специфику общества. Нужно отметить, что один и тот же цвет у разных сообществ может выполнять отличающиеся и, в большинстве случаев, противопоставляемые друг другу функции.

В крымскотатарской культуре символика цвета очень обширна. Издавна цвета, заключая в себе глубокую смысловую нагрузку, использовались в одежде, вышивке и орнаменте крымских татар. Данные сферы изучены многими исследователями [1]. Цветовая палитра, присущая крымским татарам, проанализирована в работе Р. Т. Султанбекова [2]. Особенности цветообозначений в фольклоре были изучены литературоведом Ф. А. Сеферовой [3], языковедами Р. И. Гафаровой [4] и А. Ясыба [5].

Цветовой символ – часто используемый элемент в литературе. С помощью колоративов поэты и писатели выражают свои чувства, мысли, психологическое состояние, а также внутренний мир героев. В крымскотатарском литературоведении символика цвета привлекает внимание многих исследователей. Этой тематике посвящены работы профессора Т. Б. Усеинова, рассмотревшего данный вопрос на примере поэзии Крымского ханства [6], и научные изыскания Л. Демирджаяевой на примере творчества поэта Э. Шемьи-заде [7].

Как известно, «образ должен изучаться с точки зрения генезиса, породивших его представлений» [8]. В построении образной системы средневековой лирики цветовые характеристики используют для более глубокого и выразительного описания, а также выявления специфики характеров героев. В данном контексте творчество яркого представителя крымскотатарской

ашыкской поэзии XVII в. Ашык Умера не является исключением. Анализ цветовой палитры лирики поэта до сегодняшнего дня не являлся предметом специального научного исследования. Именно это обусловило актуальность нашей работы.

Цель настоящей статьи – анализ цветковых символов любовной лирики Ашык Умера. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- классификация способов использования цветовой символики в творчестве поэта;
- анализ цветообозначений любовной лирики автора.

Глубокое поэтическое освоение цветовой палитры стилистически и философски обогащало произведения Ашык Умера на протяжении всего его творческого пути и способствовало созданию уникального художественного мира на рубеже нескольких культур. Посредством цветковых символов Ашык Умер создает колоритные и насыщенные образы главных героев любовной лирики, искусно передает красоту возлюбленной, душевные страдания влюбленного и двуличие соперника. Часто применяемыми изобразительными средствами поэта были метафора, сравнение, олицетворение и эпитет.

В произведениях Ашык Умер использует цвета следующим образом:

1. Прямое значение цвета.
2. Переносное – использование цвета посредством изобразительных средств (метафора, сравнение, олицетворение и т. д.).
3. Смысловое – цвет и его оттенки можно определить по смыслу или значению выражений.

В статье анализ цветообозначений выполнен на основе «дивана» (диван – сборник стихотворений одного или нескольких поэтов, в котором стихи по средневековым правилам располагаются в определённом порядке, в зависимости от их стихотворной формы – касыды, газели, рубаи – или в алфавитном порядке рифмуемых слов) Ашык Умера, подготовленного и изданного в 1936 г. турецким литературоведом С. Н. Эргюном [9]. В круглых скобках даны примеры на языке оригинала и указаны порядковые номера поэтических форм в соответствии с этим стихотворным сборником.

Проанализируем следующие примеры колоративов: «*алые ланиты*» («янагы ал») (281) [10], «*белая шея*» («акъ гердан») (322), «*розовый лик*» («руй-и гюльгун») (243), «*карие глаза*» («чешми эля») (393), «*белые зубы*» («без дендалар») (179), «*чёрный локон*» («зюльфу сияхкяр») (179), «*къара зюлюф*» (188), «*чёрные брови*» («эбру сиях») (187). Поэт описывает образ возлюбленной посредством феноменов красоты и использует прямое значение цвета. Характеризуя образ влюбленного, Ашык Умер применяет черный и жёлтый цвета: «*чёрное лицо*» («юзю къара») (539), «*пожелтев, увянуть*» («сарарып солдум») (632). Образ соперника описан только чёрным цветом: «*чёрный пушок, т. е. лицо*» («хатт-ы сиях») (155), «*чёрное лицо*» («юзю къара») (462), «ру сиях» (229, 230).

Цветовая гамма в лирике поэта больше всего представлена вторым способом. То есть Ашык Умер, используя названия растений, цветов, драгоценных камней и определенных народов, выражает цветовые характеристики образов. К примеру, для того чтобы показать красный цвет губ, красно-розовый цвет ланит и лика красавицы, поэт использует метафоры «*розолика*» («гуль юзлю») (77), «*уста, словно розы*» («леблери гуль») (173), «*розощека*» («гуль рухлери») (197, 224), «*вино твоих губ*» («лебин шарабы») (51). Феномены красоты возлюбленной чёрного цвета представлены такими метафорами: «*Локоны цвета ночи (т. е. чёрные)*» («зюльф-и шебгун») (486), «*родинка чёрная перчинка (горошинка)*» («хал фульфуль») (112, 173), «*чёлка базилик*» («какулю рейхан») (197), «*волосы Лейлы*» («сачы Лейля») (19). Метафора «*волосы Лейлы*» опирается на значение имени Лейла (араб. ليل – ночь), а также содержит намек на главную героиню поэмы классика персидской поэзии Низами Гянджеви «Лейля и Меджнун». Наряду с метафорами часто применены олицетворения: «*родинка Индус*» («хал-и Хинду») (24, 145, 287), «*родинки воины-Индусы*» («бенълер лешкер Хинду») (302), «*родинка султан Эфиопии*» («султан Хабеш») (498).

Нам представляется интересным проанализировать цветовой потенциал произведений Ашык Умера, связанный именно с особенностью тюркской культуры, которая сформулировала своё особое отношение к жизни.

Красный и его оттенки одни из самых распространенных цветов в поэзии Ашык Умера. Значения красного цвета очень многогранны. Издавна этот цвет символизировал жизненную силу, энергию и бесстрашие [11]. Красный – это радость, красота, любовь и власть. Но наряду с этим красный цвет – это война, месть и вражда [12].

Учитывая описанный в творчестве красный цвет, думаем, что в поэтическом мышлении Ашык Умера имел место и такой ход мысли.

В лирике Ашык Умера красный цвет символизирует необычайной красоты возлюбленную, радость встречи с ней и любовь. Это цвет драгоценных камней, цветов и богатства недр морских глубин. Для того чтобы описать красоту, свежесть губ, ланит и лика возлюбленной, а также указать

на их красный цвет и его оттенки (розовый, ярко-красный, темно-красный), поэт использует такие конструкции: «розолика» («гуль юзью») (77, 253, 259, 289), «уста розы» («леблери гуль») (173), «ланиты розы» («янагъы гуль») (407), «гуль рухлери» (197, 224), «вино твоих губ» («лебин шарабы»/«леби мюль») (51/190), «лицо ярко-красного цвета» («юзь хамра») (531), «тюльпанощекая» («ляле рух») (114, 260), «ляле рухсар» (313), «губы, словно тюльпаны» («ляле веш леби») (248); «губы-рубины (т. е. красные губы)» («леби лал») (174, 276), «губы-яхонт» («леби якъут») (124), «губы-коралл» («леблери мерджан») (151, 211, 214, 275), «розовощекая» («янагъы ал»/«рухлери ал») (281, 323/537), «ал янакъ» (424), «руйи гюльгун» (243), «розоволика» («юзю ал») (312).

Ашык Умер искусно использует эпитеты *алый, ярко-красный* («ал»), *розовый* («гульгун») и метафоры *роза* («гуль»), *вино* («шарап»), *тюльпан* («ляле»), *коралл* («мерджан»), *яхонт* («якъут»), *рубин* («лал»), которые отражают красный цвет и его оттенки. Метафоры *тюльпан* («ляле») и *коралл* («мерджан») охватывают оттенки красного цвета от розового до темно-красного. Метафора *рубин* («лал») подразумевает красный цвет, варьирующийся от розового с малиновым отблеском до огненно-красного.

Ашыкская литература – это поэзия, которая вобрала в себя особенности поэзии дивана и суфийской обители. Именно по этой причине символика цветовой палитры, предметов и цветов, использованная в творчестве Ашык Умера, будет рассмотрена через призму эстетики данных литератур. Такой подход открывает перспективы многопланового контекстуального прочтения лирических произведений Ашык Умера.

В нашей работе мы предлагаем точку зрения исследователя исламского мистицизма А. Шimmel, которая отмечает, что «красный цвет связан с жизнью, здоровьем и кровью. Красное вино, огонь и красная роза – указывают на Божественную Славу» [13].

Поэт, сравнивая феномены красоты возлюбленной с цветами, драгоценными камнями и богатствами морских глубин красного цвета, наряду с красотой отмечает ее связь с жизнью. Указание на красный цвет в прямом значении соответствует образу возлюбленной, а в символическом – образу Всевышнего.

Параллельно с образом красавицы красный цвет используется в описании образа влюбленного, но в данном случае он символизирует боль и страдания лирического героя, которые он переживает на пути любви к возлюбленной. Например, для того чтобы показать цвет крови влюбленного, использованы следующие метафоры: «*моя грудь кровавый тюльпан*» («багърым ляле хун») (252), «*моя грудь наполнилась кровью, как тюльпан*» («ляле веш хун иле багърым долмада») (541), «*моя кровавая печень, словно тюльпан*» («ляле кибидю джигер хун») (177). Лирический герой, переживая все муки и страдания любви, постоянно «*плачет кровью*» («къан агълай») (510, 541), то есть его глаза, слёзы, грудь, печень всегда в крови.

Таким образом, красный цвет и его оттенки в поэзии Ашык Умера используются, чтобы показать необыкновенную красоту возлюбленной, а также страдания и мучения влюбленного. Символически он указывает на Всевышнего.

Белый цвет в лирике поэта символизирует чистоту, святость и красоту. Он ассоциируется со спокойствием, сиянием и дневным светом. Это один из основных цветов, широко применяемых Ашык Умером. В прямом значении он представлен лексемами *акъ* и *бяз*. В качестве эпитета белый цвет употребляется с характерными для него существительными: «*белая шея*» («акъ гердан») (322), «*белые зубы*» («бяз дендалар») (179). С помощью этого колоратива поэт характеризует красоту возлюбленной. Посредством метафор «*зубы жемчуг*» («тишлери инджи») (210, 280, 299), «*ланиты жемчуг*» («янакъ инджи») (432) Ашык Умер описывает сияние ланит красавицы, а также демонстрирует ценность и важность возлюбленной в его жизни.

Чёрный цвет в лирике поэта многозначен. Он характеризует все три образа любовной лирики: возлюбленную, влюбленного и соперника. В творчестве поэта данный колоратив представлен двумя способами. В прямом значении употреблены лексемы *къара* и *сия*.

При описании лирического героя чёрный цвет, ассоциируясь с болью, горечью и трудностями его судьбы, символизирует несчастье, горе и боль. Каждое произведение поэта, где это цветообозначение характеризует влюбленного, наполняется атмосферой тревоги, переживания и жалости. Колоратив описывает тяжелую судьбу влюбленного: «*чёрное счастье*» («бахт сиях») (228). Сгорая от любви, грудь и лицо влюбленного становится чёрным: «*моя чёрная грудь*» («къара багърым») (303), «*чёрное лицо*» («юзю къара») (539).

При описании соперника чёрный цвет принимает негативные функции. Лирика поэта принимает более динамичный и эмоциональный характер, так как, описывая отношение к сопернику, раскрывается душевное состояние лирического героя. «Чернота» соперника символизирует его лицемерие и низость: «*чёрное лицо*» («юзю къара») (462), («ру сиях») (229, 230, 275, 463), «*чёрный пушок*» («хатт-ы сиях») (155).

Несмотря на отрицательные характеристики, данный колоратив – это цвет гармонии (смена дня и ночи). Ночь покрыта темнотой и тайной, поэтому она ассоциируется с чем-то скрытым, особенным и желанным. В лирике Ашык Умера чёрный цвет при описании возлюбленной символизирует красоту, таинственность и желание. Например, «чёрные локоны» («зюльфу сияхкяр») (179), («къара зюльф») (188, 346), «чёрные брови» («эбру сиях») (187), «волосы Лейлы» («сачы Лейля») (19) «родинка чёрная перчинка (горошинка)» («хал фульфуль») (112, 173), «чёлка базилик» («какулю рейхан») (197), «волосы базилик» («сачы рейхан») (435), «родинка Индус» («хал-и Хинду») (24, 145, 287), «родинки воины Индусы» («бенълер лешкер Хинду») (302), «родинка султан Эфиопии» («султан Хабеш») (498).

Поэт широко использует эпитеты, метафоры и олицетворения. Упомянув Индусов (Хинду) и Эфиопов (Хабеш), Ашык Умер подразумевает чёрный цвет кожи этих народов и таким образом описывает один из феноменов красоты возлюбленной – чёрную родинку. Метафоры «волосы базилик» («сачы рейхан»), «родинка чёрная перчинка (горошинка)» («хал-и фульфуль»), опираясь на тёмную окраску этих растений, характеризуют чёрные волосы и родинку красавицы.

Желтый цвет в лирике поэта символизирует болезнь и смерть. Он используется только в образе влюбленного. Лирический герой из-за трудностей любви «пожелтев, увядает» («сарарып сола») (632). Так как возлюбленная смотрит на влюбленного свысока или вообще не обращает внимания, он готов быть «у ног ее пылью» («аягъынынъ топрагъы») (437). «Протирать лицо в пыли ее ног» («аягъынынъ топрагъына юзь сюръмеге») (118, 385), «протирать лицо пылью ее порога» («босагъасынынъ топрагъына юзюни сюръмеге») (562). В средневековой лирике пыль имеет жёлтый окрас, следовательно, лицо влюбленного становится жёлтым.

В описании лирического героя есть два примера сравнения лица с золотом: «сделала мой лик золотом» («алтуна дёндердинъ юзюм») (432), «наш лик, как золото» («юзюмюз маненд-и зер») (433). В данном контексте жёлтый цвет драгоценного металла символизирует бледность и болезненность страдающего от любви влюбленного.

Профессор А. Шimmel также отмечает, что «желтый цвет указывает на слабость и увядание, как жёлтая слабая соломка, как отсутствие огня и жизнетворной крови в бледности любящего» [14].

Золотистый и серебристый цвета в лирике Ашык Умера символизируют красоту, сияние, особенность и неповторимость возлюбленной. Оба колоратива использованы только в ее образе. Серебристый цвет в количественном отношении преобладает, для его обозначения использованы метафоры «сим» и «кумюш», имеющие значение «серебристый». Например, «серебролика» («сим рух») (233, 630), «серебротелая» («сим беден») (186, 210, 276), «серебристостаная» («кумюш къамет») (327), «сим эндам» (429). [Та, у кого] «серебристое запястье» («сим билек») (333), [та, у кого] «серебристая шея» («герданы кумюш») (52), «золото твоей шеи» («герданнынъ алтуна») (658), «золотистое лицо» («алтун юзь») (432).

В прямом значении и сочетании с характерным существительным встречается в лирике Ашык Умера колоратив «карий». Эпитет «карие глаза» («чешми эля») (298, 393), («эля гозъ») (645, 656) в строках средневекового поэта также символизируют красоту.

В качестве примеров третьей группы смыслового использования цвета в творчестве Ашык Умера, можно привести следующие конструкции: эпитет «чистый лик» («джемали пак»), сравнение «лицо – день» («юзю гунъ»), «лицо – свет» («джемали нур»). Они символизируют свет, чистоту и красоту лика возлюбленной. Метафоры «горит в груди боль/печаль» («синде дердим январ»), «грудь кебаб, т. е. зажарена» («багърым кебап»), «грудь прожжена» («синем яныкъ») характеризуют горящую, прожженную грудь лирического героя. Данное иносказание следует понимать как указание на сердце влюбленного. Здесь вновь необходимо обратиться к суфизму, где термин «гореть» символизирует озарение, горячее стремление к любви» [15].

Итак, ализ цветовой палитры любовной лирики Ашык Умера показал, что колоративы широко и разнообразно представлены в его творчестве. Автор использует их для глубокого и яркого описания основных образов. Следует отметить, что поэт применяет цвета в прямом, переносном и смысловом выражении (цвет и его оттенки можно определить по смыслу фраз). Второй метод в сравнении с двумя другими представлен большим количеством примеров. В лирике поэта чаще использованы красный с оттенками, чёрный и белый цвета. Красный и черный в равной степени символизируют красоту возлюбленной и терзания влюбленного. В суфийской трактовке красный указывает на Всевышнего. Чёрный цвет в образе соперника символизирует лицемерие. Цветообозначения золотистый, серебристый и карий использованы для описания красоты и неповторимости красавицы. Страдания и болезнь лирического героя изображены посредством жёлтого цвета.

Следует отметить, что колоративы в творчестве Ашык Умера создают яркий и эмоциональный стиль любовной лирики, передают душевное состояние героев, а также таят в себе религиозно-философский смысл.

Примечания

1. Рославцева Л. И. Символика цвета в одежде крымских татар конца XVIII – начала XX в. М., 2000; Чурлу М. Крымскотатарские этнические мотивы в современном декоративном искусстве Крыма. URL: <http://avdet.org/ru/2015/08/31/krymskotatarskie-etnicheskie-motivy-v-sovremennom-dekorativnom-iskusstve-kryma-2/> (дата обращения: 25.04.2017); Абдураманова С. Н., Акчурина-Муфтиева Н. М. Крымскотатарское женское головное покрывало в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / под ред. Н. М. Акчурина-Муфтиева. Симферополь: Изд-во Доля, 2015.
2. Крымскотатарская символика / сост. Р. Т. Султанбеков. Симферополь, 2002.
3. Сеферова Ф. А. Генезис и функции мотивов «алгыш» («благожеланий») и «къаргыш» («проклятий») в крымскотатарском фольклоре // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27 (66). № 3. С. 389–392.
4. Этнокультурные особенности цветообозначений в крымскотатарском фольклоре (на материале пословиц и народных песен) // Культура народов Причерноморья. 2013. № 264. С. 83–87.
5. Ясыба А. Символика цвета у крымских татар. URL: <http://www.el-cheber.com/2010/12/20/simvolika-cveta/> (дата обращения: 22.04.2017).
6. Усеинов Т. Б. Использование предметных и цветовых характеристик при формировании образной системы в поэзии Крымского ханства // V Сходознавчи читання А. Кримського: тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ, 2001. С. 113–115.
7. Демирджаева Л. Цветовое пространство в поэзии Эшрефа Шемьи-заде. URL: <http://ilmiyqirim.blogspot.nl/2014/03/blog-post.html> (дата обращения: 15.04.2017).
8. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
9. Ergun S. N. Aşık Ömer: Hayatı ve şiirleri. Ankara: Semih Lütfi Matbaa ve Kitabevi, 1936.
10. Здесь и далее цифрами указаны номера стихотворений в «Диване» Ашык Омера, подготовленном и изданном в 1936 г. С. Н. Эргюном.
11. Значение цвета в различных религиях. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/3272835/post279723276/> (дата обращения: 25.04.2017).
12. Символика цвета. URL: <http://www.sunhome.ru/psychology/12294> (дата обращения: 25.04.2017).
13. Шиммель А. Распознавание символов Бога. Гл. 1 «Святость природы и культуры». Ч. 2. URL: <http://hojja-nusreddin.livejournal.com/1048691.html> (дата обращения: 03.09.2016).
14. Там же.
15. Тайный язык. URL: <http://fourthway.narod.ru/sufilib/sufee/language.htm> (дата обращения: 26.04.2017).

Notes

1. Roslavitseva L. I. Simvolika tsveta v odejde krimskih tatar kontsa XVIII – nachala XX v. [The symbolism of color in the clothes of the Crimean Tatars of the end of the XVIII – the beginning of the XX century]. M. 2000. Churlu M. Krimskotatarskiye etnicheskiye motivi v sovremennom dekorativnom iskusstve Krima. [Crimean Tatar ethnic motives in the contemporary decorative art of the Crimea. [Electronic resource] Available at: <http://avdet.org/ru/2015/08/31/krymskotatarskie-etnicheskie-motivy-v-sovremennom-dekorativnom-iskusstve-kryma-2/> (Date of the application: 25.04.2017). Abduramanova S. N., Akchurina-Muftiyeva N. M. Krimskotatarskoye jenskoye golovnoye pokrivalo v kollektzii Bahchisarayskogo muzeya-zapovednika. Katalog [Crimean Tatar women's head cover in the collection of the Bakhchisarai museum-reserve. Catalog] / Pod red. Akchurinoym-Muftiyevoy N. M. Ed. Akchurina-Muftiyeva N. M. Simferopol. Publishing house Dolya. 2015.
2. Krimskotatarskaya simvolika – Crimean Tatar Symbols / comp. by R.T. Sultanbekov. Simferopol. 2002.
3. Seferova F. A. Genezis i funktsiyi motivov "algish" ("blagojelanii") i "qargish" ("proklyatiy") v krimskotatarskom folklore. [Genesis and functions of the motives "Algysh" ("benevolence") and "kaargyush" ("curses") in the Crimean Tatar folklore] // Ucheniye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Seriya "Filologiya. Sotsialniye kommunikatsii – Scientific notes of the Taurida National Vernadsky University Series "Philology. Social Communications". Vol. 27 (66). № 3. 2014. Pp. 389–392.
4. Etnokulturniye osobennosti tsvetooboznacheniy v krimskotatarskom folklore (na material poslovits i narodnih pesen) – Ethno-cultural features of color descriptions in the Crimean Tatar folklore (on the material of proverbs and folk songs) // Kultura Narodov Prichernomorya – Culture of the peoples of the Black Sea region. 2013, № 264, pp. 83–87.
5. Yasiba A. Simvolika tsveta u krimskih tatar. [Symbolism of color in the Crimean Tatars]. Available at: <http://www.el-cheber.com/2010/12/20/simvolika-cveta/> (Date of the application: 22.04.2017).
6. Useinov T. B. Ispolzovaniye predmetnih i tsvetovih harakteristik v formirovanii obraznoy sistemi v poezii Krimskogo hanstva [The use of objective and color characteristics in the formation of a figurative system in the poetry of the Crimean Khanate] // V Shodoznachchi chitannya A. Krimskogo. Tezi dopovidey mijnarodnoyi naukovoyi konferentsii – V Oriental A.Krymskiy reading. Proceedings of International Conference a report. Kiev. 2001. Pp.113–115.
7. Demirdjaeva L. Tsvetovoye prostranstvo v poezii Eshrefa Shemi-zade. [Color space in the poetry of Ashref Shemi-zade]. Available at: <http://ilmiyqirim.blogspot.nl/2014/03/blog-post.html> (Date of the application: 15.04.2017).
8. Freydenberg O. M. Poetika syujeta i janra. [Poetics of the plot and genre]. M. The Labyrinth. 1997. 448 p.
9. Ergun S. N. Aşık Ömer: Hayatı ve şiirleri. Ankara: Semih Lütfi Matbaa ve Kitabevi, 1936.
10. Hereinafter figures indicate number of poem in "Divan" by Ashyk Omer", prep. and published in 1936 by S. N. Ehrgyun.

11. Znachenije tsveta v razlichnih religiyah – The meaning of color in different religions. Available at: <http://www.liveinternet.ru/users/3272835/post279723276/> (Date of the application: 25.04.2017).
12. Simvolika tsveta – Symbols of color. Available at: <http://www.sunhome.ru/psychology/12294> (Date of the application: 25.04.2017).
13. Shimmel A. "Raspoznavaniye simvolov Boga", Glava 1 "Svyatost prirodi i kulturi" Chast 2. ["Recognition of God's Symbols", Chapter 1. "The Holiness of Nature and Culture" Part 2. Available at: <http://hojja-nusreddin.livejournal.com/1048691.html> (Date of the application: 03.09.2016).
14. Ibid.
15. Tayniy yazik – Secret language. Available at: <http://fourthway.narod.ru/suflib/sufee/language.htm> (Date of the application: 26.04.2017).

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. А. Сауров

О проблемах педагогической антропологии...

(рецензия на книгу: Корольков А. А., Преображенская К. В.,
Романенко И. Б. Педагогическая антропология в зеркале философии.
СПб.: Алетейя, 2017. 176 с.)

В статье представлено авторское отношение к философскому обобщению – взгляду на педагогическую антропологию в названной книге. В рецензируемой работе на примере педагогической деятельности показано, что антропологическая парадигма является сущностной для понимания человека, в том числе острейших вопросов воспитания и образования. Историко-ценностное отношение к отбору содержания и стилю изложения – удачный пример антропологического взгляда на обозначенную проблему целей педагогической антропологии.

Творческое отношение авторов к отбору содержания под углом зрения историко-философского метода исследования проблем педагогической антропологии позволяет построить новые системы представлений, в том числе на платформе достижений таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Локк, Кант, Гегель, Маркс, Лосев, К. Д. Ушинский и др. Не случайно актуальны и сейчас звучат почти вечные темы диалога, семьи, интеллигенции, народа, культуры, нравственности в воспитании.

The article presents the author's attitude toward philosophical lessons-look at pedagogical anthropology in the book. In the reviewed work on the example of pedagogical activity shows that anthropological paradigm is essential for understanding the person, including the critical issues of upbringing and education. Historical value relevant to the selection of the content and style of presentation is a good example of an anthropological look at the problem of pedagogical Anthropology purposes indicated. Authors creative attitude to the selection of content from the perspective of historical and philosophical anthropology teaching research method allows you to build a new system. Including the platform advances such thinkers as Platon, Aristotle, Locke, Kant, Hegel, Marx, Losev, Ushinskiy, etc. Not coincidentally true and now sound almost eternal themes of dialogue, family, community, nation, culture, morals in education.

Ключевые слова: антропология, философия, методология, личность, воспитание, образование, культура, знание.

Keywords: anthropology, philosophy, methodology, personality, upbringing, education, culture, knowledge.

Личность и возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне...

Э. В. Ильенков*

О чём бы мы ни говорили, какую бы тему и область действий ни взяли, какими бы методами ни пользовались, антропологическая парадигма является целостной и ведущей. Это и есть наша для мира системообразующая всё и вся идея-метод. Одна на всех, если мы – люди. И здесь мой любимый учебный предмет физика – предмет гуманитарный... И при этом моя любимая методология – как самая глубинная и тонкая область познания – пронизана отношением к миру как к универсуму человеческой деятельности, пропитана коллективной мыследеятельностью и всё представляет (по Г. П. Щедровицкому) как «образованность» мышления и деятельности... При этом не принижая такого великого феномена, как Природа. Но всё равно с оттенком следствия...

Мы согласны с мыслью **предисловия** о том, что невозможно современное учение о воспитании, построении, создании человека разумного (включающем и обучение) без философского,

* Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2010. С. 88.

смыслового исследования этого удивительно великого процесса воспроизводства. Только с человеком формы расширенного воспроизводства приобрели доминирование в виде воспитания, духовного развития... За деревьями технических решений (программ, концепций, норм...) исследование и пестование смыслов терять нельзя. Да было бы ещё и само исследование, а не методическая рецептура.

Философское исследование специфично. Идеино-понятийное творение трудно выделить, проследить в анализе-мысли и рецензировать. С нашей точки зрения, в книге педагогическая антропология рассматривается не в зеркале философии, что было бы слишком созерцательно, а через метод философии – трудный категориальный, в том числе исторический, анализ. А метафору зеркала оставим для названия. Она по-своему хороша.

Сначала о методе дела. В чём, собственно, и по поводу чего должно быть исследование? Для начала выделим главные вопросы педагогического бытия и процессов познания антропологии. Во-первых, в чём особенность выражения антропологии в педагогике и образовании? Наверное, в особенностях выражения антропологического видения в содержании образования, в процессах воспитания и развития учащихся. Во-вторых, как, какими инструментами это выражается или обеспечивается? И насколько они современны и эффективны? И, наконец, в-третьих, в чём, собственно, специфика рассматриваемой книги: что даёт философия как метод и средство для раскрытия потенциала педагогических особенностей антропологии? Как раскрываются её смыслы в книге?

На приведённые вопросы читатель сам должен найти ответы в доступном по форме и стилю тексте – в этом и есть творческое прочтение книги. А как без этого? Нам было приятно зафиксировать, что все авторы (что всегда трудно) выдержали чистоту и напряженность мыслей сравнительно кратких по объёму параграфов книги. Отсюда важная ясность текста, нацеленность на главное.

Далее о **сути – продукте-результате книги**. Конечно, научную книгу надо читать с ручкой в руке. И записывать возникающие мысли и чувства. Вот что получилось в нашей работе.

1. Историко-человеческое отношение к отбору содержания и стилю изложения – сам по себе пример антропологического взгляда на обозначенную проблему целей и ценностей педагогической антропологии. Хотя прямо в книге не говорится, но, похоже, характеристика «педагогическая» – ядерная по отношению ко всей антропологии. Не случайно впервые и исторически она появляется в связке с вопросами воспитания и образования. И далее на протяжении тысячелетий эта связь не теряется, а только углубляется. И сколько гениев духа выросло в пространстве антропологии! В книге прослежен вклад мыслителей от Платона до Маркса и современных авторов. В частности, Протагор с его известным принципом «Человек есть мера всех вещей...», редкий для нас Евдокс с его единством эмпирического и теоретического (с. 27), богословский философ и педагог В. В. Зеньковский* (с. 85 и др.) с историческим соотношением духовного и телесного в человеке...

В каждой главе можно найти много полезных и хорошо выстроенных мыслей. Вот только некоторые, что зацепляют и волнуют:

- «Педагогическая антропология современного уровня не может не питаться опытом народного воспитания, ибо трудолюбивые, честные, совестливые, дружелюбные, отзывчивые люди вырастали вовсе не только под влиянием образования» (с. 6).

- «Ушинский смотрел на воспитание как на стратегическую задачу развития народа, которому будет или не будет принадлежать ребёнок, в зависимости от того, как строится воспитание в семье, школе» (с. 74).

- В. В. Розанов предложил три принципа преподавания: «В отношении учащегося принцип индивидуальности утверждает, что по своей природе семья и церковь наиболее индивидуальны в способах своего воздействия на ученика, потому что они внутренне субъективны» (с. 80); «Принцип целостности требует неторопливого обучения, чтобы всякое входящее в душу знание или впечатление не прерывалось другим впечатлением...» (с. 91); «Принцип единства состоит в требовании, чтобы все образующиеся впечатления, входящие в душу ученика, были непременно одного типа...» (с. 82).

- «Современный переход к рыночным отношениям искажает исторический облик творческих проявлений и дарований детей... Различие творчества разума и творчества души должно быть осмыслено в категориях цивилизации и культуры» (с. 102).

- «Развитие человека, его социализация, его интеллектуальное, духовное и даже физическое становление невозможны вне социума и, прежде всего, семьи»; «Чувство семейной памяти

* См. интересную рецензию на его книгу: Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 99–124.

сближает нас с чувством национальной памяти, оно противостоит беспамятству, замкнутому на собственное я, когда нигилизм распространяется даже на родителей» (с. 110, 113).

• «Главным, системообразующим звеном сферы образования является, прежде всего, педагогическое образование» (с. 170).

2. Итак, в первой-четвертой главах рассматривается некое историко-духовное основание названной темы: вопросы педагогической антропологии в античности, средневековье, новом времени, в России на примере творчества К. Д. Ушинского и других педагогов. Потом в двух последних главах «Понятие духовности в контексте педагогической антропологии» и «Человек в ситуации современного образования» задаётся некое понимание современной образовательной реальности через призму антропологии как следствие. Основные понятия и проблемы педагогической антропологии рассматриваются в пятой и шестой главах. Выделим идейные мысли-позиции этих глав.

Во-первых, мы согласны, что фундаментальной (категориальной) содержательной абстракцией является кооперированный человек. В этой абстракции как раз заложены, зафиксированы смыслы его жизни, метафизические потребности и др. И вот ещё тонкая и принципиально важная позиция: основные проявления человека «как метафизического существа» и есть всеобщие (культурные) нормы, передача которых и составляет суть процессов воспитания и образования (с. 108–109). При развертывании за этим стоят все методические решения конкретных учебных предметов. И сами процессы практики.

Во-вторых, при философско-методологическом (теоретическом) анализе человек функционирует, развивается в социуме, фундаментальной ячейкой которого является семья. Отсюда и коренные (ядерные) процессы, ценности и чувства, такие как ответственность, традиции и память национальности, духовность... И которые тоже нормируются культурой. И передаются новым поколениям в форме норм деятельности, но не просто слов, а дел.

В юности на нас сильное влияние оказала мудрая, современная и сейчас книга Э. В. Ильенкова «Об идолах и идеалах» (М.: Политиздат, 1968. 319 с.). Вот одна из её тем: кто мыслит абстрактно, т. е. формально и общо? Да необразованный человек. А вот культурный мыслит конкретно, научно, системно, целостно, понятийно... И мы согласны с мыслью А. А. Королькова о центральном месте норм в любых науках о человеке (с. 125 и др.). В культурной норме (а только об этом и речь) фиксируется некий универсум качеств, в этом смысле она всегда идеальная, духовная. Но важно при этом, что она определяет конкретную образовательную деятельность, может выражаться в текстах, чувствах, процессах, приёмах и др. Словом, это эффективный инструмент развития.

В-третьих, нам ближе психолого-педагогические представления о системном развитии человека в форме некоего движения в биосфере, когнитивной, социальной и духовной сферах: «индивид – субъект – личность – индивидуальность» (В. П. Зинченко, В. И. Слободчиков и др.). Но по существу они мало отличаются от представленных в книге идей (с. 89 и др.). В позиции авторов привлекает стремление задать в качестве фундаментальных понятий педагогической (!) антропологии идеальные процессы творчества и свободы (с. 101 и др.). Очевидно, что они неразрывны с бытием объекта-субъекта «человек», что именно их нормирование и даёт возможность задать нужные процессы деятельности и соответственно этапы становления человека в человеке.

3. Может быть и не прямо, но книга предлагает педагогическую антропологию как метод познания и преобразования реальности. Это в значительной степени определяет и объясняет её структуру «от абстрактного к конкретному», правда, на наш взгляд, материала о конкретностях педагогической практики сравнительно мало. Словом, есть потенциал продолжения, движения к Делу.

В заключение надо бы высказать несколько технических замечаний по тексту книги, но удержался. Вовремя вспомнил вечные строки из Б. Пастернака: «...не поступайся ширью, храни живую точность, точность тайн, не занимайся точками в пункте и зёрен в мере хлеба не считай!». И шире по смыслу эта мысль-метафора действительно определяет-обозначает стиль изложения педагогической антропологии в названной книге – идей и тайн духа там немало. Вот и твердая точка на месте...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАГИЯН Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, Пятигорский государственный университет. 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 9.

E-mail: alexander.0506@mail.ru

ДРОГОВ Евгений Михайлович – аспирант кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета, председатель Кировского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз геральдистов России», директор издательства ООО «О-Краткое». 610000, г. Киров, Динамовский проезд, 4.

E-mail: eugene@okrat.ru

ЗАЛАДИНА Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. 603950, Нижний Новгород, ул. Минина, 24.

E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

ИЛЬДУГАНОВА Гульнара Миншакировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт управления, экономики и финансов. 420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 4.

E-mail: ildugan@mail.ru

КАДЫРОВА Урие Рефатовна – аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет. 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8.

E-mail: site.kipu@gmail.com

КИРЬЯКОВА Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Мичуринский государственный аграрный университет. 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101.

E-mail: shersh-olga@yandex.ru

КРАЗЕ Александра Анатольевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

ЛЕВЧЕНКО Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Набережно-Челнинский филиал Казанского федерального университета. 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: minos201200@mail.ru

ЛУТФУЛЛИНА Гульнара Фирдавиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет. 420066, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

E-mail: gflutfullina@mail.ru

МАТВЕЕВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. 453103, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 49.

E-mail: germcaf@yandex.ru

МАТУШКИНА Марина Олеговна – аспирант кафедры философии, Вятский государственный университет. 610002, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: ma-ros-ol@mail.ru

МУХИНА Наталия Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. 453103, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 49.
E-mail: mukhnat@yandex.ru

НАТХО Ольга Игоревна – заместитель руководителя Высшей школы политического управления и инновационного менеджмента, Пятигорский государственный университет. 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 9.
E-mail: natkho@pglu.ru

ОСМАЕВ Мовла Камилович – кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики, Чеченский государственный университет. 364093, Республика Чечня, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: osmaev.movla@yandex.ru

ПАВЛОВ Александр Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 79.
E-mail: pavloff56@list.ru.

ПОПОВА Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Мичуринский государственный аграрный университет. 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101.
E-mail: natpopova25@mail.ru

САДЫКОВА Аида Гумеровна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, 2.
E-mail: a_sadykova@bk.ru

ТОКАРЕВА Галина Альбертовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и философии, Камчатский государственный технический университет. 683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35.
E-mail: tga41@yandex.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и политических наук, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: arina_trushkova@mail.ru

ТУЛУСИНА Елена Антоновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Высшей школы русской и зарубежной филологии Казанского федерального университета. 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, 2.
E-mail: elena_tulusina@mail.ru

ХАЙРУТДИНОВА Гульшат Ахматхановна – доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: kgulshat@yandex.ru

ХУРАНОВА Лана Ахмедовна – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. 360019, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: vylan2013@yandex.ru

ШАЯХМЕТОВА Линара Айратовна – аспирант кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.
E-mail: LinaraShai@mail.ru

ШЕТУЛОВА Елена Дмитриевна – доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24.

E-mail: shetulowa@yandex.ru

ШИРЯЕВА Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет. 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 9.

E-mail: shiryaevat@list.ru

ЩЕРБАКОВА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: assch84@gmail.com

ЯХИНА Рузиля Раифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева. 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К. Маркса, 10.

E-mail: shroza1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAGIYAN Aleksandr Yur'evich – candidate of philological sciences, associate professor of theoretical linguistics and practice of intercultural communication, Pyatigorsk State University. 9 Kalinin Avenue, 357532, Stavropol region, Pyatigorsk.

E-mail: alexander.0506@mail.ru

DROGOV Evgeniy Mikhailovich – postgraduate student of the Department of journalism and integrated communications of Vyatka State University, the President of Kirov regional department of Russian public organization "Union of heraldists of Russia", Director of the publishing house OOO "O-Kratkoye". 4 Dynamo passage, 610000, Kirov.

E-mail: eugene@okrat.ru

ZALADINA Marina Vladimirovna – senior lecturer of the Department of methodology, history and philosophy of science, Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev. 24 Minin str, 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

ILDUGANOVA Gulnara Minshakirovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor of foreign languages in the sphere of economy, business and finance, Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Management, Economics and Finance. 4 Butlerov str., 420012, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: ildugan@mail.ru

KADYROVA Uriye Refatovna – postgraduate student of Department of Crimean-Tatar literature and journalism, Crimean Engineering Pedagogical University. 8 Uchebnyi lane, 295015, Simferopol, Republic of Crimea.

E-mail: site.kipu@gmail.com

KIRYAKOVA Olga Igorevna – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages and methods of their teaching, Michurinsk State Agrarian University. 101 Internatsionalnaya str., 393760, Tambov region, Michurinsk.

E-mail: shersh-olga@yandex.ru

KRAUZE Alexandra Anatolyevna – candidate of philosophical sciences, associate professor at the Department of philosophy and social sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University. 24 Sibirskaya str., 614990, Perm.

E-mail: krauze@pspu.ru

LEVCHENKO Maxim Vladimirovich – candidate of historical sciences, associate professor, Naberezhnye Chelny branch of Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: minos201200@mail.ru

LUTFULLINA Gulnara Firdavisovna – doctor of philological sciences, professor of the Department of foreign languages, Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: gflutfullina@mail.ru

MATVEEVA Natalia Vasilyevna – candidate of philological sciences, associate professor of the German Languages Department of the Sterlitamak Branch, Bashkir State University. 49 Lenin Ave., 453103, Sterlitamak.

E-mail: germcaf@yandex.ru

MATUSHKINA Marina Olegovna – postgraduate student of the Department of philosophy, Vyatka State University. 36 Moscovskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: ma-ros-ol@mail.ru

Information about authors

MUKHINA Nataliya Borisovna – candidate of philological sciences, associate professor of the German Languages Department of the Sterlitamak Branch, Bashkir State University. 49 Lenin Ave., 453103, Sterlitamak.

E-mail: mukhnat@yandex.ru

NATKHO Ol'ga Igorevna – deputy head of the Higher School of Political Administration and Innovative Management, Pyatigorsk State University. 9 Kalinin Avenue, 357532, Stavropol region, Pyatigorsk.

E-mail: natkho@pglu.ru

OSMAEV Movla Kamilovich – candidate of economical sciences, assistant professor of journalism, Chechen State University. 32 Sheripov str., 364093 Grozniy, Republic of Chechnya.

E-mail: osmaev.movla@yandex.ru

PAVLOV Alexander Pavlovich – candidate of philosophical sciences, associate professor on the Department of sociology, Siberian Federal University. 79 Svobodniy Ave., 660041, Krasnoyarsk.

E-mail: pavloff56@list.ru.

POPOVA Natalia Vladimirovna – doctor of philological sciences, associate professor of foreign languages and methods of their teaching, Michurinsk State agrarian University. 101 Internatsionalnaya str., 393760, Tambov region, Michurinsk.

E-mail: natpopova25@mail.ru

SADYKOVA Aida Gumarovna – doctor of philological sciences, professor of Germanic philology, Kazan (Volga region) Federal University. 2 Tatarstan str., 420008, Kazan.

E-mail: a_sadykova@bk.ru

TOKAREVA Galina Albertovna – doctor of philological sciences, professor of Department of history and philosophy, Kamchatka State Technical University. 35 Kluchevskaya str., 683038, Petropavlovsk-Kamchatsky.

E-mail: tga41@yandex.ru

TRUSHKOVA Irina Yuryevna – doctor of historical sciences, professor of Department of universal history and political sciences, Vjatka State University. 36 Moscovskaya str., 610002, Kirov

E-mail: arina_trushkova@mail.ru

TULUSINA Elena Antonovna – candidate of philological sciences, senior lecturer of Department of Germanic philology, Institute of Philology and Intercultural Communication n. a. Lev Tolstoy of the Higher School of Russian and Foreign Philology at Kazan Federal University. 2 Tatarstan str., 420008, Kazan.

E-mail: elena_tulusina@mail.ru

KHAIRUTDINOVA Gulshat Akhmatkhanovna – associate professor, Department of Russian language and applied linguistics, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: kgulshat@yandex.ru

HURANOVA Lana Ahmedovna – postgraduate student, Department of Russian language and general linguistics, Kabardino-Balkarian State University n. a. H. M. Berbekov. 173 Chernyshevskiy str., 360019, Nalchik.

E-mail: vylan2013@yandex.ru

SHAYAKHMETOVA Linara Ayratovna – postgraduate of the Department of philosophy and social sciences, Perm State of Humanitarian Pedagogical University. 24 Sibirskaya str., 614990, Perm.

E-mail: LinaraShai@mail.ru

SHETULOVA Elena Dmitrievna – doctor of philosophical sciences, professor of the Department of methodology, history and philosophy of science, Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev. 24 Minin str, 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: shetulowa@yandex.ru

SHIRYAEVA Tat'yana Aleksandrovna – doctor of philological sciences, professor of the Department of English language and professional communication, Pyatigorsk State University. 9 Kalinin Avenue, 357532, Stavropol region, Pyatigorsk.

E-mail: shiryaevat@list.ru

SCHERBAKOVA Anastasiya Sergeevna – postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature, Novgorod State University n. a. Yaroslav The Wise. 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., 173003, Veliky Novgorod.

E-mail: asshch84@gmail.com

YAHINA Ruzilya Raifovna – candidate of philological sciences, associate professor of Department of foreign languages, Kazan National Research Technical University n. a. A. N. Tupolev. 10 K. Marx str., 420111, Republic of Tatarstan, Kazan.

E-mail: shroza1981@yandex.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 5 (2017)

16+

Подписано в печать 30.06.2017 г.
Дата выхода в свет 15.07.2017 г.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 200. Заказ № 4620.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36